

А.В. Паншин



ИСТОРИЯ ГОРОДА  
ЕКАТЕРИНОСЛАВА

Книга первая  
МОНАСТЫРСКОЕ УРОЧИЩЕ



C&K

Андрей Паншин

**История города  
Екатеринослава. Книга первая.  
Монастырское урочище**

«Спорт и Культура-2000»

2016

УДК 94(477)(09)  
ББК 63.3(2)+63.3(2УКР)

**Паншин А. В.**

История города Екатеринослава. Книга первая.  
Монастырское урочище / А. В. Паншин — «Спорт и  
Культура-2000», 2016

ISBN 978-5-91775-286-0

О том, почему и как возник город, получивший имя Екатерины Великой, какую роль в его создании сыграли не только Светлейший князь Потёмкин и императрица Екатерина, но и Великий Князь Иоанн III Васильевич, Царь Иоанн IV (Грозный), другие большие и малые правители Руси, пишет Андрей Паншин. Книга первая из трилогии «История города Екатеринослава» содержит большое количество фактических материалов из исторических документов, древних архивов, ссылок на старинные первоисточники. И ещё эта книга о лжи и подлости, о настоящей доблести и об истинных героях.

УДК 94(477)(09)  
ББК 63.3(2)+63.3(2УКР)

ISBN 978-5-91775-286-0

© Паншин А. В., 2016  
© Спорт и Культура-2000, 2016

## Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	45
Глава 6	53
Глава 7	61
Глава 8	70
Глава 9	78
Глава 10	88
Глава 11	96
Глава 12	103
Конец ознакомительного фрагмента.	114

**Андрей Паншин**  
**История города Екатеринослава.**  
**Книга первая. Монастырское урочище**

© Паншин А. В., 2016

© ООО «ИСК», 2016

## Глава 1 Европейская Сарматия

*Мы – те, о ком шептали в старину,  
С невольной дрожью, эллинские мифы:  
Народ, взлюбивший буйство и войну,  
Сыны Геракла и Эхидны, – скифы.*

*Вкруг моря Чёрного, в пустых стенах,  
Как демоны, мы облетали быстро,  
Являясь вдруг, чтоб сеять всюду страх:  
К верховьям Тигра иль к низинам Истра.*

*Валерий Брюсов*

Записки XV–XVI веков, сделанные европейскими путешественниками: послами, купцами, военными офицерами, особенно те, где было дано описание земель, лежавших к востоку, вызывали у современников огромный интерес. Необъятные и загадочные территории от реки Вислы до Днепра, Дона, за Волгу до Каспийского моря, до Урала, принято было именовать Сарматией. Но имя это было родом из других столетий.

В средневековой Европе исследователи новых земель не одну сотню лет сверяли свои географические открытия с информацией античных и древнеримских историков. «Отец истории» Геродот, знаменитый Страбон в своей «Географии», Дионисий Галикарнасский, Плиний Старший, Иордан, кто только не описывал эти легендарные степные просторы. Древние авторы населяли нашу землю то скифами, то сарматами, то считали эти имена синонимами. Гиппократ в своём сочинении «О воздухе, водах и местностях» писал: «*В Европе есть скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды и отличающийся от других народов. Название его – Савроматы. Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях, и сражаются с врагами, пока оне в девушках; а замуж оне не выходят, пока не убьют трёх неприятелей...*».<sup>1</sup> Стефан Византийский в «Описании племён» сообщал: «*Сарматы – скифское племя; страна их – Сарматия. Савроматы – скифское племя... Сирматы – то же, что Савроматы, как говорит Едокс в 1-ой книге: «вблизи Танаида живут Сирматы».*»<sup>2</sup>

Во II веке нашей эры географ и астроном Клавдий Птолемей в своём «Географическом руководстве» разделил Сарматию на две части – Европейскую и Азиатскую, и это деление позже использовалось европейскими историками. Одним из них был профессор и ректор Краковского университета Матвей Меховский, издавший в 1517 году известный труд «Трактат о двух Сарматиях».

«*Древние различали две Сарматии, соседние и смежные друг с другом, одну – в Европе, другую – в Азии. В Европейской есть области: руссов или рутенов, литовцев, москов и другие, прилегающие к ним, между рекой Вислой на западе и Танаисом на востоке*», – сообщал

---

<sup>1</sup> Латышев. Стр. 59.

<sup>2</sup> Латышев. Стр. 265–266.

в трактате краковский профессор.<sup>3</sup> По убеждению польского академика основную часть Европейской Сарматии занимали две области – Россия и Московия.

События XV–XVI веков, конечно, описывал не только Матвей Меховский. Существует немало количество «Записок о Московии», сделанных европейскими дипломатами, священнослужителями, купцами, иностранцами на московской военной службе. Одно из таких сочинений написано в первой половине XVI века Павлом Иовием Новокомским, епископом Ноцерским, со слов Дмитрия Герасимова, посла великого князя Василия III Иоанновича к папе Клименту VII. Записки эти, сделанные много веков назад, любопытны и интересны для чтения даже сейчас:

**«ЮАННУ РУФУ,**

**Архиепископу Консентийскому**

**Ваше Высокопреосвященство!**

*Вы изъявили желание иметь на Латинском языке описание нравов Московитян, заимствованное мною из ежедневных бесед с Димитрием, прибывшим недавно к Папе Клименту VII-му в качестве Московского посла... Да послужит рвение мое знаком глубочайшего моего к Вам уважения и всегдашней готовности исполнять волю Вашу...  
Павел Иовий Новокомский».*

С большим усердием, как и подобает святому отцу, епископ Павел Иовий наносил на бумагу каллиграфические латинские строки о загадочной земле «Сарматия», о Литве, о других соседях Московии: *«К Северо-западу от Московии лежит Литва; с Запада же Пруссия и Ливония средними частями входят в самые пределы Московии в том месте, где Сарматское море, проходя сквозь тесный пролив Кимврийского Херсониса, склоняется лунообразным заливом к Северу».*<sup>4</sup>

Как видим, северо-западную границу Московии уже тогда европейцы определяли проходящей где-то по полуострову Ютландия, разделяющего Балтийское и Северное моря. Само же Балтийское море Павел Иовий называет Сарматским, как принято в Европе того времени. Но в ходу было, прежде всего в землях славян, ещё одно название моря – «Варяжское». О северо-западной границе Московии, о Великом Княжестве Литовском писал и краковский профессор:

*«Великое княжество Литовское – весьма обширная область. В ней много князей литовских и русских, но один глава и монарх, которому подчинены все прочие. Он именуется вообще великим князем Литовским. Старинные историки, рассказывая о древности, говорят, что некие италийцы, оставив Италию из-за несогласия с римлянами, пришли в землю Литовскую и дали ей имя родины – Италия, а людям – название италы; у позднейших земля стала называться с приставкой буквы л в начале – Литалия, а народ литалы.*

---

<sup>3</sup> Меховский. Стр. 47.

<sup>4</sup> Иовий. Стр. 27.

*Русские же и поляки, их соседи, ещё более изменяя эти имена, вплоть до сего дня называют страну Литвой (Lithuaniam), а народ литовцами (Lithuanos)».*<sup>5</sup> Не все современники Меховского, видимо, были согласны с такой трактовкой истории Литвы, поскольку краковский профессор даёт гневный отпор предполагаемым оппонентам:

*«Некоторые невежественные в истории люди вздумали производить название Литвы от lituo, то есть рога или охотничьей трубы, потому будто бы, что в той области много охотятся, но это скорее создает внешнее впечатление, чем говорит об историческом происхождении».*<sup>6</sup>

Процесс крещения языческой Литвы польским королём Владиславом, описанный Матвеем Меховским, был очень красочен:

*«Литовцы искони почитали как божества огонь, лес, ужей, змей, особенно огонь, который непрерывно поддерживался подкладывавшим дрова жрецом, на их языке называвшимся зинц (zincz). Леса и роци они считали священным обиталищем богов, а ужей и змей в иных домах кормили и чтили, как домашних богов.*

*Так вот король Владислав велел на глазах у варваров в городе Вильне погасить огонь, почитавшийся священным, разрушить храм и алтарь, где приносились жертвы; леса – срубить, а змей – умертвить. Хотя варвары и оплакивали истребление своих ложных богов, но не осмеливались даже роптать против короля...*

*...Кроме того, король Владислав основал в Вильне кафедральную церковь имени св. Станислава, патрона Польши, а главный алтарь её поставил на том месте, где прежде горел огонь, ложно считавшийся вечным, чтобы языческое заблуждение стало всем очевидным».*<sup>7</sup> Король неплохо подготовился к процедуре обращения варваров, если всем новокрещённым: *«Жаловал новую шерстяную одежду, привезенную из Польши, и вследствие этой дальновидной щедрости, когда молва о ней распространилась, грубый и оборванный народ, довольствовавшийся до тех пор холстом, стал толпами стекаться со всей области, чтобы, крестившись, получить шерстяное платье».*

Для полноты картины стоит сообщить: прежде чем крестить язычников, королю Владиславу пришлось убить в тюрьме своего дядю, литовского князя Кейстута, а его сына, своего двоюродного брата Витольда (в русском произношении Витовта), *«заключить в оковы».* Случившаяся драма достойна пера Шекспира, но дело на этом не закончилось. Побывав в оковах, молодой княжич Витовт предпочёл стать конформистом, принял из рук убийцы своего отца княжескую корону и энергично включился в строительство союзного Польско-Литовского государства:

*«Король Владислав поручил великое княжество Литовское и Самагиттское двоюродному брату своему, Александру Витольду, и тот, человек энергичный и смелый в бою, присоединил к Литве княжество – Псков, называемое Плесковией, а затем – другое княжество Новгородское, называемое Нугардией. Он подчинил своей власти и третье княжество – Смоленское.*

*Установив мир кругом, он проник на восток, напал на татарскую орду, пригнал в Литву массу татар и расселил там в определенной местности, где они остались и до сего дня».*<sup>8</sup> Установил «мир кругом» огнём и мечом, сказано откровенно и достаточно цинично. Однако не стоит осуждать профессора из Кракова за пропаганду насилия, – так обстояли дела в те времена, таковы были нравы, и Матвеем Меховским описано лишь то, что было.

---

<sup>5</sup> Меховский. Стр. 98.

<sup>6</sup> Меховский. Стр. 98–99.

<sup>7</sup> Меховский. Стр. 100–101.

<sup>8</sup> Меховский. Стр. 103.

Князь Витовт, несмотря на моральную сторону дела, видимо, был действительно талантливым руководителем и военачальником.

Севернее, на три месяца пути до самого Скифского Океана, писал Павел Иовий Новомосковский, обитают бесчисленные племена и народности, подвластные московскому князю. На самом берегу Океана, вблизи Норвегии и Швеции, в небольших пещерах, наполненных сухими листьями, в дуплах толстых деревьев или старых пней живут Лапландцы: «...*Народ чрезвычайно дикий, подозрительный и до такой степени боязливый, что один след иноземца или даже один вид корабля обращает их в бегство. Лапландцы не знают ни произрастений, ни плодов и вообще никаких даров природы. Стрельба из лука доставляет им всю пищу их, а звериные кожи – всю их одежду*».<sup>9</sup> Ни московский посол Дмитрий Герасимов, ни Павел Иовий записывавший его рассказы, ни сам его святейшество Климент VII, читавший эти записи, не сомневался – эта народность является самыми настоящими дикарями:

*«Лапландцы очень малы ростом, имеют бледные и как бы разбитые лица, но зато одарены величайшею быстротою ног. О свойствах сего народа даже ближайшие его соседи, Московитяне, ничего не знают; ибо, по словам их, напасть на Лапландцев с небольшим отрядом было бы безрассудно и губительно; итти же с большею ратию противу племени беднаго – и бесполезно, и бесславно.*

*Лапландцы променивают Московитянам на разные товары белые меха, известные у нас под именем горностаев; причем не только не ведут разговора с купцами, но даже избегают их взоров. По обоюдном сличении продаваемых товаров, они оставляют на месте меха свои, и таким образом заочно между неизвестными друг другу людьми производится самая искренняя и справедливая мена».*<sup>10</sup> При внимательном прочтении старинных ватиканских бумаг «чрезвычайно дикие» и крайне боязливые лапландцы оказываются умелыми воинами, – если напасть на них «с небольшим отрядом было бы безрассудно и губительно». И не только воинами, а ещё и искренними людьми, справедливыми торговцами, добрыми соседями. «К С.С.<sup>3</sup><sup>11</sup>. от Лапландцев, в стране вечнаго мрака, по свидетельству некоторых достоверных лиц, живут Пигмеи, которые в полном возрасте своем едва превышают нашего десятилетнего ребенка; они боязливы, щебечут, как птицы, и по строению тела, равно как и по свойствам своим, более похожи на обезьян, нежели на обыкновенных людей».<sup>12</sup>

Российский литератор, историограф и переводчик Василий Николаевич Семёнов в примечаниях к своему же переводу «Описания Московии» Павла Иовия писал: «Об этом баснословном народе упоминает ещё Гомер, говоря, что ему угрожали гибелью журавли. По свидетельству Плиния, города и дома их выстроены были из яичной скорлупы, а Филострат рассказывает, что они хлеб свой с полей срубивали топорами. Огромная рать Пигмеев, по уверению того же писателя, напала на Геркулеса после битвы его с Антеем и стала осаждать спящего Героя, как бы некий укрепленный город. Геркулес проснулся, разсмеялся над усилиями маленьких врагов своих и, завернув всех их в львиную свою кожу, отнес к Эристею».<sup>13</sup> Вот такое повествование, где реальность часто перемешана с вымыслом, но это для нас, людей XXI столетия, с нашим критическим восприятием окружающего мира, а для них, для современников рассказчика, это и была самая настоящая реальность.

---

<sup>9</sup> Иовий. Стр. 28.

<sup>10</sup> Иовий. Стр. 27–29.

<sup>11</sup> Северо-северо запад, норд-норд вост.

<sup>12</sup> Иовий. Стр. 29.

<sup>13</sup> Иовий. Примечания. Стр. 84.

Достойные доверия, леденящие душу известия о северных землях сообщал и Матвей Меховский: *«Не могу, однако, обойти молчанием кое-чего, что по правде можно сказать об этих областях. Знай, что в тех областях весьма часты покушения злых духов...*

*...В странах, расположенных у Северного океана, слышатся крики, пугающие проходящих путешественников, особенно к заходу солнца и на закате, а большие около роц, лесов и озер, среди холмов и в лесах. В христианских странах, Норвегии, Швеции и Финляндии, люди защищаются, делая перед собой крестное знамение, и тут голоса демонов удаляются; при втором крестном знаменнии крики становятся ещё отдаленнее и тише, а при третьем и четвертом – голоса и крики слышатся уже совсем вдали и, постепенно слабея, прекращаются.*

*Затем в вышеназванных странах, когда должны прибыть посетители в гостиницу или какую-нибудь таверну, то в течение всей предшествующей ночи в доме слышатся сотрясения, шум, приготовления, передвижение сосудов в кладовых и в комнатах. Люди в таких домах, вследствие привычки, мало обращают внимания на эти шумы и перестановки. Сверх того, духи и демонские призраки сбрасывают спящих со скамей, иных вытаскивают и выносят из дома, особенно пьяных и предающихся плоти».*<sup>14</sup>

То, что нечистая сила сбрасывала со скамей спящих пьяных или «предающихся плоти», а иногда даже выносила их из дома, конечно, нехорошо, но, как водится, у любого горя есть и оборотная сторона. Местные жители, по сообщению краковского профессора, бессовестно пользовались услугами потустороннего мира: *«Далее, у воды, при отправлении в плавание, местные жители, по внушению духов, особенно корчмари и мельники, продают за плату [попутный] ветер и спокойное плавание на три, четыре или шесть дней, чтобы в это время, пока не кончатся купленные дни, плавание было спокойным. Хотя это и правда, но заметь, (на основании опыта), что жители севера, приходя в наши страны, не желают рассказывать о постоянно там бывающем. Они считают позором и бесчестьем происходить оттуда. Трудно, однако, отрицать то, что создано природой и нельзя противиться мировому порядку».*<sup>15</sup> Дополнял известия Матвея Меховского и Павла Иовия о северных странах венецианский посол Марко Фоскарино в своём «Донесении о Московии». Он обстоятельно описывал неких людей-рыб и даже утверждал, что видел их сам: *«У океана, как рассказывают, живет какой-то народ, который большую часть [времени] проводит в воде и питается исключительно сырою рыбой. Эти люди, подобно рыбам, покрыты чешуею и вместо [членораздельной] речи издают какой-то свист. Одного из них я сам видел в Нормандии, как, [впрочем], видели и многие другие; поэтому я и могу утверждать, что он похож на чудовище; таким я вам и описываю его».*<sup>16</sup>

Но особенно интересным мне кажется рассказ этого венецианского посла о неких Сетрипонах, людях покрытых шерстью и больше похожих на зверей:

*«Есть там также Сетрипоны (Setriponi), народ зверский и свирепый. Они совсем лишены способности членораздельной речи и цивилизации и едят в сыром виде пойманных ими людей. Они живут среди неприступных гор и дремучих лесов, куда они скрываются, когда на них нападают. Одеваются они в шкуры медведей и других зверей. У них свирепое лицо, распущенные волосы, пронзительный и невнятный голос. Увидев что-нибудь необыкновенное, они страшно мычат. Я видел одного из них, [пойманного] живым и привезенного в Норвегию; он всех удивил и поразил. Кажется, он был молод: лет двадцати, ростом 20*

---

<sup>14</sup> Меховский. Стр. 121–122.

<sup>15</sup> Меховский. Стр. 122.

<sup>16</sup> Фоскарино. Стр. 20.

*футов, весь в волосах, большие и красные глаза. Он наводил страх и ужас на тех, кто на него пристально смотрел. В конце концов, в нём было больше звериного, чем человеческого».*<sup>17</sup>

Искатели неведомого, обратите внимание на записки Фоскарино. Оказывается, ещё в XVI веке в наших северных лесах встречались дикие лесные люди с красными глазами. Кстати, сообщения о людях, покрытых шерстью и живущих, как дикие звери, в старинной литературе не единичны. О таких обитателях земли Ибисибур (Сибирь) упоминал некий баварец по фамилии Шилдбергер, попавший в Орду в 1395 году и проживший там 32 года. В своих записках «О золотой Орде» он сообщал: *«В земле Ибисибур есть кряж гор длиною в 32 дни пути. Тамошние жители уверяют, что за сими горами начинается пустыня, в которой жить нельзя по причине множества змей и диких зверей, и сия пустыня будто простирается до конца земли. Здесь водятся дикие люди, кои не живут с другими людьми, и все тело у них мохнатое, кроме лица и рук; они, подобно другим диким зверям, бегают по горам, едят древесный лист, траву и все, что попадетя. Царь этойземли прислал Едигию дикаго мужчину и дикую женицину, пойманных в горах, дикую лошадь, которая была не более осла, и много других диких зверей».*<sup>18</sup>

Однако вернемся к Павлу Иовию:

*«Лучшие собольи меха с проседью доставляются из Перми и Печеры и употребляются для Царской одежды и для украшения нежных плеч знатных боярынь, которая умеют придать сему наряду вид живых соболей. Впрочем эти народы не сами добывают их, а получают от других отдаленнейших племен, живущих близ Океана. Еще в минувшем веке Пермь и Печера были язычниками и приносили жертвы идолам; ныне же исповедуют Христианскую веру.*

*В страну Югров и Вуголичей лежит путь чрез непроходимыя горы, вероятно, те самыя, которая в древности именовались Гиперборейскими. На вершинах их ловят превосходных соколов, между коими особенно замечателен род белых соколов с пестрыми перьями, известный под названием Herodium. Там же водятся иерофалки, неприятели цаплей и разные породы священных перелетных соколов, неизвестныя даже самым роскошнейшим Государям древности, занимавшимся птицеводством».*<sup>19</sup>

Чтобы продолжить наше исследование, откроем ещё одну широко известную книгу «Записки о Московских делах» барона Сигизмунда Герберштейна, посланника императора Фердинанда к великому князю московскому Василию III Иоанновичу в 1517 году. Интерес к загадочной северной стране у читающей Европы был настолько велик, что этот труд издавался большими тиражами в 1550, 1551, 1556, 1557, 1563 годах на немецком, латинском, итальянском языках. Даже сейчас исследователи называют эти записки «историко-географическим бестселлером второй половины XVI века».

Герберштейн сообщал, что к северо-востоку от Московии лежит «Пояс Мира». За этими горами, которые античные авторы называли также «рифейскими» или «гиперборейскими», у устья реки Оби стоит Золотая Баба: *«Разсказывают или, выражаясь вернее, баснословят, что этот идол “Золотая старуха” есть статуя в виде некоей старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден ещё ребенок, про котораго говорят,*

---

<sup>17</sup> Фоскарино. Стр. 20.

<sup>18</sup> Записки и труды общества истории и древностей Российских. Ч. 2. 1824. Стр. 211–212.

<sup>19</sup> Иовий. Стр. 29–31.

*что он ея внук. Кроме того, будто бы она там поставила некие инструменты, которые издают постоянный звук наподобие труб».*<sup>20</sup>

В горах, за рекою Обь, выше устья Иртыша, писал Герберштейн, лежит страна «Лукоморье»: *«С людьми же Лукоморья, как говорят, случается нечто удивительное, невероятное и весьма похожее на басню; именно, говорят, будто каждый год, и при том в определенный день – XXVII Ноября, который у Русских посвящен Св. Георгию, они умирают, а на следующую весну, чаще всего к XXIII Апреля, наподобие лягушек, оживают снова».*<sup>21</sup> Через страну «Лукоморию» протекает река Кассима и впадает в большую реку Тахнин, *«за которой, как говорят, живут люди чудовищной формы; у одних из них, наподобие зверей, все тело обросло шерстью, другие имеют собачьи головы, третьи совершенно лишены шеи и вместо головы имеют грудь».*

*В реке Тахнин водится также некая рыба с головой, глазами, носом, ртом, руками, ногами и другими частями совершенно человеческого вида, но без всякого голоса; она, как и другая рыбы, представляет собою приятную пищу».*

Сигизмунд Герберштейн, получивший образование в Венском университете, одном из лучших университетов Европы того времени, не скрывал своего скептического отношения к этим фантастическим сведениям и указал, что они взяты из некоего «Русского дорожника», доставленного ему для перевода.

Южные степи Сарматии, Причерноморье были знакомы европейцам лучше, чем северные края. В низовьях Танаиса – Дона, ещё в XV столетии шумел ярмарками город венецианских купцов – Тана (будущий Азов). От Каспия, от низовий Волги к Дону неторопливо двигались торговые караваны с восточными товарами для европейских стран. В портовых городах крымского побережья грузились и разгружались суда южно-итальянских торговых республик. Именно записки венецианцев и генуэзцев донесли до нас любопытные сведения о южнорусских степях. Одним из авторов таких записок был венецианский дворянин Иосафат Барбаро, оставивший потомкам своё сочинение «Путешествие в Тану»: *«В 1436 году предпринял я путешествие свое в Тану, на которое посвятил шестнадцать лет моей жизни, обозревая в течение этого времени все земли, к ней прилегающая».*

*Татарская степь граничит с Востока рекою Эрдилом, иначе называемым Волгою, с Запада Польшею, с Севера Россиею, а с Южной стороны, обращенной к большому морю, Аланиею, Куманиею и Хазариею».*<sup>22</sup>

О хазарах и куманах (половцах) в исторической литературе упоминается достаточно часто. Каменные половецкие изваяния, известные нам под именем «скифских баб», ещё в конце XIX столетия возвышались над многими степными курганами днепровского левобережья, вдоль рек Орель и Самара – исконных половецких мест. История Хазарии, тюркского государства с иудейской верхушкой, где господствующей религией был иудаизм, тесно переплетена с историей древней Руси. Эти непростые отношения даже вошли в русский фольклор.

А вот при имени Аланы-Асы вспоминаются жители кавказских гор, хотя страна Алания, занимавшая в древности большие территории, имела достаточно богатую и яркую историю. Именно с именем аланов средневековые европейские путешественники и историки

---

<sup>20</sup> Герберштейн. Стр. 131.

<sup>21</sup> Герберштейн. Стр. 130.

<sup>22</sup> Барбаро. Стр. 6.

чаще всего связывали земли южной Сарматии. Известный нам польский профессор Матвей Меховский писал в своём трактате:

*«Аланы – это народ, живший в Алании, области Сарматии Европейской, у реки Танаиса и по соседству с ней. Страна их – равнина, без гор с небольшими возвышенностями и холмами. В ней нет поселенцев и жителей, так как они были выгнаны и рассеяны по чужим областям при нашествии врагов, а там погибли или были истреблены».*<sup>23</sup> Наш венецианец Иосафат Барбаро, путешествуя в Тану, ехал как раз по аланским степям:

*«...Начну путешествие свое с описания Черного моря и твердой земли, к нему прилежащей, до реки, именуемой Элис, отстоящей от Кафы на сорок миль. Переправившись чрез сию реку, достиг я Монкастро, где течет знаменитая река Дунай, а оттуда уже пустился в дальнейший путь свой, котораго не считаю нужным описывать, ибо эти места довольно всем известны.*

*Алания заимствовала имя свое от народа Аланскаго, называвшаго себя на своем языке Ас. Народ сей, исповедовавший Христианскую веру, был истреблен и выгнан из жилищ своих Татарами. Страна их покрыта горами, реками и долинами и в ней встречается весьма много искусственных земляных насыпей, – без сомнения надгробных памятников.*

*На вершине каждой из таковых насыпей положен огромный, насквозь просверленный камень, в отверстие коего вставлен крест, также сделанный из камня. Этого рода курганов, как я уже сказал, – здесь безчисленное множество».*<sup>24</sup>

Английский астроном Ньютон снискал мировую славу как выдающийся ученый, но он занимался ещё и историей, в частности, изучал процессы распада великого государства древности – Римской империи. Ньютон уделил немало внимания нашествию орд варваров на провинции римского государства и так описывал один из набегов:

*«...Зимой, между 395 и 396 годами, огромное войско из Гуннов, Аланов, Остроготов, Гепидов и других северных народов по приглашению Руфина перешло Дунай по льду... По Иерониму, в этой несметной толпе были волжские Гунны, Аланы, Вандалы, Готы, донские Сарматы, Чехи Полесьяне или Квады, Моравы или Маркоманны. Они наводнили все пространство между Константинополем и Юлиевыми Альпами, опустошали Скифию, Фракию, Македонию, Дарданию, Дакию, Фессалию, Ахаию, Эпир, Далмацию и всю Паннонию... Следствием описанных нами войн было взятие Готами Рима и распадение западной римской империи на десять следующих царств:*

- 1. Царство Вандалов, в Испании и Африке.*
- 2. Царство Свевов, в Испании.*
- 3. Царство Визиготов.*
- 4. Царство Аланов, в Галлии.*
- 5. Царство Бургундионов.*
- 6. Царство Франков.*
- 7. Царство Бритов.*
- 8. Царство Гуннов.*
- 9. Царство Лонгобардов.*
- 10. Царство Равеннское».*<sup>25</sup>

О причерноморском царстве Аланов, о волнах переселения этого народа писали и другие европейские исследователи. Часть сарматско-аланских племен, называемых Роксоланы,

---

<sup>23</sup> Меховский. Стр. 72.

<sup>24</sup> Барбаро. Стр. 6

<sup>25</sup> Знаменитый астроном Ньютон, как историк разрушения Римской Империи. Сын Отечества. Кн. 2. Февраль. С.-Петербург. 1849. Стр. 12.

некоторые русские историки XVIII–XIX столетий отождествляли с Русью, объявляя их славянами. Но серьёзные исследователи считали по-другому.

Так, крупнейший специалист по славяноведению XIX столетия, выдающийся деятель чешского и словацкого национального возрождения Павел Йозеф Шафарик писал в труде всей своей жизни, фундаментальном сочинении «Славянские древности» (1837 г.):

*«...Вероятно, язык Сарматский был Мидо-Персидский, точно, как нынешних Алан. В этом уверяют нас те немногие Сарматския имена, которыя находим мы в Греческих и в Латинских сочинениях, на камнях и Азиатских летописях...».*<sup>26</sup>

Кроме Алан, Хазар, Половцев, Гуннов в южных черноморско-азовских степях оставили свой след и германские племена – Готы. Это о них написал Матвей Меховский:

*«Готты, изгнанные из Скифии, частью остановились на Таврическом острове, близ него и близ моря Понтийского, частью же с царем своим Рагазом, числом более чем в двести тысяч, вторглись в Италию, и в то время как Рим дрожал в страхе перед этой силой, масса их погибла от голода на суровом хребте Фезуланских гор...»*

*Готты же, осевшие у Таврики и Понта, разделились на две части, и те из них, что под предводительством Алариха ушли на запад в Италию и Галлию, стали называться вистиготты, то есть западные готты; те же, что с князем Фригидерном остались на месте у Понтийского моря, получили наименование остраготты, то есть восточные готты».*<sup>27</sup>

К тому времени, когда Иосафат Барбаро ехал по аланским степям в город Тану, в Крыму всё ещё жили представители этого германского племени. Готтские князья правили в горном княжестве Манкуп, расположенном недалеко от нынешнего Бахчисарая.

---

<sup>26</sup> П. И. Шафарик. Славянские древности. Москва. 1837. Т. 1. Кн. 1. Стр. 319.

<sup>27</sup> Меховский. Стр. 70.

## Глава 2 Две Руси

*На твоих рубежах полыхают пожары.  
Каждый год – словно храм, уцелевший в огне.  
Каждый год – как межа между новым и старым.  
Каждый год – как ребенок, спешащий ко мне.*

*М. Анчаров*

Как мы с вами знаем, по мнению Матвея Меховского, центральную часть Европейской Сарматии занимала Руссия, которая с северо-востока граничила с Московией.

*«...У Сарматских гор живет народ русский (Rutenorim), во главе которого стоят знатные люди из поляков – в Коломые, Жыдачуве, Снятине, Роатине, в Буско и пр. У этих же гор находятся округа – Галицийский, некогда называвшийся Галлицией (Gallicia), и Премысльский, а среди гор Сарматских – округ Саноцкий. По направлению к центру Руссии лежит Львовская (Leopoliensis) земля, а в ней хорошо укрепленный город того же имени с двумя замками – верхним и нижним. Это – столица Руссии. К северу идут округа Холмский, Луцкий и Бельзенский. [Львовская же] земля в центре.*

*Ограничена Руссия с юга Сарматскими горами и рекой Тирасом, которую жители называют Днестром; с востока – Танаисом, Меотидами и Таврическим островом; с севера – Литвой, с запада – Польшей.*

*Знаменитая река Борисфен, называемая жителями Днепром (Dinepr), течет из Московии, проходит через Литву и Руссию под Смоленск и Киев. В нее впадает начинающаяся у города Хмельника на западе река Буг. Пройдя около трёхсот германских миль, Борисфен впадает в Понтийское море».<sup>28</sup>*

О том, что Русь и Московия долгое время существовали как отдельные друг от друга территории, сообщал не только польский профессор, но и другие европейские писатели. Из путевых записок посла венецианской республики Амвросия Контарини к персидскому шаху Узун-Гасану во время его проезда по территории Польши в 1474 году: «20-го Марта выехал я из Польши и вступил в Малороссию, подвластную также Польскому Королю. Вплоть до 23 числа ехали мы почти непрерывно лесом... и наконец прибыли в Луцк... 1-го Мая 1474 въехали мы в город Киев или Магроман, лежащий за пределами Малороссии и управляемый Поляком по имени Паном Мартином, Католического исповедания. Услышав от Королевских проводников о прибытии моем, он немедленно повелел отвести мне квартиру, довольно, впрочем, плохую, как и все тамошняя жилища...».<sup>29</sup>

Какая неувязка. Оказывается в середине XV столетия европейцы называли Малороссией, именем, столь нелюбимым галицкими патриотами, не Полтавскую или Черниговскую губернию, как это было позже, в XVIII–XIX веках, а Карпатскую Русь. Да и сам Меховский населял тогда эти земли не украинцами, а русинами, помните: «у Сарматских гор живет народ русский (Rutenorim)». Надо уточнить, что название Малороссия для Львовской земли не являлось выдумкой иностранцев или злокозненных москвитов. Так с гордостью именовали себя сами львовяне, вернее львовская православная община (что не одно и то же) ещё в XVII столетии.

---

<sup>28</sup> Меховский. Стр. 95

<sup>29</sup> Контарини. Стр. 20–21.

Михаил Александрович Максимович (1804–1873), первый ректор Киевского университета, разносторонний ученый, занимавший видное место в исследованиях древнерусской истории и истории Украины, в своей работе «Об употреблении названий Россия и Малороссия в Западной Руси» сообщал: *«Минувя другие акты и книги, назову ещё Октоих, изданный – во Львове 1630 года; там сказано в посвящении о братстве – «в граде Леондополи Малыя России». В земле Волынской находим то же»*.<sup>30</sup> Но все-таки эта область, чье население осознавало себя русскими людьми, существовала как отдельная русская земля. В XIX столетии эти факты дали повод группе радикал-интеллигенции разработать теорию о существовавшем некогда государстве Украине-Руси и обвинить Петра I, якобы изменившего название Московии на Россию, в краже имени древнерусского государства. К нынешнему времени измышления о том, что Московия не являлась Русью, а её жители были не славянами, а потомками финно-угров, татар, каких угодно ещё народов, в умах украинских шовинистов давно стали постулатом. Так ли это было на самом деле? Вернемся к запискам европейских путешественников.

Уже упоминавшийся католический епископ Павел Иовий написал в начале XVI столетия: *«В древния времена пространство сие занимали Роксоланы, Геты и Бастарны, откуда, по моему мнению, произошло и самое название России; ибо часть Литвы именуется и поныне Нижнею Россиею, а самая Московия – Белою Россиею»*.<sup>31</sup>

В 1526 году католический священник и доктор богословия Иоганн Фабри, борец против религиозных «новшеств», личный исповедник эрцгерцога Фердинанда Австрийского, опубликовал трактат «Религия московитов». Этот труд вместе с рядом других произведений венского епископа, таких, как «Молот против Лютеровой ереси», от 1524 года преследовал совершенно конкретные цели борьбы с расколом христианства. Тем интереснее узнать, какой виделась Московия начала XVI столетия этому авторитетному защитнику католицизма:

*«Прежде же всего считаю за приличное и необходимое упомянуть как о нынешнем, так и о прежнем названии сего народа... Итак, следуя Плинию, я нахожу, что народы, называемые ныне Москвитянами, именовались прежде Роксоланами, коих Птоломей на восьмой карте Европы, и Страбон, изменивши несколько букву, назвали Росоланами, и кои, спустя после того многое время, названы Руссами. И они-то суть те самые народы, кои, как повествует Страбон, мужественно сражались с вождями Митридата Антипатра. Ныне же, с течением времени, ничто столько не изменилось, как названия стран и областей. Ибо царственный град всей страны их назван Москвою, от чего, а по мнению некоторых, как то Волатерма, от реки Москвы, они и сами названы Москвитянами»*.<sup>32</sup>

Рафаэль Маффей по прозвищу Волатеран (1455–1522), уроженец тосканского города Вольтерра, на которого ссылался Иоганн Фабри в 1506 году сообщал о русинах:

*«Роксоланы у Плиния и Птолемея, роксаны у Страбона, ныне же рутены. Некогда они сражались с полководцами Митридата Евпатора под предводительством царя Тасия, как сообщает Страбон. Но сейчас они христиане, однако, греческой веры, язык [у них] полу-далматский. Почти так же, как Литва и Польша, близлежащие области, они разделены надвое. Те, которые называются белыми, соседние с Литвой, называются по имени реки Москвы. Царский [град их] – Москва, в нём сидит князь Иоанн, у которого от [жены] Елены, сестры деспота Андрея Палеолога, родилось много детей. Он повелевает всеми, вплоть до Венедского моря...*

---

<sup>30</sup> Максимович. Собрание сочинений. Т. 2. Стр. 309.

<sup>31</sup> Иовий. Стр. 27.

<sup>32</sup> Фабри. 1826. Стр. 292.

*Другие рутены, называемые красными, расположены восточнее, ближе к Борисфену».*<sup>33</sup>

Посол императора Максимилиана I Франческо да Колло, посланный к великому князю московскому Василию III для заключения мира между ним и польско-литовским королём Сигизмундом прожил в Москве около шести месяцев, с июля 1518 по январь 1519 года. В течение всей дипломатической миссии педантичный посланник вёл дневник посольства для предоставления его своему императору. В этих записках, названных «Доношение о Московии» Франческо да Колло сообщал: *«Престол сего великого Господина Василия, императора и Государя всея Руси и великого Князя находится в городе Московии, окружность которого – три с половиной лиги...»*

*Имеет сей князь под господством и полною властью своею одну и другую Русь целиком, то есть чёрную и белую, кои суть царства громаднейшие. Черная, которая именуется Русью Королевской, почти непрерывно ведёт войну против Южной Ливонии и весьма часто ведёт сражения на замерзшем море. Белая же Русь ведёт войну против Ливонии Северной и весьма часто сражается в северном Ливонском море, иногда же на озере Пейбус (Чудское оз.), замерзающем со стороны сей Белой Руси. И одна, и другая Русь вместе ведут войну против Короля Польского и Великого Герцога Литовского и против Самогитов, Прусов и Курляндцев».*<sup>34</sup> Императорский посол был прав только частично. Черная (или Червонная) Русь большей частью всё ещё была под властью Польши.

В конце XVI столетия французский дворянин по фамилии Маржерет, успевший с юности повоевать под флагами Генриха IV, римского императора, польского короля, а во времена Бориса Годунова поступивший в чине капитана на службу к московскому царю и служивший командиром роты иноземцев, в своих записках о Российской державе сообщал:

*«Эти Русские с некоторых пор, после того, как сбросили иго Татар и Христианский мир получил о них некоторое представление, стали называться Московитами, по имени столичного города Москва, обладание которым даёт герцогский титул, но не первый в стране. Ибо некогда государь именовался Великим герцогом Владимирским и поныне продолжает именовать себя Великим герцогом Владимирским и Московским. Таким образом, не только мы, удаленные от них, но и ближайшие их соседи впадают в ошибку, именуя их Московитами, а не Русскими. Сами же они, когда их спрашивают, какой они нации, отвечают «Руссак», что означает – Русские, а если спрашивают откуда они, то отвечают «из Москвы» – из Москвы, Вологды, Рязани или из других городов.*

*Но следует также уразуметь, что есть две России, а именно – та, что носит титул Империи и которую поляки называют Белой Россией, и другая, Черная Россия, находящаяся в зависимости от Польского королевства и примыкающая к Подолии. Сеньором этой Черной России и называет себя король Польши в своих титулах, когда именуется Великий герцог Литовский, Русский, Прусский и прочая.*

*Об этом я хотел предупредить читателя, чтобы он знал, что русские, о которых идет здесь речь, – это те, кого некогда звали Скифами, затем, по ошибке, – Московитами, хотя московитами могут называться жители одного лишь города, все равно как если бы всех французов начали бы называть парижанами по той причине, что Париж – столица Франции, да и то с большим основанием, поскольку Париж является столицей с незапамятных времен, а Москва – всего лишь сто или двести лет. Также краткий титул их Государя*

---

<sup>33</sup> Фабри. 1998. Стр. 17. Прим. 36.

<sup>34</sup> Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Московии. М. Наследие. 1996. Стр. 59–63.

– «царь Государь и Великий князь всея Россия», что дословно означает: «Король, сеньор и великий герцог всех Русских», или можно понимать также: «всей России», но отнюдь не «Московитов» или «Московиш». А чтобы отличать Черную Россию от этой, поляки все расположенное по ту сторону Днепра зовут Белой Россией...».<sup>35</sup>

Кем являются жители княжества Московского, обстоятельно объяснял в своих записках «Известия о Московии» венецианский посол Альберто Вимина да Ченеда, прибывший в 1655 году от имени Республики в Москву, к царю Алексею Михайловичу с просьбой о военной помощи Венеции в её войне с Турцией:

*«Во-первых, скажу, что Московия не всегда называлась сим именем... Издревле она именовалась Руссиею, а даже и ныне природные жители называют её сим именем; но с тех пор, как Литовцы и Поляки завладели тою частию, которая граничит с Польшею, Московиею и Дунаем, простираясь вдоль по течению Днепра до самага Чернаго моря, она получила по сему обстоятельству название Черной, что её отличает от верхней части сей страны, называемой Белою. Кажется, что только с того времени, когда столица была перенесена в Москву (за 200 лет пред сим, по доставленному мне счислению), иностранцы стали вообще называть владения сего Государя Московиею, а народ Московитянами».*<sup>36</sup>

Примерно то же сообщал и посол австрийского императора Леопольда I, член императорского придворного совета, Августин Майерберг, посланный в 1661 году к московскому царю и великому князю Алексею Михайловичу:

*«...Москва с каждым днем становилась великолепнее по зданиям, прибывавшим в ней все больше и больше. Даже и свое имя, заимствованное от речки, протекающей мимо ея и выходящей из Тверской области, она передала всей России и всем обитающим в этой стране народам: это имя принято всеми с таким одобрением, что много уже лет эта страна называется обыкновенно Московией, а жители ея общим для них в свете именем Московитян; но, не зная этого новаго названия или пренебрегая им, они сами всегда зовут себя древним именем Русских».*<sup>37</sup>

Католический нунций Альберт Кампензе в подготовленной для Папы Римского Климента VII аналитической записке «О делах в Московии», написанной в 1523 или 1524 году, сообщал: «...Многие до сих пор ещё считают заодно Московитян и Россов или Рутенов, опираясь на то, что они говорят одним языком и исповедуют одну веру».<sup>38</sup>

Интересно узнать, как воспринимали Московию того времени жители Львова, его православная община, считавшая себя в конце XVI столетия малороссами. Тот же ректор Киевского университета Максимович в своей работе «Об употреблении названий Россия и Малороссия в Западной Руси» делал анализ таких старинных документов:

*«Того же 1592 года Львовское братство обращалось в Москву к царю Феодору Ивановичу с просительными посланиями, в которых именуют его «светлым царем Российским», вспоминают «князя Владимира, крестившаго весь Российский род».*<sup>39</sup>

Вернемся теперь к Матвею Меховскому. Почему краковский профессор, описав польскую Галицкую Русь и её столицу Львов, не обратил внимание на многочисленные свидетельства своих современников и предшественников о другой, северной Руси, которую тогда называли Белой? Это не так. Описывая Московию, сам Меховский отмечал: «Московия –

---

<sup>35</sup> Маржерет Жак. Стр. 118.

<sup>36</sup> Ченеда. Стр. 15–16.

<sup>37</sup> Майерберг. ЧИОИДР. 1873. Кн. 4. Стр. 120.

<sup>38</sup> Кампензе. Стр. 20.

<sup>39</sup> Максимович. Собрание сочинений. Т. 2. Стр. 309.

*страна весьма обширная в длину и ширину. От Смоленска до города Москвы сто миль, от Москвы до Вологды сто миль; от Вологды до Устюга сто миль, от Устюга до Вятки сто миль: эти четыреста миль все – Московия, и речь там повсюду русская или славянская».*<sup>40</sup>

«Речь там повсюду русская», означает, что население московского княжества, именно население, а не горстка князей, говорило на том же языке, что и литовские русины, и русины польские. И вся эта неразбериха объясняется очень просто – основной целью трактата польского профессора являлось вовсе не подробное описание русских земель, а забота о величии королевства Польского.

*«...Достопочтеннейшему отцу и господину,  
Станиславу Турсону, епископу ольмюцскому,  
Матфей из Мехова, доктор искусств и медицины, краковский  
каноник...*

### **Достойнейший владыка!**

*Множество писателей в своих изысканиях и открытиях избородило весь свет, но Сарматии как неизвестные они обошли молчанием и пропустили. У тех же, кто позаботились хоть что-нибудь об этих странах оставить потомству в своих сочинениях или стихах, говорится неясно и (вследствие древности) все темно, как в полночь...*

*...Вот почему, ученейший владыка, я хочу самым правдивым образом рассказать твоему преподобию и об этом, и о многом другом, что есть в Сарматиях...*

*...Южные края и приморские народы вплоть до Индии открыты королем Португалии. Пусть же и северные края с народами, живущими у Северного океана к востоку, открытые войсками короля Польского, станут известны миру».*<sup>41</sup>

Говоря другими словами, его книга представляет собой в определённой мере взгляд на историческую географию глазами польского патриота. Великая Польша, от края до края, от южного моря до «Северного океана», в этом весь секрет. А вот фраза профессора Меховского «Речь там повсюду русская» значит гораздо больше, чем просто констатация факта названия государства Руссией (в другой транскрипции Россией). Надо ли объяснять, что язык, на котором говорит основная часть населения, является самой важной характеристикой этого народа.

Вот и епископ Павел Иовий Новокомский, называя Московию – Белою Русью, а княжество Литовское – Русью Нижней, приводил неожиданные подробности о языке и письменах наших предков. Но надо заметить, что у высокопоставленных чиновников Ватикана, которые вели беседы с московским послом Дмитрием Герасимовым, имелись свои, четко устоявшиеся представления об окружающем мире. И на рассказы посла из далёкой Московии они смотрели через призму своего мировоззрения: *«Московитяне говорят языком Иллирийским и подобно Славянам, Далматам, Богемцам, Полякам и Литовцам употребляют также Иллирийския письмена. Ни один язык, как уверяют, не имеет такого обширного и повсеместного употребления, как Иллирийский. Им говорят при дворе Оттоманском, и ещё недавно был он в большой чести в Египте, между Мамелюками, при дворе Мемфисского*

---

<sup>40</sup> Меховский. Стр. 112.

<sup>41</sup> Меховский. Стр. 45.

*Султана. На сей язык переведены многия книги, преимущественно трудами Св. Иеро нима и Кирилла».*<sup>42</sup>

Вот так, поляки оказываются не славянами, по крайней мере, высшие чины Ватикана под славянами подразумевали какую-то другую, отдельную народность (словены —?). Но и эти загадочные славяне, и поляки с литовцами, и московиты, и мамелюки при дворе Мемфисского султана, и даже придворные «при дворе Оттоманском» говорили, оказывается, на едином, великом и могучем. Почему-то только, не на русском – рутенском, даже не на словенском, а на древнейшем иллирийском? Или это вкравшаяся в текст ошибка?

Вряд ли. Как сообщают документы, над переводом на латинский язык послания московского князя Василия Папе Клименту VII в Ватикане вместе с послом Дмитрием Герасимовым трудился и папский толмач, «иллириец» по происхождению, Николай Сикценский.<sup>43</sup> Представители Ватикана в XVI веке явно считали язык доставленной московской грамоты иллирийским.

Этот же рассказ в несколько иной интерпретации в своём «Донесении о Московии» излагает посол Венецианской республики Марко Фоскарино, посольство которого в 1537 году прибыло в Москву: «*Москвитяне говорят и пишут на Славянском языке (in lingua Schiavona), как Долматинцы, Чехи (Bohemi), Поляки и Литовцы. Передают, что язык этот весьма распространен: ныне он хорошо известен в Константинополе, при дворе Султана, и даже в Египте, у Султана Вавилонии (il Soldano di Babilonia), его обыкновенно можно было слышать в устах Мамелюков (Mamelucchi)*».<sup>44</sup> Венецианец Фоскарино, кроме всего прочего, делает неожиданные выводы о национальной принадлежности россиян и тоже подтверждает факт разделения русских земель между Москвой и Польшей:

*«Россияне (Rossiani), Поляки, Венгры и Трансильванцы (Transilvani) – все это народы, родственные нам. Нужно сказать, что дальняя (ulteriore) Россия, называемая Белой, подвластна Москвитянам; часть её принадлежит им, а часть Полякам»* (Фоскарино. Стр. 20). Джильс Флетчер (приезжавший в Москву в качестве посланника английской королевы в 1588 году) в сочинении «О Русском Государстве» (Of the Russe Common Wealth), вышедшем в 1591 году в Лондоне, так описывал язык московитов: «*Язык у них одинаковый с Славянским, который, как полагают, скорее происходит от языка Руссаго, нежели Русский от Славянскаго... Русския буквы или письмена суть Греческия, только отчасти переиначены*».<sup>45</sup>

Эти многочисленные свидетельства иностранцев, посещавших в своё время нашу землю, опровергают многолетнюю и явно перезревшую ложь о том, что Московия не являлась Русью и жили в ней не русские люди.

А ведь кроме зарубежных письменных источников, упоминающих, что население Московии являлось «рутенами», называло себя «Руссией» или «Рассеей» и говорило на одном языке с Литовской и Польской Русью, есть ещё и фактический материал. Например печати великих Московских князей. Давайте посмотрим надписи на них.

На печатях великого князя Симеона Гордого, сына Ивана Калиты: «*На одной стороне печати изображение Святаго Симеона, на другой – надпись: “Печать князя великаго Семенова всея Руси”*».

---

<sup>42</sup> Иовий. Стр. 47.

<sup>43</sup> Иовий. Стр. 19.

<sup>44</sup> Фоскарино. Стр. 9.

<sup>45</sup> Флетчер. Стр. 47–48.

У князя Дмитрия Донского «на одной стороне печати изображение Св. Димитрия, на другой – надпись: “Печать князя великаго Димитрия”, но на другой печати того же князя встречаем надпись с прибавление “всая Руси”».

У Великого князя Василия Дмитриевича несколько печатей: «На одной изображение Св. Василия Кесарийского и надпись: “Печать князя великаго Васильева Димитриевича всая Руси”; на другой – изображение всадника с копьём, обращенным острием книзу; третья печать имеет изображение всадника с поднятым мечом, и разныя другия».<sup>46</sup>

Времена Ивана Калиты, Симеона Гордого, Дмитрия Донского, как вы знаете, это XIV столетие. Но и великие князья, и простые жители Московского княжества продолжали гордо называть себя Русью. Текст на этих великокняжеских печатях, конечно, выдавал желаемое за действительное, до реального владения землями «всая Руси» пройдет не одно столетие. Как мудро излагают некоторые современные исследователи, эти надписи: «отражают алчные устремления московских князей к гегемонии». Такие устремления действительно существовали.

Некий образованный литовский дворянин, в 1536 году принимавший участие в литовском посольстве к малолетнему тогда московскому князю Иоанну IV, а в 1543 году находившийся в составе посольства в Крыму, написал под псевдонимом Михалон Литвин трактат «О нравах Татар, Литовцев и Москвитян». Об истинном имени автора этого трактата ученые спорят до сих пор, литературное же имя – Михалон Литвин прочно вошло в историю. Этот патриот литовского государства писал о Московии: «Киев был прежде столицею Русских и Московских Князей. Здесь они приняли Христианство... Кто здесь погребается, душа того почитается спасенной, и потому лучшее дворянство, даже из отдаленных мест, ищет себе здесь могил за большия деньги. Московский Князь... сам желает этого места, которое ему нравится, говоря, что он происходит от Князя Киевскаго Владимира; не менее скорбят и подданные его о том, что не владеют этой древней столицей...».<sup>47</sup>

Вряд ли можно считать такие устремления московских князей чем-то постыдным. Даже неприкрытое стремление к власти над всеми Русскими княжествами воспринимали в Европе без всякого возмущения. Всем были понятны родовые права и притязания князей Рюриковичей. Ведь точно такие же «алчные устремления к гегемонии» были и у правителей Польской Руси, и у Русско-Литовских князей. Поэтому притязания великих московских князей на титул Царь – то есть, Цезарь, Император, многие правители не принимали в штыки (хотя до признания России империей ещё было очень далеко).

Возьмем, например, все то же посольство начала XVI века великого московского князя Василия III Иоанновича к Папе Римскому Клименту VII. В грамоте, которую принял Климент VII из рук посла Дмитрия Герасимова, значится: «Папе Клименту, Пастырю и учителю Римской церкви, Великий Государь Василий, Божиею Милостию Царь и обладатель всея Руси, Великий Князь Володимерский, Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и проч. Государь и Великий Князь Новгорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ржевский, Бельский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и проч...».<sup>48</sup> Титул «царь» не вызвал у Климента VII каких-либо возражений, хотя на тот момент его вряд ли можно было считать легитимным.

Обратите внимание, на первом месте после титула «Царь и обладатель всея Руси» стоит великий князь Владимирский и только потом великий князь Московский. Хотя Москва

---

<sup>46</sup> Соловьев. Кн. 1. Стр. 1157.

<sup>47</sup> Литвин. Стр. 69.

<sup>48</sup> Иовий. Стр. 47.

уже была сильным военным и экономическим центром, не Киев, а княжество Владимирское всё ещё считалось важным политическим символом «всей Руси».

С. М. Соловьёв указывал, что великим князем «всей Руси» начал называть себя ещё Иван Калита, а притязания на императорский титул появились у Иоанна III со времени его женитьбы на племяннице последнего византийского императора, греческой принцессе Софье Палеолог.

*«В грамотах Иоанна Калиты, сколько нам известно, впервые встречаем название великаго князя всея Руси. Но это название не употреблялось в сношениях с Литовским двором до времен Иоанна III, который после смерти Казимира впервые употребил в сношениях с Александром Литовским выражение: «Иоанн (вместо прежняго Иван), Божию милостию государь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Югорский, и Пермский, и Болгарский, и иных»...*

*«В сношениях с Ливониею и мелкими владениями немецкими Иоанн принимает название Царя всея Руси; потом на подписи грамоты эрцгерцога Филиппа, сына Максимилианова, Иоанн и сын его Василий названы царями Владимира, Москвы и проч.; то же название и в списке речей посла Гартингера; в грамоте Датскаго короля Иоанн назван императором».<sup>49</sup>*

Подводя итог спору русских князей за лидерство, видимо, самое взвешенное историко-географическое описание наших земель, дал барон Герберштейн: «...Откуда бы, в конце концов, Руссия ни получила свое название, во всяком случае, все народы, пользующиеся Славянским языком, следующие обряду и вере Христовой по Греческому закону и называемые на их народном языке Руссами, а по-латыни Рутенами, увеличились до такого множества, что или прогнали все промежуточные племена или заставили их жить на свой лад, так что все теперь называются одним общим именованьем Рутенов.

*...Из государей, которые ныне повелевают Руссией, первый – Великий князь Московии, владеющий большей ея частью; второй – Великий князь Литовский; третий – король Польский, который ныне властвует и над Польшей, и над Литвою».<sup>50</sup>*

Герберштейн, кстати, в своих знаменитых «Записках о Московских делах» попытался проанализировать происхождение самого слова Русь:

*«О происхождении названия «Руссия» существуют разныя мнения. Одни утверждают, будто она получила имя от некоего Русса, брата или внука Леха, князя Польскаго, который якобы был и князем Руссов; по мнению же других, ея имя происходит от одного очень древняго города, по имени Русс, недалеко от Новгорода Великаго; далее, по словам некоторых, она получила имя от смуглаго цвета ея народа. Большинство же полагает, что Руссия получила название чрез изменение имени от Роксолании.*

*Но Московиты отвергают мнения лиц, утверждающих это, как не согласныя с истинной, утверждая, что их страна издревле называлась Россейя, как народ разсеянный или разбросанный; на это указывает и самое имя ея...».<sup>51</sup>*

Город Старая Русса существует поныне. Теория о происхождении имени «Русь» от города или княжества «Русса» была популярна в старину, о чём упоминает Сигизмунд Герберштейн, популярна она и сейчас. В своё время приверженцами этой версии были один из первых российских историков В. Н. Татищев и академик М. В. Ломоносов. Но не менее популярной была теория о «Расsee, как народе рассеянном». Вслед за Герберштейном, это предположение приводил уже упоминавшийся английский посол Джильс Флетчер. Флетчер

---

<sup>49</sup> Соловьёв. Кн. 1. Т. V. Стр. 1502.

<sup>50</sup> Герберштейн. Стр. 1–3.

<sup>51</sup> Герберштейн. Стр. 2.

даже полемизировал с древнегреческим историком и географом Страбоном (естественно, заочно), утверждавшим, что Русь происходит от древнего народа Роксоланы. Ну и, конечно, многие иноземцы отмечали существование явной связи терминов Русь и русый. Эти слова в нашем языке уже давно стали если не синонимами, то взаимодополняют друг друга.

Хочу сделать ещё одну ремарку. Наверное, вы обратили внимание на то, как непривычно для нас многие путешественники именуют Московию и северо-восточную часть Литовской Руси – Белой Русью, а южные районы – Русью Чёрной. Помните, у Алберто Вимена да Ченеда:

*«...С тех пор, как Литовцы и Поляки завладели тою частью, которая граничит с Польшею, Московиею и Дунаем, простираясь вдоль по течению Днепра до самого Черного моря, она получила по сему обстоятельству название Черной, что её отличает от верхней части сей страны, называемой Белою».*<sup>52</sup> Мы, поколения советских людей, помним воспетую легендарным ВИА «Песняры» Белую Русь, Белоруссию, а тут Московия? Может быть, это ошибка? Но игнорировать многочисленные свидетельства иностранных источников было бы неправильно, они отражали реальную действительность того времени. Здесь явно заключена какая-то коллизия.

Есть интересное предположение по поводу географических и этнографических терминов «белое» и «чёрное», которое сделал известный исследователь русской истории, член-корреспондент Российской Императорской Академии Наук и ректор Дерптского университета Густав Эверс (характерно, что Большая Советская Энциклопедия называла его воззрения «реакционными»). В обстоятельном двухтомнике на немецком языке «*Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen*», изданном в Дерпте в 1814 году (русский перевод Погодина под названием: «Предварительные критические исследования Густава Эверса для Российской истории» издан в Москве в 1825–1826 годах), суммируя результаты изучения древних текстов, Эверс сообщал:

*«...Древние Руссы в Географическом и Этнографическом отношении обыкновенно называли первобытное белым, изменившееся же и произошедшее – чёрным».*<sup>53</sup> Дерптский профессор отмечал, что белыми назывались коренные, не подвергшиеся изменению народности, как например, у летописца Нестора – Белые Угры. Можно предположить, что именно поэтому сохранившая свою изначальную самобытность Северная Русь являлась «Белой», а подвергшаяся насильственным изменениям Южная Русь – «Чёрной».

Вполне вероятно и другое, бывшее название «Белая Русь» было потеряно Москвой в результате прокатившейся «Великой Смуты» – первой российской гражданской войны, больших перемен наступившей эпохи новой династии Романовых, и оно сохранилось только в литовском полесье.

---

<sup>52</sup> Ченеда. Стр. 15–16.

<sup>53</sup> Густав Эверс. Предварительные критические исследования для Российской истории. Кн. 1. Москва. 1825. Словене и Волохи. Стр. 8.

## Глава 3

### Первая столица

*Мы Славяне – дети Волха, а отец его – Словен,  
Мы всегда как будто те же, но познали смысл  
измен.*

*Прадед наш, Словен могучий, победительный был  
змей,  
Змейно стелется ковыль наш в неоглядности  
степеней.*

*Волх Всеславич, многоликий, оборачиваться мог,  
Волком рыскал, был он сокол, тур был красный,  
златорог.*

*Солнцеликий, змеегибкий, бесомудрый, чародей,  
Он от женщины красивой нас родил, крылатых  
змей.*

*Сам от женщины красивой и от змея был  
рожден,  
Так гласит об этом голос отдалившихся времен.*

*Бальмонт. Жар-птица (свирель славянина). 1907*

Часть нынешней украинской молодёжи, учащиеся и даже студенты, свою древнюю историю знают исключительно по гротескным лубочным изложениям, сведениям о Киевской Руси, подтасованным в угоду политической конъюнктуре. Фальсификация прошлого ныне стала на Украине модным занятием и приобрела характер настоящей эпидемии. Однако искажение исторической правды началось не сейчас, эти процессы были запущены ещё в XVIII–XIX столетиях.

Как пример можно привести выдержку из «Летописи и описания города Киева» издания 1858 года малороссийского историка и фольклориста Николая Закревского (1805–1871):

*«Поляне, одно из многочисленных племен Славянских, поселились на равнинах и горах, сопровождающих правый берег Днепра, и дали начало Киеву. Они управлялись обычаями отцов своих, уважали женский пол; имея кроткий нрав, для большей безопасности жили обществами и стояли на большей степени образования, чем Радимичи, Вятичи, Северяне и другия племена Славян».<sup>54</sup>*

Правда, знакомо? Цивилизованные и образованные поляне (видимо, закончившие европейские университеты) в начале первых столетий нашей эры «шануя батьків» и «уважая женский пол», расселились по берегам Днепра и построили Киев, а Радимичи, Вятичи, Северяне и другие славянские народы, не говоря о разных утгах, всё ещё питались сырым мясом и только время от времени спускались с деревьев. В XIX столетии, во времена Закревского, пресловутые поляне в умах формирующегося племени украинских национал-радикалов успешно заменяли будущих древних «укров» – строителей египетских пирамид.

---

<sup>54</sup> Н. Закревский. Летопись и описание города Киева. ЧИОИДР. 1858. Кн. 2. 1858 г. Стр. 4.

Чтобы восстановить историческую правду, как всегда стоит обратиться к первоисточникам. Откроем том первый «Полного собрания русских летописей» издания 1846 года и прочитаем так называемый «Временник Нестора», известное повествование о начале Руси Нестора-летописца:

*«И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по собе всю Русь, и придоша; старейший Рюрик седе в Новеграде, а другой Синеус на Белеозере, а третий Изборъсте Трувор. От тех прозвася Руская земля, Новугородьци: ти суть людье Ноугородьци от рода Варяжьска, прежде бо беша Словени... а перьвши насельници в Новегороде Словене, Полотьски Кривичи, в Ростове Меря, в Белеозере Вель, в Муроме Муромы, и теми всеми обладаше Рюрик. И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родом своим. И поидоста по Днепру, и идуче мимо, и узреста на горе градок и упраца ста, реста: «чий се градок?» они же реша: «была суть 3 братья, Кий, Щек, Хорив, иже сделаша градок ось, и изгибоша, и мы седим платяче дань родом их Козаром. Аскольд же и Дир остаста в граде сем, и многи Варяги скуписта, и начаста владети Польскою землею».<sup>55</sup>*

Как видим, первой столицей Руси был вовсе не Киев, а Новгород. Сюда, на север, пришли словены, основавшие Русское государство, сюда же затем были призваны и варяги – Рюрик с братьями. Именно из Новгорода начинались их знаменитые походы. Киев вошел в состав Руси не добровольно, ёмкая фраза «Аскольд же и Дир остаста в граде сем» вовсе не означает, что киевляне встречали варягов хлебом-солью.

Кто же жил в Киеве, не входившем ещё в состав древнерусского государства? Действительно ли он был основан славянами? Как говорится, «вопрос, конечно, интересный». Нестор-летописец, параллельно с сообщением о полянах на киевских горах и о том, что Кий был князем, а не перевозчиком на Днепре, тут же сообщает о происхождении основателей будущей столицы – Кия, Щека, Хорива. «Родом их Козаром» характеристика достаточно однозначная. А учитывая то, что Хазарский Каганат был тюркским государством с иудейской верхушкой, логично предположить, что 3 брата, построившие «градок», были не тюрками, а принадлежали именно к правящей верхушке, то есть были иудеями. Однако по этому вопросу есть много и других версий.

Николай Михайлович Карамзин в томе первом «Истории государства Российского» педантично перечисляет историков и их мнения относительно киевских истоков:

*«Татищев думает, что имя Киева или Кивы есть Сарматское и значит горы: он, кажется, не верит сказанию о трёх братьях.*

*Щербатов находит имена их Арабскими и Персидскими, и заключает из того, что Киев построен не Славянами, а Гуннами...*

*Рейнегс утверждает, что «сей город основан Готфами, ибо имя его есть Финико-Арабское и значит – место любимое, радостное»...*

*Болтин признает Аваров строителями Киева и говорит, что Киев по-Венгерски есть веселый...».<sup>56</sup>*

В современном исследовании «Тюркская этнонимия» Юрия Дроздова (2008 г), автор доказывает, что название «Киев» имеет не славянское, а древнетюркское происхождение:

*«Название города восходит, вероятнее всего, к древнетюркскому слову qij (кый), которое в буквальном переводе на русский язык означает «пригород, селение».<sup>57</sup> Со ссылкой на известное сообщение византийского императора Константина Багрянородного о существо-*

---

<sup>55</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стр. 8–9.

<sup>56</sup> Карамзин. 1842. Кн. 1. Стр. 27. Приложен. 71.

<sup>57</sup> Дроздов. Стр. 302.

вании на днепровских горах древней крепости с названием Самватас, Ю. Н. Дроздов предполагает:

*«...Вероятно, рядом с крепостью Самватас существовал пригород (кый). Со временем этот пригород разросся до размеров города, поглотив, вероятно, и территорию крепости, сохранив своё изначальное, древнее название, которое в древнерусском языке получило форму Кыйев или Киев».*<sup>58</sup> Здесь к месту будет вспомнить, как иногда называли киевских правителей в летописных источниках. Прочтём достаточно известную выдержку из летописного «Слова митрополита Иллариона» о киевском князе Владимире:

*«Похвалим же и мы... нашего учителя и наставника, великаго кагана нашей земля, Владимира, внука стараго Игоря».*<sup>59</sup> Каганами, кстати, кроме Владимира, называли и некоторых других киевских князей (для информации: каган, хаган, хакан – название владык у многих восточных народов).

В этом ряду теория о славянах-полянах, основателях Киева также имеет право на существование, она ничуть не хуже, но и не лучше остальных. Однако то, что значительное количество авторитетных историков относилось к ней скептически, само по себе является серьёзным аргументом. Показательно, что даже слово «Князь» имеет не южно-, а северорусское происхождение, как производное от слова конь. По В. И. Далю: *«Конязь, вершинник [ср. князь]; конник, всадник, конный воин, кавалерист; В ночную конязем ездит; чередовой конязь, ряз. тмб. Чередовой табуницник, стерегуций лошадей».*<sup>60</sup> В старославянском же языке ска кунов называли по-другому – комонь, кумонь. Конный воин назывался комонным, не назывался «князем» и предводитель конной дружины.

А по поводу уровня культуры и образования этих южных славян обратимся всё к тому же Нестору-летописцу. К его описанию деяний апостола Андрея Первозванного:

*«Въшед на горы сия, благослови я, постави крест, и помолвися Богу, и сълез с горы сея, идеже послеже бысть Киев, и поиде по Днепру горе. И приде в Словени, идеже ныне Новъгород; и виде ту люди суцая, како есть обычаи им, и како ся мыють, хвоцются, и удивися им. Иде в Варяги и приде в Рим, исповеда, елико научи и елико виде, и рече им: «дивно видех Словеньскую землю, идучи ми семо видех бани древены, и пережьгутъ е рамяно, совлокуться и будутъ нази, и облеютъя квасом уснияным, и возьмутъ на ся прутье младое, бьютъся сами и того ся добьютъ, егда влезутъ ли живи, и облеютъя водою студеною, тако оживутъ; и то творять по вся дни немучими никимже, но сами ся мучать, и то творять не мовенье себе, а мученье».*<sup>61</sup> Как видите, для легендарного ученика Христа (вернее, для летописца Нестора) обычай северных славян мыться в банях был удивителен и не очень-то одобряем. Можете себе представить, каким был уровень гигиены южан того времени.

Гийом Левассер де Боплан, французский военный инженер на службе польского короля, в 30-х годах XVII века занимался созданием сети укреплений юго-восточной границы польского государства и делал военно-топографическую съёмку этих земель.

Записки Боплана, изданные им в 1651 году под названием *«Описание окраин Королевства Польши, простирающихся от пределов Московии вплоть до границ Трансильвании»*, познакомили европейского читателя с землями будущей Украины. Да и само это название «Украйна» появляется впервые именно в записках Боплана, во втором их издании 1660 года: *«Описание Украйны, которая является некоторыми провинциями Королевства Польши».*

---

<sup>58</sup> Дроздов. Стр. 303.

<sup>59</sup> Словарь АН. Т. 7. Стр. 11.

<sup>60</sup> Даль. Т. 2. Стр. 396.

<sup>61</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стр. 4.

*Простирается от пределов Московии, вплоть до границ Трансильвании».* В русском переводе Н. Г. Устрялова эта книга под названием «Описание Украйны» вышла в 1832 году.

В своих записках, кроме всего прочего, Боплан описал распространённое в южных провинциях Польши заболевание под названием «Колтун»:

*«Одержимые сею болезнью, которую Французы называют колтуном, круглый год чувствуют сильное расслабление в членах и от нестерпимой боли нерв стонут безпрерывно. По прошествии года, на голове больного в одну ночь выступает сильный пот, волосы склеиваются, скатываются в клочки и походят на хвост трески рыбы. Тогда только больной получает облегчение и чрез несколько дней совершенно оправляется; но вид волос его отвратителен: расчесать их невозможно. Если больной острижет клочки прежде истечения двух дней, то соки, которые выходили порами волос, приступают к глазам и несчастный теряет зрение.*

*Болезнь сия в Украйне почитается неизлечимою; но я многих исцелял от оной теми же средствами, которыми во Франции лечат от бол езни венерической».*<sup>62</sup>

Тогда же, в XVII столетии, эту болезнь описал и доктор Самуил Коллинс, англичанин, восемь лет бывший личным врачом царя Алексея Михайловича:

*«...Колтун (Plica) также свирепствует в Польше, как чесотка во Франции; и так заразителен, что очень немногия семейства остаются от него свободны. Без сомнения, нет на свете болезни хуже, потому что (не говоря о многих ужасных ея действиях) от волос воняет, как от застарелаго чирья, и, несмотря на то, Поляки почитают её признаком высокоаго происхождения. У некоторых все волосы в узлах, и я видел одного монаха, у котораго голова совершенно похожа была на Медузину, и котораго за то уважали, как человека необыкновенной святости...*

*Говорят, что Поляки первые ввели пудру в употребление, стараясь заглушить вонь колтуна. Трудно избежать этой болезни, проезжая через такую землю...».*<sup>63</sup>

Интересно, что севернее – в землях северян, радимичей, вятичей, новгородских словен, такая напасть не отмечалась. Причина этому очень проста: жители лесов имели «пагубную» привычку мыться в банях, это спасало их от многих болезней. Поляне же та кой привычки не имели, что подтверждает энциклопедия Брокгауза и Эфрона:

*«Колтун (Plica polonica) – в прежнее время считался особой болезнью, присущей известным местностям (напр. берегам Вислы, Познани) и народностям. В настоящее время выяснено, что Колтун есть следствие экземы на голове у людей нечистоплотных, относящихся небрежно к уходу за своими волосами, вовсе их не расчесывающих. Колтун очень часто развивается на почве не распознанной вишivosti и излечивается с устранением последней. Вследствие обильного отделения (экскреции) солевых желез на голове, волосы слипаются в клубки, косички, в которых содержатся грязь, пыль и множество насекомых, находящих здесь для себя богатую пищу. Колтун устраняют стрижкой волос и последовательным лечением воспалительного состояния солевых желез на голове...».*<sup>64</sup> Картинка, от которой просто бросает в дрожь, вот тебе культурные и образованные поляне. Ещё в XVII столетии *Plica polonica* была на территории нынешней правобережной Украины заболеванием массовым (и считалась неизлечимой!), а что уж говорить о предыдущих веках.

Кроме официозной версии истории древней Руси, которая знакома многим, в которой реальные исторические факты и события сознательно или бессознательно выстраивались во

---

<sup>62</sup> Боплан. 1832. Стр. 83.

<sup>63</sup> Коллинс. Стр. 30.

<sup>64</sup> Брокгауз. Эфрон. Т. XV – А. Стр. 763.

славу и величие правящей династии Романовых, в ходу были народные предания и легенды, не всегда совпадавшие с официальными или летописными источниками. Например, некоторые из таких народных сказаний об истории Руси, существовавшие в Московском государстве, записал Н. М. Карамзин:

*«Аскольд и Дир, отправленные из Новгорода Олегом послами в Царьград, увидели на пути Киев, пленились красотой онаго и завладели им, убив Кия, братьев и сестру его...*

*Тут же сказано, что Кий, Щек и Хорив были разбойники в Новгородской области; что Новгородцы посадили их с сестрою Лыбедью и с 27 товарищами в темницу и хотели повесить; что Князь из жалости дал им свободу; что сии разбойники два месяца шли дикими местами до реки Днепра, впадающего в Теплое море, по коему живут Варяги; что Кий основал там Киев и, приняв к себе многих бродяг, начал обрабатывать землю; что товарищи его назвались Древлянами...».*<sup>65</sup>

Интересные подробности отношений Новгорода и Киева, явно существовавшие не только (или не столько) в исторических документах, но и в народных преданиях, приводятся в записках к царю и великому князю московскому Алексею Михайловичу в 1661 году посла августейшего римского императора Леопольда, барона Августина Майерберга:

*«Некогда правили Русскими братья: Рюрик, Синеус и Трувор, родом из Варягов или Вагров, Князей Славянского народа у Каттегата и Зунда. Взяв с собою двоюроднаго брата, Олега, они разделили между собою власть над Русью, предложенную им тамошними коренными жителями по внушению и совету граждан Великаго Новгорода для того, чтобы эти братья обороняли их от Киевлян, войну с которыми они едва выдерживали... По смерти же обоих бездетных братьев им наследовал Рюрик и, умирая, оставил наследником Государства несовершеннолетнего для правления, единственного сына, Игоря, под опекою Олега...*

*Олег, родственник Рюрика и опекун его сына Игоря, сделал нападение на Киев в отмщение за обиды от него Новгородцам и, пользуясь счастьем, взял его и основал в нём столицу всей Руси. Этих преимуществ лишил, однако ж, город Игорев внук, рожденный вне брака, Володимир, отдав их городу Володимеру, построенному им на реке Клязьме».*<sup>66</sup>

А вот как выглядела Российская история в целом в изложении того же барона Майерберга:

*«Русское Царство, которое ныне мы называем Московским, некогда простиралось широко по обоим берегам Днепра (Борисфена). Но в начале XI-го столетия по Христианскому летосчислению, когда с одной стороны сперва напали на него Поляки, а потом с другой стороны Литовцы, оно сильно уменьшилось в продолжении чуть не 400-летней тяжелой войны. Потому что все течение Днепра, от его истоков до устья, с Белою и Черною, иначе Красною или Малою Русью и обширнейшею Северскою областью, Поляки и Литовцы постепенно отняли у Русских Князей во многих походах. А Витовт, Великий Князь Литовский в 1414-м году отнял у них ещё и Великий Новгород, и Псков. Однако ж, когда Иван Васильевич старший с безстрашною отвагою свергнул с себя и с своей Московии Татарское иго, он взял обратно Великий Новгород, после семилетняго облежания, в 1477 году, в царствование в Польше Казимира III-го».*<sup>67</sup>

Другой иноземец, уже упоминавшийся австрийский посол барон Сигизмунд Герберштейн, в XVI столетии описывал в своих записках историю Руси следующим образом:

---

<sup>65</sup> Карамзин. 1842. Кн. 1. Стр. 74. Приложен. 282.

<sup>66</sup> Майерберг. ЧИОИДР. 1873. Кн. 4. Стр. 105, 123.

<sup>67</sup> Майерберг. ЧИОИДР. 1873. Кн. 3. Стр. 1.

*«Рюрик получает княжество Новгородское и помещает свой престол в Ладоге, на XXXVI немецких миль ниже Новгорода Великаго. Синеус сел на Белом озере, а Трувор – в княжестве Псковском, в городе Изборске. Русские хвалятся, что эти братья происходили от Римлян, от которых повел, как он утверждает, свой род и нынешний Московский государь...»*

*Когда двое из них умерли без наследников, то все княжества получил оставшийся в живых Рюрик... Перед смертью он поручает юного сына по имени Игорь и царство некоему Олегу, своему родственнику; тот увеличил царство, покорив много областей; с своей боевой силой он ходил и на Грецию и даже осаждал Византию. После тридцати трёхлетнего царствования, он случайно наступил ногою на голову или череп своего коня, давно уже умершего, и погиб, пораненный укусом ядовитого червя. По смерти Олега стал править Игорь, взяв себе в жены Ольгу из Пскова».*<sup>68</sup>

Такие заметки иностранных путешественников очень ценны для понимания того, кем считали себя жители Московии. Как видим, жители Северной Руси, а потом и Московского государства, в исторических сказаниях практически не упоминали Киев как бывшую столицу, как центр русских земель. Гораздо чаще в таком качестве фигурировали Новгород и Владимир.

Так, в начале XVI века епископ Павел Иовий Новокомский написал в Ватиканских записках о бывшей столице Руси: *«...Новгород... был прежде столицею Государства и всегда славился безчисленным множеством строений своих... древнейшим и весьма уважаемым Москвитянами храмом, сооруженным за 400 лет пред сим, в соревнование с Византийскими Императорами, во имя Св. Софии Иисуса Христа сына Божия».*<sup>69</sup> Василий Николаевич Семенов, сделавший перевод и издавший «Описание Московии» Павла Иовия в сборнике «Библиотека иностранных писателей о России» в 1836 году, в примечаниях писал: *«Софийский собор в Новгороде построен в Княжение Ярославово. Вот что сказано о сем в 1-м томе Софийскаго временника, на стр. 155: “В лето С’ФНГ (1045) заложи Володимир Ярославич Церковь Святую Софию в Новгороде”, и ниже: “В лето С’ФНН (1050) священна бысть святая София в Новгороде, на Воздвижение честнаго креста, повелением Великаго Князя Ярослава”».*<sup>70</sup>

Киев же оставался в памяти народной центром религиозным, местом принятия христианства. Знакомая же всем фраза «Киев – мать городов русских», появившаяся в летописи Нестора, явно преследовала конкретные политические цели, являлась противопоставлением реалиям того времени, – множеству враждующих между собой разрозненных русских княжеств, попыткой летописца создать мифологический, привлекательный образ политически единого Русского государства.

Хочу привести ещё одну легенду о Новгородской республике, записанную уже известным нам посланником императора Фердинанда бароном Сигизмундом Герберштейном в 1517 году в Московии:

*«...Как повествуют их Летописи, случилось, что, когда Новгородцы облагали тяжкой осадой семь лет подряд Греческий город Корсунь, их жены, соскучившись от их продолжительного отсутствия, а к тому же ещё и сомневаясь в жизни своих мужей и возможности их возвращения, вышли замуж за рабов. Наконец, по завоевании города, когда победители мужья вернулись с войны и привезли с собою медные ворота покореннаго города и*

---

<sup>68</sup> Герберштейн. Стр. 4–5.

<sup>69</sup> Иовий. Стр. 36–37.

<sup>70</sup> Иовий. Примечание 28. Стр. 87.

*один большой колокол, который мы сами видели на их соборной Церкви, то рабы пытались отразить силою господ, на супругах которых они женились.*

*Тогда господа, разсерженные этим возмутительным поступком, отложили по чьему-то совету в сторону оружие и взялись как имеющие дело со своими рабами только за кнуты и батоги; уstraшенные этим рабы обратились в бегство и удалились в некое место, которое и поныне ещё называется Холопий город, то есть крепость Рабов, и стали там защищаться. Но они потерпели поражение и получили от господ заслуженную кару».<sup>71</sup>*

Точно такую же историю, но только в относящуюся к скифам, записал ещё в середине первого тысячелетия до нашей эры древнегреческий историк Геродот:

*«... Скифы 28 лет владычествовали в Верхней Азии. Следуя за киммерийцами, они проникли в Азию и сокрушили державу мидян (до прихода скифов Азией владели мидяне). Когда затем после 28-летнего отсутствия, спустя столько времени, скифы возвратились в свою страну, их ждало бедствие не меньшее, чем война с мидянами: они встретили там сильное вражеское войско. Ведь жены скифов вследствие долгого отсутствия мужей вступили в связь с рабами...*

*От этих-то рабов и жен скифов выросло молодое поколение. Узнав свое происхождение, юноши стали противиться скифам, когда те возвратились из Мидии...*

*Произошло много сражений, но скифы никак не могли одолеть противников; тогда один из них сказал так: “Что это мы делаем, скифские воины? Мы боремся с нашими собственными рабами! Ведь когда они убивают нас, мы слабеем; если же мы перебьем их, то впредь у нас будет меньше рабов. Поэтому, как мне думается, нужно оставить копья и луки, пусть каждый со своим кнутом пойдет на них. Ведь пока они видели нас вооруженными, они считали себя равными нам, т. е. свободнорожденными. Если же они увидят нас с кнутом вместо оружия, то поймут, что они наши рабы, и, признав это, уже не дерзнут противиться”.*

*Услышав эти слова, скифы тотчас последовали его совету. Рабы же, уstraшенные этим, забыли о битвах и бежали».<sup>72</sup>*

Такое сходство сказаний двух, казалось бы, разных народов, кажется мне удивительным. Как через огромную череду столетий скифские легенды вошли в предания северной Руси? Такие совпадения явно не случайны, с ними перекликается наблюдение, сделанное выдающимся русским и советским археологом Василием Алексеевичем Городцовым ещё в 1921 году. Учёный обнаружил, что изображения на деревенских северорусских вышивках часто аналогичны изображениям на древних предметах из раскопанных скифских курганов, в частности, известного Чертомлыцкого кургана и других курганов Приднепровья. К тому же, как отметил В. А. Городцов, подобная «*русская иконография шитья, насколько известно, оказывается неповторяющейся ни у одной славянской народности Средней Европы...*».<sup>73</sup> (Обратите внимание, по наблюдениям знаменитого археолога, ни в сюжетах польских вышивок, ни на украинских рушниках такие элементы не встречались). Не отсюда ли, из этих бездонных глубин народной памяти, черпал свои обобщения древний летописец, назвавший русскую землю «Великая Скуфь»?

---

<sup>71</sup> Герберштейн. Стр. 119.

<sup>72</sup> Геродот. История. Перевод Г. А. Стратановского. «Ладомир», Москва. 2002. Стр. 235.

<sup>73</sup> Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Труды Исторического музея. Москва. 1926. Стр. 34.

В довершение главы хочу ещё раз вернуться к нашим православным истокам. Официальная история крещения Руси, существующая уже не одно столетие, на мой взгляд, имеет явные шероховатости. Вспомним наблюдения нашего знакомца, венецианца Иосафата Барбаро, путешествующего по необъятным просторам черноморских степей:

*«...Начну путешествие свое с описания Чернаго моря и твердой земли... Алания заимствовала имя свое от народа Аланскаго, называвшаго себя на своем языке Ас. Народ сей, исповедовавший Христианскую веру, был истреблен и выгнан из жилищ своих Татарами. Страна их покрыта горами, реками и долинами, и в ней встречается весьма много искусственных земляных насыпей, – без сомнения – надгробных памятников.*

*На вершине каждой из таковых насыпей положен огромный, насквозь просверленный камень, в отверстие коего вставлен крест, также сделанный из камня. Этого рода курганов, как я уже сказал, здесь безчисленное множество».*<sup>74</sup>

Оказывается, задолго до знаменитого эпизода крещения князя Владимира, на курганах по Днепру, Дону и в Причерноморье стояли не только «скифские бабы», антропоморфные половецкие погребальные изваяния, но и многочисленные каменные христианские кресты. Киевляне ещё были язычниками, а над Великой Степью сиял огонь древней искренней веры – Православия.

Может быть, этот факт – домысел фантазёра-венецианца? Отнюдь. Христианство древних жителей наших степей подтверждают и другие источники. В частности архиепископ Макарий харьковский в своей «Истории христианства в России» в 1868 году писал:

*«Писатели средних веков, Иоанн Зонар (XII в.) и Феодор Вальсамон (XIII в.), вероятно, не без основания полагают, что в Алании были епархии ещё во дни халкидонскаго Собора (451 г.) и что 28-м правилом сего Собора причислены были оне к диоцезии Понтийской. Существование же какой-либо аланской или хазарской епархии в VIII веке выше всякаго сомнения, когда, по словам месяцеслова, императора Василия, там был уже около половины сего века свой епископ. А мысль, что ещё во дни равноапостольнаго Константина проникло в Сарматию христианство, упоминание об епископах и переводе св. Писания у Сарматов в те времена ещё более располагают нас верить в древность аланских епархий».*<sup>75</sup>

Равноапостольный Константин, о котором упоминает архиепископ Макарий, это тот самый римский император Константин (306–337 гг.), сын святой царицы Елены, провозгласивший в подвластных ему странах свободу исповедания христианской веры. Такие факты существования у сарматов христианства ещё от самых его истоков, чуть ли не со времен первых учеников Христа, не могут быть не связаны с историей Русского государства. Они заставляют по-другому взглянуть на каноническую версию распространения православия на нашей земле.

Даже во время путешествия Барбаро, в XV столетии, осколки степного христианского государства, древней империи Алан, продолжали существовать: *«...На берегу Чернаго моря лежит сначала Готфия, а потом Алания, простирающаяся вплоть до самаго Монкастро... От соседства Готфов с Аланами, как я полагаю, произошло название Готфаланов. Аланы были первоначальными обитателями страны. Пришли Готфы, покорили их и, смешав имя свое с их именем, назвали себя Готфаланами, т. е. народом, составленным из двух различных племен. Все они, равно как и Черкессы (Circassi), исповедуют Греческую веру».*<sup>76</sup>

---

<sup>74</sup> Барбаро. Стр. 6.

<sup>75</sup> История христианства в России. Макарий, арх. Харьковский. С.-Петербург. 1868. Стр. 88–89.

<sup>76</sup> Барбаро. Стр. 55–56.

Официальную версию крещения Руси ставили под сомнение и некоторые путешественники иностранцы. Записки на эту тему, например, оставил Даниила Принц из Бухова, советник императоров Максимилиана II и Рудольфа II, который в 1576 и 1578 году послан был Чрезвычайным послом в Москву, к великому князю Иоанну IV Васильевичу:

*«Общее мнение Москвитян то, что Владимир, наскучивши множеством богов, первый склонился к Христианской религии; однако Зонара, греческий летописец, утверждает, что ещё до Владимира Василий Македонянин, Император Константинопольский, посылал к Руссам Епископа, старанием коего они и приняли Христианскую веру...*

*Да и то служит великим доказательством того, что некоторыя семена Христианской религии в этой стране были ещё до Владимира, что бабка его, Ольга, названная потом Еленой, по смерти супруга своего отправилась в Константинополь и приняла Святое крещение. Но так как, находясь в варварстве, они, может быть, спустя немного, отступили от Христианской религии, то в летописях их почти нет никакого упоминания об этом. Поэтому они утверждают, что Владимир, по выходе за него замуж Анны Константинопольской, принял Христианскую веру, как её проповедовали Греки, отделившиеся от Церкви, и очистился в святой купели крещения».*<sup>77</sup>

О неоднократном крещении Руси сообщают даже русские летописи (прибавление к Ипатьевской Густинской летописи):

### **О первом крещении Росском**

*Внегда святыи апостол Андрей во своем жребии проходя учаше, бысть уча в Синопе, также в Корсуне, отнюду же поиде Днепром горе, и пришед идеже ныне горы Киевския, их же благослови и крест на них водрузи... потом же шед по Днепру горе даже до Новгороду Великому, и тамо такожде многия научив крести...*

### **О втором крещении Росском**

*Второе крестишася Словяне, якоже наш Русский летописца преподобный Нестор глаголет, сице: Михаил царь, во четвертое лето царства своего, поиде всею силою своею на Болгары; оны же не могуще стати силе его, просиша креститися, царь же крести их и князя их, и сотворив мир с ними возвратися...*

### **Третье крещение**

*Третье крестишася Словяне, си есть наша Русь, при патриарсе Фотии, по смерти Игнатия патриархи, при Василии Македоне царе...*

### **Четвертое крещение**

*Четвертое же крестися Русь от Греков за Ольги княгине, жены Игоря князя, бабы же Володымерови. Сия Ольга ходи во Цариград навькати веры*

---

<sup>77</sup> Даниила Принца из Бухова. Начало и возвышение Московии. ЧИОИДР. Москва. 1876. Кн. 3. Стр. 31–32.

*ко патриарху Полиевкту, по смерти Феофилакта патриархи, при цари  
Греческом Константине седмом, в лето 955...*

### **Пятое и конечное крещение**

*Пятое же конечне крестися Русь от Греков за Володымера великого  
князя Руского сицевым образом...<sup>78</sup>*

---

<sup>78</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стр. 251–253.

## Глава 4 Азиатская Сарматия

*Так вот она, страна уныний,  
Гиперборейский интернат,  
В котором видел древний Плиний  
жерло, простирающееся в ад!*

*Так вот он, дом чужих народов —  
без прозвищ, кличек и имен,  
Стрелков, бродяг и скотоводов,  
Владык без тронов и корон!*

*Н. Заболоцкий*

*«На восток от Московитян живут Скифы, ныне называемые Татарами, народ кочевой и с давних времен славящийся своим воинственным характером, — писал епископ Павел Иовий Новокомский. — Татары разделяются на орды; это слово на их языке значит собрание народа в одно целое, на подобие Государства. Каждую ордою управляет особенный вождь, избираемый по знатности рода или по воинским доблестям. Побуждаемые честолюбием, они часто ведут жестокия войны с своими соседями».*<sup>79</sup> Эти татарские племена и перечислил Матвей Меховский, описывая «Азиатскую Сарматию»:

*«Татарских орд четыре и столько же их императоров. Это именно: орда заволжских татар, орда перекопских, орда козанских (Cosanensium) и четвертая орда — ногайских. Добавляют ещё и пятую, не имеющую императора, и называют её казакской (Kazacka). О них будет сказано ниже. Орда по-татарски означает толпу, множество».*<sup>80</sup> В переводе «Трактата о двух Сарматиях», сделанном известным историком, профессором Санкт-Петербургского университета Егором Егоровичем Замысловским, который параллельно с изучением «Записок о Московии» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна исследовал и труд Матвея Меховского, эта фраза звучит так:

*«...Все племена Татарския делились на пять племен или орд: Татары Заволжские, Перекопские или Уланы, Казанские, Оккасские или Ногайские, орда Казацкая (Cazacca).»*<sup>81</sup>

*«Орда Заволжская или Джагатайская (Czahadaiorum) — самая главная. Сами себя они называют людьми начальными и свободными, так как они никому не подчинены, и от этой орды произошли все другия. Поэтому и Москвитяне называют её Большою ордою».* Здесь краковский профессор Меховский допустил ошибку. Е. Е. Замысловский по этому поводу справедливо замечает, что в России того времени действительно Большой Ордой называли «Золотую Орду»: «Так под 1502 г. (7010) летопись сообщает: “Прииде к великому князю посол от Большия орды от царя Шиахмата Ахмута сына”, и далее: “Того ж лета июня крымский царь Менглигерей, побивши Ахмата, царя Большия орды, и орду взял”...». Однако Золотая Орда уже не была объединённым государством. Загатайская орда в её состав не

---

<sup>79</sup> Иовий. Стр. 24–27.

<sup>80</sup> Меховский. Стр. 64.

<sup>81</sup> Замысловский. Стр. 343.

входила, была самостоятельным образованием со своей столицей в Самарканде.<sup>82</sup> Вот как описывает Загатайскую орду все тот же Павел Иовий:

*«К югу от Ногаев, близ Гирканского моря, живет племя Загатайское (Zagathai), знатнейшее из всех Татарских племен. Загатаи имеют города, построенные из камня.*

*Самарканд, столица их, замечательна по своей обширности и великолепию. Загатаи снабжают Московитян множеством шелковых тканей; Татары же, обитающие внутри земель, не доставляют им ничего, кроме быстрых лошадей и превосходных белых материй, не тканых, а сваленных из шерсти. Из них делаются Фельтрийския епанчи<sup>83</sup>, столь красивыя и столь хорошо защищающие от дождя.*

*У Московитян они берут в обмен только шерстяное платье и серебрянную монету, пренебрегая прочим убранством и излишнюю домашнюю рухлядь. Им достаточно одних плащей для защиты от суровой погоды и одних стрел для отражения неприятеля.*

*Впрочем, в случае набега на Европейския страны, предводители их покупают у Персов железные шлемы, брони и сабли».*<sup>84</sup>

По соседству с Золотой ордой располагалась орда Казанская. Матвей Меховский сообщает, что *«эта орда имеет около двенадцати тысяч воинов, в случае же необходимости, когда призываются другие Татары, до тридцати тысяч. Имена их государей, их дела и генеалогию не записывают, так как они подвластны князю Московскому и от его произвола зависят и в обыкновенное время, и во время войны (in viuendo, in bellando), и в выборе себе вождей: поэтому-то, что было бы сказано о государе Московском, могло бы быть принято и относительно их (т. е. царей Казанских)».*<sup>85</sup> А Павел Иовий сообщает, что не только казанские, но и татары, обитающие между Доном и Волгой, подвластны московскому царю Василию:

*«Татары, обитающие в Азии, на обширных равнинах между Танаисом и Волгою, подвластны Московскому Царю Василию, и от воли его нередко зависит даже самое избрание их Государей...*

*...За Волгою обитают Казанские Татары, которые весьма дорожат дружбою Московитян и признают их своими покровителями».*<sup>86</sup>

Начинался XVI век, а татары между Доном и Волгой уже были подвластны московскому царю Василию, и Казанские татары – ещё не враги. Они весьма дорожат дружбою Московитян. Значит, было и так, и отношения русских княжеств и татарских князей и ханов оказываются гораздо сложнее простых шаблонов, складывавшихся в нашей литературе не десятилетиями, столетиями. Конечно, были и татарские набеги, и грабежи, и угон пленников, и много горя в пограничных и глубинных городках и деревнях, никуда от этого не денешься. Но не надо забывать, что были такие же жестокие бесчинства, пожары, порубленные младенцы и опять много, много горя, когда русские князья шли воевать и грабить соседние русские же княжества. И тогда на защиту этих разоренных княжеств вставали неожиданные союзники – татары.

Ещё во времена московского княжения Василия Васильевича Тёмного (1425–1462), ослеплённого двоюродным братом Димитрием Шемякой, который и занял Московский престол, на выручку несчастному князю Василию, наряду с дружинами русских привержен-

---

<sup>82</sup> Замысловский. Стр. 344.

<sup>83</sup> По В. И. Далю: «Епанча ж. [тюркск.] широкий безрукавный плащ, круглый плащ, бурка. Женская епанча, епанёчка, короткая, бористая, безрукавая шубейка; накидочка». (Даль. Т. 1. Стр. 1295).

<sup>84</sup> Иовий. Стр. 26–27.

<sup>85</sup> Замысловский. Стр. 348.

<sup>86</sup> Иовий. Стр. 25.

цев, приходят татарские отряды: «...князь *Василий Ярославич* и другие московские выходцы, жившие в Литве... решились, оставя семейства свои в Литве, идти к Угличу и вывести оттуда *Василия*... Близ Ельны встретили они татарский отряд и начали было уже с ним стреляться, как Татары закричали: «Кто вы?» Они отвечали: «Москвичи; идем с князем *Василием Ярославичем* искать своего государя, великаго князя *Василия Васильевича*, сказывают, что он уже выпущен; а вы кто?» Татары отвечали: «Мы пришли из страны Черкасской с двумя царевичами, детьми *Улу-Махметовыми*, *Касимом* и *Эгупом*; слышали царевичи о великом князе, что он пострадал от братьев, и пошли искать его за прежнее добро и за хлеб, потому что много его добра до нас было». Когда дело таким образом объяснилось, *Москвичи* и *Татары* съехались, дали друг другу клятву и пошли вместе искать великаго князя». <sup>87</sup> Когда в 1449 году татарский отряд внезапно появился на реке Похре «и много зла наделал христианам, – сек и в полон вел», татарский царевич *Касим* из Звенигорода «разбил их, отнял добычу, прогнал в степь. И в следующем году *Касим* оказал такую же услугу Москве, разбивши татар вместе с коломенским воеводою *Беззубцевым* на реке *Битюге*». <sup>88</sup>

Действия татарских приверженцев Москвы могли оказывать и оказывали серьёзное влияние на судьбу северо-русского государства. Например, в противостоянии великаго князя московского *Иоанна III* и хана Золотой Орды *Ахмата* окончательную точку поставил союзник *Иоанна*, хан *Шибанской* (Тюменской) орды *Ивак* совместно с ногайскими конниками.

Так сильный и влиятельный хан *Ахмат* после неудачного похода на Москву (не дождавшись на реке *Угре* подхода войск короля *Казимира*, о чем был договор) ушел вспять, опустошая по пути королевские земли, как написала *Никоновская летопись* «за измену», и, обременённый богатой добычей, расположился на зимовку в низовьях Северского Донца.

«Здесь 6 января 1481 года напал на него *Ивак* и собственноручно убил соннаго, после чего отправил к великому князю посла объявить, что супостата его уже нет больше; *Иоанн* принял посла с честью, дарил и отпустил с дарами для *Ивака*. Таким образом, последний грозный для Москвы хан Золотой Орды погиб от одного из потомков *Чингис-Хановых*; у него остались сыновья, которым также суждено было погибнуть от татарскаго оружия». <sup>89</sup>

С Крымским Ханством, нашими давними соседями-недрузьями, при ближайшем рассмотрении тоже, оказывается, не всё так однозначно. *Матвей Меховский* называет крымцев Перекопскими татарами или Уланами и сообщает, что они «...могли бы быть более общезыательными и кроткими, вследствие влияния природы, но они не оставляют свою волчью хищность и зверскую жестокость, как дикие, обитающие в степях и лесах, а не в городах и селениях. Ибо они ежегодно нападают, опустошают и грабят Россию, Литву, Валахию, Польшу и иногда Московию». <sup>90</sup> Россией краковский профессор здесь называет земли юго-западной Руси. А *Павел Иовий* сообщает, что: «...Питая непримиримую вражду к Полякам, Перекопские Татары непрерывно опустошают земли, лежащие между *Борисфеном* и *Танаисом*». <sup>91</sup>

Кого же могли грабить перекопские татары между Днепром и Северским Донцом или Доном, чтобы утолить свою «непримиримую вражду к полякам»? Неужели, и правда, на

---

<sup>87</sup> Соловьев. Кн. 1. Т. IV. Стр. 1071.

<sup>88</sup> Соловьев. Кн. 1. Т. IV. Стр. 1106.

<sup>89</sup> Соловьев. Кн. 1. Т. V. Стр. 1432.

<sup>90</sup> Замысловский. Стр. 345.

<sup>91</sup> Иовий. Стр. 24–25.

наших землях днепровско-донского междуречья в старину были польские или литовские поселения? Вопрос интересный, но поговорим об этом позже.

Крымская орда, как пишет С. М. Соловьев, была образована эмиром Едигеем из черноморских татарских улусов. Но род Едигея пресекся, и родоначальником знаменитых в нашей истории Гиреев крымских стал Ази-Гирей (по другому Хаджи Герай, Гаджи Девлет Гирей). С юностью Ази-Гирея (Хаджи Герая) связано целое предание, которое повторяют большинство татарских и турецких историков того времени. Как водится в сказаниях, Хаджи Гераю вместе с племянником, Джанай-огланом, и одним слугой пришлось бежать из Крыма от преследования пришедшего к власти нового хана.

*«Известившийся о побеге их жестокий хан снарядил погоню за ними. Преследовавшие настигли их на реке Днепре. Те со всем, с лошадьми, бросились в реку и поплыли. Преследователи осыпали их с берегу дождем стрел...»*

*...Когда Хаджи-Герай с слугою своим при этой перепалке были уже на середине реки, одна стрела угодила в коня его. Хаджи-Герай очутился кругом в воде. В то время верный слуга отдает свою лошадь своему господину, пожертвовав ради него своей жизнью. Он утонул, едва успев ему завещать, сказавши: «Если достигнете счастья, то окажите милость моим детям и родственникам. Царство ему небесное!».<sup>92</sup>*

Пронзительное повествование о верности и чести. Представляются беглецы, вырвавшиеся за стены Перекопской крепости и мчащиеся вверх по Муравскому шляху, вдоль левого бережья Днепра. Другого пути у них не было. Вряд ли они переплывали Днепр в низовье, но и уйти далеко также не могли. Скорее всего, не дойдя порогов, переправлялись на правый берег, на земли будущей Новой Сербии, в одном из мест традиционных днепровских переправ. Герои – не погибают! И царевич Хаджи-Герай нанялся на тяжелую работу в случайное кочевье степных татар, бедствовал, спал на голой земле. Шесть лет скитался по Дикому полю, пока не вернулся победителем в Крым. Конечно, убив при этом своего врага, «жестокоего хана».

Арабские хроники выводят родословную хана Ази-Гирея от властителя Гыяс-эд-Дин-бен-Таш-Тимура (Таш Тимур захватил власть в Крыму после второго поражения Тохтамыша от Тимура (Тамерлана) в 1395 году). Существуют и другие мнения. Но среди различных версий происхождения этого хана есть и такая, «будто Ази-Гирей, сын или внук Тохтамыша, родился в Литовском городе Троках и что господство в Тавриде доставил ему Литовский Князь Витовт».<sup>93</sup> Может быть, поэтому с самого основания Крымское Ханство выступало ближайшим союзником Великого Княжества Литовского? Но с приходом на крымский трон следующего хана, Менгли Гирея, происходит смена ориентиров, изменение внешнеполитического вектора страны, как сказали бы современные бойкие политологи.

Союз Москвы и Крыма, не все об этом знают. После столетий взаимной вражды и войн такой факт кажется удивительным, хотя в действительности ничего удивительного в этом не было. Северо-восточная, Московская Русь в одиночку вряд ли могла противостоять экспансии Польши и Литвы, находящихся в процессе объединения, шаг за шагом поглощавших соседние русские княжества.

Стоит подчеркнуть, что усиливавшаяся Польско-Литовская уния в тот период выступала союзником другого сильного врага Московии, – стремившейся к возрождению былой монгольской славы Большой (Золотой) Орды хана Ахмата. Союз Литвы и Татар не был чем-то необычным, он, по-видимому, и не прерывался со времени княжения знаменитого князя

---

<sup>92</sup> Смирнов. 1887. Стр. 213.

<sup>93</sup> Барбаро. Примечания. Стр. 167.

Витовта (хотя были исключения, например разгром литовцев на реке Ворскле ханом Темир-Кутлуем после неудавшейся попытки литовского князя посадить на золотоордынский трон своего протеже хана Тохтамыша). Вспомним, что писала о взаимоотношениях Витовта и ордынцев литовская летопись:

*«...кнзь великии Витовт силнии гсдр и славен по всим землям, и много царей и кнзеи служили у двору его, а интые прыеждчаючы кланялися ему просечи собе в него цара на царство ордынское, он напервеи дал им цара до орды Солтана, и тот Солтътан седел на царстве, и николи не смел противитися силному господару, и оставивши царство и ехал на иниое местцо царствовати, и кнзи ордынские послы свои посылали до славного господара просечи собе иног цара, и он им дал иного цара Малого Солтана.*

*И тот Малый Солтан будучы на царстве, не смел ослухатися славного господара где коли велел ему кочевати он там кочевал, и по малом часе тот цар кнзем ордынским не люб был, и они инишого цара собе просили у славного господара Витовта. И он им дал царем Давлебердея, и тот Давлебердей на царстве вмер, а кнзь великии Витовт в тот час был у Кieve и прышли к нему кнзи ордынские послы до Кieve з многими дарми и просили собе иного цара, и он им дал цара Махмета...».*<sup>94</sup> Вероятно, летописец приукрасил величие литовского «господаря», но по совокупности других исторических фактов связь княжества Литовского и Большой Орды явно существовала.

У крымцев была своя весомая причина для сближения с Москвой. Таврида после смерти хана Ази находилась в состоянии «великой смуты», сыновья покойного – Нордулат, Айдар и Менгли Гирей, соперничали друг с другом за крымский трон. Золотоордынский хан Ахмат посадил на этот трон своего протеже, хана Зенебека. Местные татары бунтовали против всех и просились в подданство турецкого султана. Менгли-Гирей также обращался к султану Мухаммеду за помощью для прекращения беспорядков в Крыму и для защиты от сильного давления Большой Орды.<sup>95</sup> Фактически сближение Иоанна III и Менгли-Гирея можно рассматривать как союз лидеров двух бывших провинций великой Монгольской империи в противостоянии новому возрождающемуся имперскому центру – Большой Орде хана Ахмата, поддерживаемого союзниками. Причем результат противостояния этих военно-политических блоков – Золотой Орды и Литвы, против Московии и Крыма по соотношению сил и всей логике событий не должен был сложиться в пользу последних. На фоне такой далеко не радостной для Москвы и Крыма обстановки отношения двух государств переросли рамки обычного военно-политического союза «по расчёту», скорее всего, это было связано с личными качествами их первых лиц. Сохранившаяся в архиве московского посольского приказа переписка великого князя Иоанна III Васильевича и царя Менгли-Гирея отдаёт человеческой теплотой, сейчас бы мы назвали такие отношения «настоящей мужской дружбой», хотя и с определёнными оговорками (меры предосторожности с обеих сторон никто не отменял).

30 апреля 1479 года. В Крым из Москвы экстренно выехал специальный посланник Иоанна III Васильевича – Иван Белого. На Крымский трон вернулся хан Менгли-Гирей, старинный московский доброжелатель. Вполне вероятно, что Иоанн III принимал участие в его возвращении (московские великие князья, так же, как и великие князья литовские, вопреки сложившимся представлениям, активно участвовали во внутритатарских династических коллизиях). Так или нет, но основными целями поездки Ивана Белого были сообщения о поддержке и готовности оказания помощи новому крымскому царю, тайно сообщая

---

<sup>94</sup> ПСРЛ. Т. 17. Список графа Рачинского. Стр. 334–335.

<sup>95</sup> Смирнов. 1887. Стр. 253.

лось о гарантиях личной безопасности. В случае непредвиденного развития событий Москва готова была предоставить Менгли-Гирею политическое убежище.

*«А се говорити Иванче царю Менли Гирею, Ази-Гирееву сыну. Князь велики челом бьет. – Князь велики велел тебе говорити: ... люди ми твои сказали твое здоровье, что Бог тебя помиловал, на отца твоего месте и на твоём юрте осподарем учинил. И яз, слышав твое здоровье, тому есми обрадовался. – Князь велики велел тебе говорити, чтобы еси пожаловал, не подръжал себе на сердце о том: хотел есми послати своего доброво человека твое здоровье видети с добрыми поминками; ино на Литву проезда нет, а полем пути истомны.*

*И государь мой послал меня своего паробка здоровья твоего видети. А даст Бог как буду у своего осподаря, и государь мой к тебе пошлет своего доброго человека с добрыми поминки. – Князь велики велел тебе говорити: писал еси ко мне в своих ярлыках и словом ми говорили твои люди о том, что еси как пожаловал меня, братом и другом себе учинил, и правду мне дал, так и ныне жалуешь, на том стоишь, и вперед хочешь жаловати, братство свое и любовь ко мне и свыше хочешь полнити...*

*А се говорити Иванче царю наедине. Князь велики велел тебе говорити: писал еси ко мне в ярлыке в своем и словом ми от тебя Сырняк говорил о том: каково по грехом придет твое неверемя, и мне бы твоя истома поднять. Ино яз добру твоему везде рад, чтобы дал Бог ты здоров был на отца своего месте на своем юрте. А коли по грехом придет каково твое неверемя, и яз истому твою подойму на своей голове».*<sup>96</sup>

10 августа 1487 года. Иоанн III Васильевич отправляет в Крым своего посла Беляка Ардашева с хорошими новостями – московские воеводы взяли город – крепость Казань (намного, кстати, раньше, чем повторное и шумно воспетое взятие Казани Иоанном Грозным), и пленили общего недруга Москвы и Крыма, хана Алягама со всей свитой. Иоанн III сообщал Менгли-Гирею, что на Казанский трон посадил его пасынка Махмет-Аминя, который к тому времени уже жил в Москве. Отдельно великий князь послал приятную весть жене крымского хана царице Нур-Султан. Махмет Аминь был её родным сыном.

*«А се говорити Белеку, Ардашову сыну, от великого князя Менли-Гирею царю: брат твой князь велики Иван велел челом ударити. Князь велики велел видети твое здоровье. А после тогопоминок подати. А се речь говорити... Князь велики велел тебе сказати: посылал есми на своего недруга на Алягама царя на казанского своих воевод. Милосердый пак Бог как хотел, так учинил: наши воеводы Казань взяли, а нашего недруга Алягама царя поймав и с его братьею и с его матерью и с его царицами и со князми к нам привели; а Магмет-Аминя царя на Казани есмя посадили. И тебе бы то было ведомо...*

*А се говорити Белеку Нур-Салтан царице, Темиреве дочери: князь велики Иван велел тебе поклонитися. Князь велики велел тебе говорити: твой сын Магмет-Аминь царь к нам приехал; и мы, надеяся на Бога, посылали есмя на своего недруга на Алягама царя своих воевод. Милосердый пак Бог как хотел, так учинил: наши воеводы Казань взяли, а нашего недруга царя Алягама поймав и с его братьею и с его матерью и с его царицами и со князми к нам привели; а твоего сына Магмет-Аминя царя на Казани есмя посадили. А тебе бы то было ведомо».*<sup>97</sup>

6 января 1493 года. Крымские послы Мунырь мурза и Оюз дуван, кроме грамот Менгли-Гирея, писем от родовитых крымцев с различными сообщениями и просьбами, привезли в Москву и письмо царицы Нур-Султан к Иоанну III. Царица передаёт поклон своему

---

<sup>96</sup> ПДК. Стр. 15.

<sup>97</sup> ПДК. Стр. 61–62.

сыну Махмет-Аминю, сидящему на казанском троне, и сообщает великому князю московскому о том, что отправила к нему своего второго сына – Абдыл-Летифа:

*«Нур-султан царицыно слово. Великому князю Ивану, брату моему, ведомо, что Абды-Летифа, на Бога упованье положи, к тебе посылаем ныне. Как будет пригож, ты ведаешь, к брату его к Магмед-Аминю царю прикошуешь, ты ведаешь; или пак у себя ти держати, ты ведаешь. К брату своему к Магмед-Аминю царю будет ти его отпустить, гораздо наказав и научив, отпусти. Да ещо будет ти у себя его уняти, ведомой обычай его похваляй; а не взведает чего, и ты его поучи и гораздо понакажи, да и поблюсть, ты ведаешь, молод и мал...».*<sup>98</sup>

Такое эмоционально насыщенное послание не оставляет сомнений в том, что Иоанн III Васильевич для семейства Менгли-Гирея был близким человеком. А вот другое письмо той же заботливой матери, присланное в октябре 1493 года. *«...Нур-султан царицыно слово. Великому князю Ивану, брату моему, много многопоклон. После поклона, ведомо бы было: Сатику, на Бога надеая да и на тебя, послала есми. Нынеча того молодое дитя или у себя, или к брату пошли. Как тому молодому дитяти упокой учинишь, сам ведаешь; и брат его молод и он молод, те два живучи вместе в любви ли будут, или не в любви, сказыванье наше то стоит, моим тем двема молодым детем пристрой учинил еси; что тебе от нас будет, от Бога бы тебе было. Царь брат твой здоров будет, да и мы здоровы будем, о твоих о добрых делех помощники будем, как сила наша имет...»*

*Сатика молод, а у него добрых людей нет, а у Багая ума нет. Хотя и к брату отпустишь, или у себя велишь быти, и ты одного доброго человека дякою учини отца его Ибряимовых слуг и Сатыкиным слугам и людям, кого бы ся им блюсти добро. Чюра толмач гораздо ведает, у Сатики неустроенные робята есть, тех куды будет на дело посылати, и ты их посылай, потому ини ся наставят и умны будут; а в одном месте им лежати, ини дурют и испортятся».*<sup>99</sup>

После страшного пожара 1493 года, уничтожившего большую часть города, Москва нуждалась в восстановлении. Если деревянные строения на Руси возводились быстро и качественно, то попытки каменного строительства силами местных мастеров заканчивались печально. Ещё до пожара, в 1474 году, в центре Москвы рухнул возведённый на месте старого, ветхого внушительный (и очень недешёвый) кирпичный Успенский собор. Причиной обрушения была неопытность его строителей, московских «каменных дел мастеров» Кривцова и Мышкина.

Август 1504 года. Московские послы, отправленные в Милан, возвращались с большой группой итальянских архитекторов, которых великий князь Иоанн III Васильевич ждал с нетерпением. На своём пути они встретили много неожиданных трудностей, отчаявшиеся мастера готовы были повернуть назад. Менгли-Гирей отправляет в Кремль срочное и важное сообщение. Используя своё влияние и возможности, Крымский хан сумел освободить злополучное посольство из-под ареста, наложенного волошским воеводой Стефаном, обеспечить его продовольствием и охраной:

*«А се царева грамота. Менли-Гиреево слово. Великому князю Ивану, брату моему, слово то... Нынеча от Стефана воеводы Дмитрей и Митрофан с мастера фрязскими и с женами и с детми и с девками к нам пришли, надобе было им на харчь денег; и что у нас в руках было денег, и мы то им дали. А нынеча учали прочь наряжати, а денги им на харчь надобе, и у нас денег не лучилося, и мы в Кафу послав у Хозя и у кафинских денги в рост взяли да им дали, чтобы ся борже дело делало, сего дни бы, завтра, отпустить их...»*

---

<sup>98</sup> ПДК. Стр. 177.

<sup>99</sup> ПДК. Стр. 194.

*А ныне с твоим боярином с Алексеем Дмитрея и Митрофана и мастеров и с женами и с детми и с девками часа того отпускаем, так ведай; а с ними посылаем рать свою до Путивля проводить их. А которого еси посла к нам послал, и того, взяв из Путивля, к нам допроводити, и ты бы против их послал свою многую рать да велел их взяти из Путивля, занже тяжелы люди идут, а надобные люди мастера к тебе брату моему пришедши близко, и они бы ся не оплошили, чтобы лихо никакого незсталось, чтобы не один не изгиб, не плошился бы.*

*А числа нет, сколько тем мастером харчу вышло. А ныне восена, августе, увидев сесь месяц, даст Бог поедут; а яз посылаю с ними в головах Япанчу царевича, да Алабату улана, да Казимира князя, да Абдулу улана, да ичек своих, да Лагим-бердей дувана, всех их тысячу человек проводить их до Путивля...».*<sup>100</sup> В числе «фряжских» мастеров, бережно эскортируемых тысячным татарским конвоем по Муравскому шляху к Путивлю, был и известный архитектор Алевиз. Многие ли знают, что быстрое восстановление сгоревшей Москвы, строительство кирпичных стен Кремля взамен деревянных, новых церквей, кремлёвских дворцов стало возможным благодаря деятельному участию крымского хана Менгли-Гирея?

Московская Русь строилась и расширялась. Обложенная со всех сторон, Москва тем не менее давала приют всем гонимым. Туда, например, после недолгого правления в Крыму устремился ставленник Золотой Орды хан Джанибек, получив предварительно гарантии князя Иоанна Васильевича. Из послания великого князя Иоанна III Васильевича крымскому хану Джанибеку от 5 сентября 1477 года, доставленного специальным посланником московским татаринном Темешем:

*«А се говорити Темешу татарину от великого князя Ивана царю Зенебеку. Князь велики Иван челом бьет. Князь велики послал видети твое здоровье... А се речь говорити Темешу царю Зенебеку наедине, где будет пригоже. А Яфар Бердей бы туто был.*

*Князь велики Иван повестует: прислал еси ко мне своего человека Яфар Бердея. А говорил ми от тебя твой человек Яфар Бердей о том, что по грехом коли придет на тебя истома, и мне бы тебе дати опочив в своей земли. Ино яз и первые того твоего добра сматривал; коли еси был казаком, и ты ко мне также приказывал, коли будет конь твой потен, и мне бы тебе в своей земле опочив дати. И яз тебе и тогды опочив в своей земли давал, а и нынеча есми добру твоему рад везде. А какво придет твое дело, а похочешь у меня опочива, и яз тебе опочив в своей земли дам и истому твою подойму».*<sup>101</sup>

Приют в Москве в конце концов получили и враги хана Джанибека, братья Менгли-Гирея, Нордоулат и Айдар, первоначально захваченные литовцами и содержавшиеся в Киеве. Произошло это, конечно, не без ходатайства их владетельного брата. Иоанн III Васильевич через своего посланника князя Ивана Ивановича Звенца в апреле 1480 года отправил крымскому хану любопытное послание, сохранившееся в архивах посольского приказа:

*«Князь велики велел тебе говорити: нынеча еси ко мне ярлык свой прислал да и с своими послы еси приказал и с моим человеком с Иванчею о своей братье о царех о Нурдовлате да о Айдаре, что недруг твой король взял их к собе и держал их в своей земли на Киеве, а на твое лихо; и мне бы твоего для дела оттоле их к собе взяти. И яз их к собе взял твоего для дела, а держу их у себя и истому своей земле и своим людем чиню тебя деля...».*<sup>102</sup> Бывший казак, а потом крымский хан Джанибек, и царевичи, братья Менгли-Гирея, и многие-многие другие нашли в Московском княжестве не просто «опочив», эта земля стала их родиной, родным домом их будущих детей и внуков. Наверное, так же средневековая Голландия перед своим будущим расцветом давала приют изгоям со всей Европы.

---

<sup>100</sup> ПДК. Стр. 515–516.

<sup>101</sup> ПДК. Стр. 13–14.

<sup>102</sup> ПДК. Стр. 17–18.

Орда Заволжская, орда Казанская, орда Загатайская, орда Перекопская. Окаские или Ногайские татары, сообщает Матвей Меховский, позже других отделились от татар Заволжских «...и стали жить близ крепости Сарай, приблизительно за семьдесят или немного менее лет до 1517 года, и в короткое время [эта 4-я орда]чрезмерно размножилась до такой степени, что в настоящее время она стала самую многочисленную и большую... Со стороны восточной их владения прилегают к Московии, и они часто вторгаются в ее пределы и грабят её».<sup>103</sup>

Особое место среди всех татар занимали казаки. Их орду пополняли выходцы из других племён, лица, не признающие норм общежития в своих землях, преступники, укрывающиеся от правосудия, авантюристы, ищущие лёгкой добычи, и просто изгои. В XIX – начале XX века, в эпоху революционного романтизма, российские и даже европейские литераторы и историки видели в таком сообществе высшую форму народоправства, прообраз пролетарской республики будущего. Сейчас, когда прошло время, стоит признать, что казацкая орда являлась не прообразом будущего, а угасающим отблеском прошлого, осколком древнейшей степной демократии, где атаман избирался на время простым большинством голосов, а все вопросы решались сообща на общей сходке – курултае. Там же, на общей сходке, делилась и награбленная добыча. Профессор Санкт-Петербургского университета Егор Егорович Замысловский, исследуя «Трактат о двух Сарматиях» Матвея Меховского, приводил описание такой орды:

*«Пятою ордою считают ту, которая не имеет царя, и её называют Казацкою (Cazacca). По всей вероятности, к этой же орде следует отнести и известие Меховского о том, что в Сарматии Европейской, в Аланских степях, прилегающих к р. Дону, бродили Казаки (Kazacii) и жили грабежом».*<sup>104</sup>

Далее профессор Замысловский замечает:

*«Известие Меховского о Казацкой орде нельзя относить к той Казацкой орде, которая впоследствии называлась Киргиз-Кайсацкою, хотя она и появилась во второй половине XV в. и стала с этого времени быстро усиливаться, так как эта орда была сплоченною, имела своих ханов и кочевала в нынешней области Оренбургских Киргизов... “Киргизския орды, которыя известны также и под именем Казачьей орды, но, по худым делам, называют сами себя Сара-Кайсаками (Степными Казаками) и Киргизами...”».*<sup>105</sup>

Кроме пяти перечисленных Матвеем Меховским татарских орд, он упоминает ещё об одном народе: *«живущем, “как сообщают Русские”, близ Каспийского моря, на востоке. Эти Татары Волосатые (Criniti) называются своими соотчичами Калмыками (Kalmichy) и язычниками, так как они не исповедывают магометанской религии. Они не бреют волос на голове, за исключением юношей, которые носят косу, в виде двух дуг, протянутых от праваго уха, а от других от леваго, к плечам, в знак девства».*<sup>106</sup>

Помимо татар, живущих в степи, были и другие татары, о которых в нашей истории вспоминали не очень часто. Французский рыцарь Гилльбер де-Ланноа, военный-авантюрист, путешественник и пилигрим, который в 1413 году отправился в Пруссию для подготовки крестового похода против неверных (к неверным рыцари-крестоносцы причисляли не только литовцев-язычников, но и христиан греческого обряда, и даже польского короля и герцога померанского, которые, по мнению прусских рыцарей, «благоприятствовали сара-

---

<sup>103</sup> Замысловский. Стр. 349.

<sup>104</sup> Замысловский. Стр. 349–350.

<sup>105</sup> Замысловский. Стр. 350.

<sup>106</sup> Замысловский. Стр. 350–351.

цинам»),<sup>107</sup> оставил для потомков описание своих странствий по русскому северу и землям восточной Европы. Вот, например, его описание татарских поселений в землях Великого князя Литовского Витовта (по литовски – Vítautas, по польски – Witóld), вблизи города Вильно (нынешний Вильнюс): «...В упомянутых Троках и вне их во многих селениях находится большое количество татар, которые живут там коленами. Они – настоящие сарацины, не имеют ничего христианского и говорят особенным языком, называемым татарским (*nommee le Tartre*)... От Вильны сюда – 7 лье...». В другой раз, выполняя роль посла французского и английского королей к тому же князю Витовту – Витольду, Гилльбер де-Ланноа видит его «вместе с женой и в сопровождении татарского князя, и многих других князей, и княгинь, и рыцарей...».<sup>108</sup>

Успешно выполнив поручения двух королей, де-Ланноа удостоился от Витовта больших почестей: «Этот государь оказал также большие почести мне, отлично угостил меня – дал мне три обеда, на которых посадил меня за своим столом, где сидела княгиня, его жена, и сарацинский князь Татарии, вследствие чего видел, что за столом ели мясо и рыбу в пятницу. Там же был один татарин, имевший длинную бороду, ниже колен, которая покрыта была чехлом».<sup>109</sup>

По пути в Кафу все тот же Гилльбер де-Ланноа едет «по обширной татарской пустыне». Он переправляется через Днестр, затем должен преодолеть большую водную преграду – Днепр: «...на котором я нашел одного татарского князя, друга и слугу великого князя Витольда, а также большую деревню, населенную татарами, подданными Витольда. Мужчины, женщины и дети не имели домов, а располагались просто на земле. Этот князь, по имени Жамбо (*Jambo*), предложил мне много рыбы осетрины и дал мне сок из лугового ранункула, чтобы её приготовить, и хорошо угостил меня. Потом он переправил меня, моих людей и мои повозки посредством своих татар на другой берег реки, имевшей лье в ширину, удивительным образом, в маленьких лодках из цельного куска дерева».<sup>110</sup>

Как видим, в Днепре, так же, как и в реке Дон, в былые времена в больших количествах ловились осетровые. Но отметим другое: какая-то часть татар, жителей южных степей, были подданными князя Витовта, соответственно, по крайней мере часть Дикого Поля и переправ через Днепр были владениями Великого княжества Литовского. Недаром, всё-таки Тевтонский орден объявлял в своё время Литовских князей и Польских королей пособниками сарацинов. Так же как и у Москвы, у Литвы и Польши татары были не только врагами, но и союзниками, и друзьями. Подтверждением этому служат материалы, собранные офицерами российского Генштаба по Виленской губернии:

«...Гедымин, Ольгерд и Витовт боролись с Татарами с переменным счастьем... при Витовте слабеющая орда признавала его авторитет и зывала к посредничеству в междоусобных спорах и чуть не сделалась данницею Литовско-Русскаго великокняжества...

Частыя сношения Витовта с татарами поселили между ними полное доверие к великому князю, так, что многие из них добровольно переселялись в Литву... Известно также, что Гедымин умел снискать дружбу Монголов: он никогда не воевал с ними и не платил им дани, напротив, в рядах его войска служили та тары... По всей вероятности, часть Татар, служившая у Гедымина, осталась в его государстве и после войны... Кейстут в 1350 году, в войне с королем Польским Казимиром Великим, имел в своих войсках вспомогательную дружину из татар; а во время похода (Ольгерда в Подолию) против татар, утвердившихся в

---

<sup>107</sup> Ланноа. Стр. 20.

<sup>108</sup> Ланноа. Стр. 37.

<sup>109</sup> Ланноа. Стр. 37–38.

<sup>110</sup> Ланноа. Стр. 42–43.

*этой земле, встречаются ополчения из татар, поселенных в Литве, сражавшихся против своих единоплеменников в рядах Литовских.*

*Но самое значительное переселение татар в Литву произошло в княжение знаменитого Витовта... Когда грозный Тимур (Тамерлан) пришел в Кипчак в 1391 году, многие из татар были им пленены и убиты; но несколько татарских племен бежало в Польшу (т. е. Литву), где и поселились; так что и ныне находится там шестьдесят селений ... По преданиям Литовских татар, выходцев этих было 40 000. Спустя 5 лет побежденный Тамерланом Хан Кипчака, Тахтамыш... прибежал со своей дружиной к Витовту, который назначил ему местопребывание в г. Лиде.*

*В Азовском походе Витовта, в 1397 году, против Азовской орды участвовали татары из дружины Тахтамыша. В этом походе Витовт захватил в плен несколько тысяч татар, которых часть отправил в Польшу, а других вместе с Кипчакскими татарами, бежавшими от Тамерлана, поселил на берегах р. Ваки, (в 14 верстах от г. Вильно), в уездах Трокомском, Ошмянском и Лидском Виленской губернии и в других местах своего государства... им дозволено свободно исповедывать свою религию...*

*Не жалея привилегий и прав, Витовт приобрел в Татарах отличных воинов-наездников (улары)».<sup>111</sup>*

Профессор Петербургского университета Василий Дмитриевич Смирнов в своей монографии «Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты» (1887 г.) оценивал численность бойцов, выставляемых общиной литовских татар для армии Витовта в 30 000 человек, «...когда в 1410 году возгорелась война короля Ягайла с тевтонцами, то в многочисленном войске Витовта находилось 30 000 союзных татар, опять под начальством Джелал-эд-Дина...».<sup>112</sup>

Как виделись литовские татары глазами мусульманского мира, показывает небольшое сочинение конца XVI столетия, написанное для стамбульских вельмож, а возможно, и самого султана неким литовским татаринном, совершавшим хадж в Мекку.

*«...Ещё во времена благочестиваго Джаны-бека бывали нашествия татар на Польшу, во время которых несколько отрядов из татарских племен поселились в этом государстве, понемногу начали говорить языком туземцев, жениться на христианках...*

*Но большая часть... пришли во времена эмира Тимура. Причина была та, что ляхский король просил у того эмира помощи против врагов своих. Эмир отобрал несколько тысяч из своего богатырскаго войска и послал к нему на помощь. После того как они победили врагов ляхских, они по просьбе короля остались в тех пределах, получив разная милости и благодеяния королевския, а также вотчины, кафтаны и деньги... Имя короля, который был прибежищем и опорой мусульман, Ваттад (т. е. Витовт)...*

*...Всех татар Литвы и Польши 200 000... они большею частью живут по городам в особых местах, именуемых «татарскими кварталами».<sup>113</sup>*

---

<sup>111</sup> «Материалы» 1861. Стр. 298–300.

<sup>112</sup> Смирнов. 1887. Стр. 175.

<sup>113</sup> Смирнов. 1887. Стр. 155–156.

## Глава 5 Бесермены

*«Как за нашей-то матушкой Волгой рекой стоит море Хвалынское, а на том на море Хвалынском живут все бесермены, а и живут те бесермены не по-нашему, православному, а по своему уму глупому: ни хлеба не пекут, ни в баню не ходят».*

*Из сказки о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче<sup>114</sup>*

Бесермены – так с гордостью называла себя определённая часть жителей Монгольской империи, раскинувшейся на необъятных пространствах Евразии. Разговорное «бусурманы» ведёт начало оттуда, так обобщённо наши предки стали называть беспокойных кочевников, непрерывно разорявших окраины государства, а потом и всех врагов вообще (это искажённое слово звучит и в других славянских языках). До сих пор по поводу значения слова «бесермен» не утихают учёные споры. Знаменитый российский историк Николай Михайлович Карамзин, ссылаясь на древние русские летописи, считал татар и бесермен разными народами, другие исследователи связывали этот этноним с населением Великой Булгарии, включённом в состав Золотой Орды. В. И. Даль указывал, что на Руси «бусурманами», «басурманами» обобщённо называли нехристиан, «неверных», в частности, мусульман.

Некоторые современные учёные тюркологи связывают слово «бесермен» с исходным именем мисирмен/мисырмин – «я священный» или «священные люди», и предполагают, что так называли себя люди, принявшие ислам.<sup>115</sup> Такая трактовка достаточно правдоподобна. Первоначально в монгольском войске было очень много язычников и даже христиан. Поэтому, естественно, что новообращенный мусульманин выделял себя из общей массы населения. «Татары» же – было общеплеменным названием, у русов это слово означало – «люди другой страны».<sup>116</sup> Примечательно, что в Западной и Центральной Европе вместо названия «татары», звучал этнотермин «тартары», который нес совершенно иную смысловую нагрузку. «Тартар», от тюркоязычного «тар-тар» (узкий-узкий), что характеризовало разрез глаз монголоидной расы.<sup>117</sup> Существовала и другая, мифологическая трактовка этого названия. Средневековые источники считали монголов потомками древних Мидийцев, живших над рекой Тартар. От названия реки и произошло название народа. Кроме того, в умах европейцев существовала аналогия с древнегреческим «Тартаром», преисподней, где находилось царство мёртвых. «Тартары» казались выходцами из этого страшного места.<sup>118</sup>

Столкновение двух миров, леса и степи, череда непрерывных войн, потоков крови, эта традиционная теория знакома и нам, и нашим родителям по школьным советским учебникам истории, которые были неплохо написаны и читались с интересом. Нашествие орды сопровождалось картинами страшного разорения и опустошения Руси, уничтожения многих народов, возникала четкая граница между домонгольским и послемонгольским периодами древнерусского государства, развитие которого было отброшено на несколько столетий назад.

Была и другая, в силу ряда обстоятельств, не очень распространённая теория. Её сторонники считали, что, наряду с жестокостями периода завоевания, татаро-монгольское иго

---

<sup>114</sup> Ф. Буслаев. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. Москва. 1861. Стр. 1531.

<sup>115</sup> Дроздов. Стр. 231.

<sup>116</sup> Дроздов. Стр. 231.

<sup>117</sup> Дроздов. Стр. 232.

<sup>118</sup> Боплан. 2004. Комментарии. Стр. 425.

имело и положительный результат. Благодаря жесткой централизованной власти монгольских Ханов прекратились междоусобицы русских князей, произошло постепенное объединение русских земель. Благодаря веротерпимости монголов сохранилось и даже упрочилось православие. А опасность Руси грозила с Запада, в связи с постоянными проявлениями агрессии католических стран. Эту теорию «Евразийства» представлял в начале XX столетия академик Г. Н. Вернадский и другие. Известный сторонник этой теории Л. Н. Гумилев, издавший много интересных, хотя и критикуемых книг по истории Руси и степных народов, называл отношения Руси и Орды взаимовыгодными или, другими словами, – «симбиозом».<sup>119</sup>

Как бы там ни было, но столкновение этих двух миров, леса и степи, привело к изменению жизни не только завоеванных народов, но и самих завоевателей, части степных племён. Литовские татары из Троков, московские Касимовские татары, многие другие сменили кочевой образ жизни, соединились с оседлыми соседями. Такими же оседлыми постепенно стали и жители Казанского ханства, часть народа кочевой империи, соединившегося с бывшими жителями Великой Булгарии и Великой Унгарии.

Всё же основная масса монголо-татар продолжала оставаться кочевниками, и дело здесь было вовсе не в их отсталости. Кочевой стиль, кроме способа ведения хозяйства, был ещё и жизненной философией. Знакомый нам профессор Матвей Меховский сообщал о кочевых татарах: *«Насмехаясь над христианами, они говорят между собой: "Не сиди на месте, чтобы не быть в грязи, как христианин, и не гадить под себя"»*.<sup>120</sup> Подобную татарскую поговорку приводил в своих записках и Сигизмунд Герберштейн: *«...Иногда, разсердившись на детей и призывая на них тяжкое несчастье, они обычно говорят им: "Чтоб тебе, как христианину, оставаться всегда на одном месте и нюхать собственную вонь"»*.<sup>121</sup>

Движение, постоянное движение, весь домашний уклад кочевника был приспособлен к этому. Сам его дом в зависимости от размера семьи и достатка находился на двухколесной арбе или четырехколесной повозке. Втулки деревянных колёс этих повозок, сделанные из твёрдой древесины, никогда не смазывались и при движении издавали жуткие скрипящие звуки. Дело не в недостатке смазочного материала, как раз жира в семьях скотоводов хватало. Сами татары объясняли, что мол колёса смазывают только воры, а честному человеку таиться нечего. В литературе часто встречается также мнение исследователей, что скрип огромной массы деревянных повозок, сопровождавших монгольское войско в любых походах, был своеобразным психологическим фактором устрашения. Эти звуки должны были воздействовать на подсознание врага примерно так, как современная полицейская сирена действует на преступника.

Версия о раздирающем душу скрипе сотен и сотен повозок, парализующем врага, впечатляет. Очень вероятно, что такое психотронное оружие являлось реальностью, но «колесному скрипу» есть и совсем простое объяснение. В российском «Справочном энциклопедическом словаре» издания К. Края от 1847 года при описании татарской арбы читаем:

*«Татары не употребляют ни поддосок, ни втулок, словом ни крохи железа на оси или в ступице; ось и ступица делаются из крепкаго, твердаго дерева (граб, дуб и кизил); если же ось хотя однажды будет смазана дегтем, то уже непременно загорается впоследствии, но изредка её можно натирать мылом, не опасаясь воспламенения»*.<sup>122</sup>

---

<sup>119</sup> Гумилев. Стр. 602.

<sup>120</sup> Меховский. Стр. 59.

<sup>121</sup> Герберштейн. Стр. 143–144.

<sup>122</sup> Край. Т. 1. Стр. 392.

Оказывается, однажды смазанную ось необходимо было непрерывно мазать и дальше, иначе происходило возгорание ступиц. А несмазанная втулка могла служить очень долго без всяких проблем (кто бы мог подумать!), но при этом страшно скрипела. Картину движения по степи такого кочевого города красочно описал любимый мною со студенческой скамьи поэт Николай Заболоцкий:

Навстречу гостю, в зной и в холод, громадой движущихся тел  
Многоколесный ехал город и всеми втулками скрипел.  
Когда бы дьяволы играли на скрипках лиственниц и лип,  
Они подобной вакханальи сыграть, наверно, не смогли б.

В жужжанье втулок и повозок врывалось ржанье лошадей,  
И это тоже был набросок шестой симфонии чертей.  
Орда – неважный композитор, но из ордынских партитур  
Монгольский выбрал экспедитор С-dug на скрипках бычьих  
шкур.

Смычком ему был бич отличный, виолончелью бычий бок,  
И сам он в позе эксцентричной сидел в повозке, словно бог.  
Но богом был он в высшем смысле, в том смысле, видимо, в  
каком  
Скрипач свои выводит мысли смычком, попав на ипподром.

С утра натрескавшись кумыса, он ясно видел все вокруг, —  
То из под ног метнётся крыса, то юркнет в норку бурундук,  
То стрепет острою стрелюю на землю падает, подбит,  
И дико движет головою, дополнив общий колорит.  
Сегодня возчик, завтра воин, а послезавтра божий дух,  
Монгол и вправду был достоин и жить, и пить, и есть за двух.  
Сражаться, драться и жениться на двух, на трёх, на четырёх —  
Всю жизнь и воин, и возница, а не лентяй и пустобрёх.

Ему нельзя ни выть, ни охать, коль он в гостях у россомах,  
Забудет прихоть он и похоть, коль он охотник и галах.

*Николай Заболоцкий*

Перемещение орды по необъятным степным просторам, не было хаотическим движением повозок, как может подумать кто-то. Такое движение было сродни маршам современных воинских колонн, подчиняющихся строгим правилам и чёткому штабному расписанию. *«Не излишним почитаю заметить здесь, что ещё задолго до прибытия главного Татарского стана, передовые отряды онаго... или осьмью отделениями, разведывая по сторонам: не предстоит ли какой опасности»,* – сообщал Иосафат Барбаро.<sup>123</sup>

Уже упоминавшийся Михалон Литвин, пламенный патриот литовского государства, сравнивая литовские и татарские войска отмечал:

*«...Эти варвары знают, что нет ничего столь спасительного для народов, как храбрость и военная дисциплина и что мужество состоит в твердости, то они презирают*

---

<sup>123</sup> Барбаро. Стр. 30.

*изнеженность и удовольствия, ведут жизнь суровую, с детства занимаются верховою ездою, с колыбели возятся на конях... Они до того берегут последних, что даже князя их в земле своей ездят верхом одни, тогда как вне отечества их сопровождает обыкновенно по сотне всадников».*<sup>124</sup>

Связь татарского всадника и его лошади была буквально мисти ческой. Конный воин в седле двигался как гимнаст на спортивном снаряде, мог вести огонь из лука на полном скаку и вперёд по ходу движения, и назад, в преследовавших его врагов, и совершать ещё много чего, поражая воображение европейских наблюдателей. Недаром миф о кентавре, рождённый мастерством скифских конников, поддержанный монголом, пройдя через тысячелетия, дожил до наших дней.

Неутомимый наблюдатель, посол императора Фердинанда, Сигизмунд Герберштейн в знаменитой книге «Записки о Московских делах» описал татарские приёмы конной езды:

*«При езде они наблюдают такой обычай, что садятся на седло, поджав ноги, чтобы иметь возможность легче повертываться на тот и другой бок; и если случайно что упадет и им нужно будет это поднять с земли, то, опершись на стремяна, они поднимают вещь без всякого труда. К этому они до такой степени приучены, что выполняют это даже при быстром беге лошадей. Если в них пускают копье, то они внезапно опускаются на другой бок для отклонения удара противника и держатся на лошади только одной рукою и ногою».*<sup>125</sup> Под стать такому наезднику была и лошадь, которая отзывалась на свист, по команде ложилась и чуть ли не могла двигаться ползком (помните сказку про Сивку-бурку?).

Специальные правила регулировали все стороны военной жизни орды, например вёлся учет убитых в бою врагов. Способ учёта был весьма колоритный, сродни традициям американских индейцев, использовавших в качестве трофеев скальпы убитых. Ордынцы в этих целях использовали отрезанное ухо павшего врага, такую процедуру после одного из сражений в Польше описывает Матвей Меховский: *«Одержав величайшую победу над князем Генриком и поляками и собрав добычу, татары у каждого из павших отрезали ухо, чтобы знать число убитых, и наполнили таким образом десять больших мешков».*<sup>126</sup>

Не только степные переходы, но и переправы через реки были организованы очень эффективно. Иосафат Барбаро описал татарскую переправу через реку Дон, которая опять же, больше напоминала современную войсковую операцию, чем действия орды варваров-кочевников:

*«Замечательно и удивления достойно, что эта переправа, продолжавшаяся двое суток, совершена была в большом порядке и столь же спокойно, как бы на сухом пути. Несколько человек посланы были, по распоряжению начальников, вперед для приготовления деревянных плотов из леса, растущаго в большом количестве по берегам Танаиса. Сверх сего заготовлено было также множество фашичника из хвороста и тростника. Фашичник этот подвязали под плоты и повозки, к которым припрягли нужное число лошадей; потом пустили этих лошадей вплавь по реке под управлением нескольких человек (вовсе нагих) и таким образом перевезли повозки и плоты с одного берега на другой».*<sup>127</sup>

Фашины – это связанные охапки хвороста или сухого тростника, обладающие высокой плавучестью. В данном случае фашины поддерживали плоты, придавали им дополнитель-

---

<sup>124</sup> Литвин. Стр. 19.

<sup>125</sup> Герберштейн. Стр. 143.

<sup>126</sup> Меховский. Стр. 54.

<sup>127</sup> Барбаро. Стр. 39.

ную устойчивость. Как следует из описания, татарские арбы переправлялись не на плотках, как можно было ожидать, а представляли собой отдельную плавучую единицу, поддерживаемую снизу все теми же фашинами. Особенно интересно, что и плоты, и арбы тянули по реке впряженные в них плывущие лошади. С помощью фашин через реку переправлялись и одиночные воины во время походов, осуществлялась переправа тюков с амуницией, оружием или даже захваченным во время похода добром.

Отлаженной была не только военная, но и бытовая сторона жизни степных солдат. Как писал Иосафат Барбаро, каждый из них имеет при себе: *«...мешок из козлиной кожи, наполненный пшеничной мукою, замешанною на меду, наподобие теста, и деревянную чашку. Сверх того они стреляют по пути дичь, которой в степях водится множество и которую Татары мастера убивать из своих луков. Тесто, выше мною описанное, размешивают они с небольшим количеством воды и таким образом готовят себе похлебку, которою и питаются в пути...»*

*Кроме вышепомянутых яств Татары питаются ещё в степях кореньями, травами и всем, что только можно употреблять в пищу. Самое необходимое вещество для них есть соль, ибо от недостатка оной зараждаются между ими болезни, как то: опухоль и гниение во рту и кровавый понос, от которого они нередко и умирают».*<sup>128</sup>

Помимо муки, замешанной на меду, в поход бралась молочная продукция домашнего приготовления: *«...они также берут с собой молоко, густое как тесто, и приготовляемое следующим образом: его кипятят и снимают всплывающий наверх жир, который кладут в особую посудину, где из него делают масло; затем молоко ставят на солнце и оно таким образом сохнет. Отправляясь в поход, каждый берет с собой около десяти фунтов этого молока и утром кладут его с полфунта в маленькую, кожаную бутылочку, имеющую вид кишки, и примешивают к нему немного воды. Во время езды верхом молоко взбалтывается и образует род какого-то сока, что и составляет их обед».*<sup>129</sup>

Основной тягловой силой орды были не лошади, а быки или волы. Они, по наблюдениям Иосафато Барбаро, использовались для перевозки тяжёлого груза, в частности повозок с юртами,<sup>130</sup> поскольку, как писал барон Герберштейн: *«лошадей они употребляют только холощенных, потому что таковыя, по их мнению, более выносливы к труду и голодовке».*<sup>131</sup> Быки у них, видимо, тоже подвергались обязательной кастрации (вол, кстати это и есть кастрированный в раннем возрасте бык). В результате такой операции животное вырастало более крупным, более сильным и выносливым. И, конечно, волы обладали более спокойным нравом, чем подверженные влиянию половых гормонов быки.

Путешественник, писатель и проповедник, архиепископ Антиварийский, Иоанн де Плано Карпини, написавший известную Историю Монголов, сообщал, что в татарские повозки впрягалось от одного до нескольких быков (волов).<sup>132</sup> Картина, наверное, была очень красочная: впряжённые попарно, ряд за рядом, в тяжёлую повозку с юртой два, четыре, шесть или целая вереница волков, монотонно вздымающих тёплую степную пыль, жаворонки, звенящие высоко в небе, скрип колёс, разносящийся далеко вокруг. Учитывая, что в орде имелась достаточно большая купеческая община, о чём сообщал всё тот же Иосафат Барбаро, вся тяжесть перевозки торгового добра, покупаемых и продаваемых товаров, также ложилась на этих терпеливых, безотказных животных. Вот откуда, видимо, взялись запо-

---

<sup>128</sup> Барбаро. Стр. 17–18.

<sup>129</sup> Марко Поло. Стр. 66.

<sup>130</sup> Барбаро. Стр. 35.

<sup>131</sup> Герберштейн. Стр. 143.

<sup>132</sup> Карпини. 1911. Стр. 7.

рожские чумаки на своих волах, впряженных в телеги с солью. При ближайшем рассмотрении предшественниками чумаков, если только не они сами, оказываются татарские купцы.

Кочевой образ жизни степняков-скотоводов был неразрывно связан со сменой пастбищ для овечьих отар, лошадиных и верблюжьих табунов, коровьих стад, зимой и летом живущих на подножном корме. Но не менее, если не более важной частью жизни кочевников была война. Ордынские воинские подразделения – *Тумены*, неторопливо двигались по ойкумене, сопровождая свои города на колёсах. Но в случае необходимости, закалённые в боях и лишениях татарские воины совершали быстрые многодневные конные переходы и появлялись в самом неожиданном месте. За всё время таких стремительных маршей татары могли практически ничего не есть:

*«...Если обстоятельства заставляют торопиться, то они часто в продолжение десяти дней едут верхом и не едят ничего варенаго, но тогда каждый пускает своей лошади кровь, и высасывает её из жилы, и одним этим питается»,* – так писал в своё время знаменитый путешественник Марко Поло.<sup>133</sup> Захваты монгольскими войсками городов, опустошения целых провинций и даже стран, этими описаниями заполнена историческая литература. Всё это конечно было, но такие масштабные военные операции являлись не правилом, а исключением. В обыденной жизни ордынская сотня или тысяча очень хорошо знала, что такое ручной «огненный бой», а тем более крепостная артиллерия, и предпочитала не лезть на рожон, то есть идти на штурм городских укреплений. Зато очень охотно грабила сёла и местечки, не имевшие особой защиты. Барон Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московских делах» по этому поводу писал:

*«Они редко осаждают крепости и города, а сожигают селения и деревни, и до такой степени довольны причиненным ими уроном, что, по их мнению, чем больше опустошат они областей, тем обширнее сделается их царство».*<sup>134</sup>

Война для степняков была и укладом жизни, и способом ведения хозяйства. Грабежи всегда являлись прибыльным делом. Захватили село или деревню, отобрали крестьянское добро, упаковали в узлы и подались восвоисии, только пыль столбом. Да вот только какое там у селян добро? Его продажа вряд ли окупала бы напряжение сил на военную экспедицию. Единственным стоящим товаром в большинстве великорусских, малороссийских, польских селений был скот. К тому же скот легко транспортабелен, отара или стадо уходило в орду своим ходом. Но с угоном скота, чем дальше, тем больше возникало проблем. Жители Московского и польско-литовского степного пограничья до минимума сокращали рогатое поголовье. Об этом сообщал английский посланник Джильс Флетчер, приоткрывая для нас страницу с несколько неожиданным результатом противостояния двух миров:

*«Русские, смежные с ними (привыкнув к ежегодным их нападениям в летнее время), держат у себя очень мало скота, кроме свиней, которых Татары не трогают и не угоняют, потому что они одной религии с Турками и не употребляют в пищу свиного мяса».*<sup>135</sup> Оказывается, именно благодаря постоянному прессингу мусульман-кочевников в степных украинских Московии и Речи Посполитой стало активно развиваться свиноводство. Не правда ли, как причудливы причинно-следственные связи истории? Именно татарам должен быть благодарен «пересичный» украинец за само существование своего любимого национального продукта.

Большинство источников свидетельствуют о том, что угон скота являлся всё-таки небольшой частью военной выручки. Основная прибыль, получаемая степняками от военных набегов, была прибылью от продажи рабов. Французский дворянин, капитан Маржерет,

---

<sup>133</sup> Марко Поло. Стр. 66.

<sup>134</sup> Герберштейн. Стр. 144.

<sup>135</sup> Флетчер. Стр. 68.

командовавший ротой иноземцев в армии Бориса Годунова, так описывал татарский военный промысел: «... *Татары не обременяют себя иною добычею, кроме пленников, и не имеют никакой поклажи, хотя у каждого есть одна или две запасныя лошади, отлично выезжанныя и послушныя*». <sup>136</sup>

Более подробно остановился на этом вопросе упоминавшийся посланник английской королевы в Москву Джильс Флетчер. В своем сочинении «О Русском Государстве» он писал: «*Главную добычу, которой Татары домогаются во всех войнах своих, составляет большое число пленных, особенно мальчиков и девочек, коих они продают Туркам и другим соседям. С этой целью они берут с собою большия корзины, похожия на хлебныя, для того, чтобы осторожно возить с собою взятых в плен детей; но если кто из них ослабеет или занеможет на дороге, то ударяют его о землю или об дерево и мертвого бросают*». <sup>137</sup> Бережливость проявляемая в отношении пленных детей была не актом гуманности, а простым коммерческим расчётом. Чем больше живого товара будет доставлено в целости к торговцам-покупателям, тем большей будет выручка. Люди, не годные в продажу, не стоили ничего, с ними – со стариками, немолодыми женщинами, больными или увечными людьми, азиатские воины поступали с беспрецедентной жестокостью.

Чтобы подтвердить это, достаточно привести выдержку из записанного Михалоном Литвином рассказа пленного, захваченного во время татарского набега на Литовское государство, перед погрузкой на невольничий корабль в порту Кафы (нынешняя Феодосия): «... *мы видели убиваемых, обезглавленных, влачимых с оторванными членами и головами; видели трепещущия сердца их, бросаемыя в огонь и вынимаемыя у них легкия, когда жестокий враг, выворотя их утробу, вырывал из теплаго ещё тела внутренности для гаданий, а желчь для мази. Правда, что и нам было бы лучше претерпеть эти и другия жестокости в виду родных пенатов и умереть там, где лежат наши отцы, чем быть удаленным от храмов Божьих и от могил предков, и тела наши, хотя и изуродованныя, были бы растерзаны там дикими зверями, все же были б счастливее, нежели теперь*». <sup>138</sup>

Прибыль от торговли рабами (правильнее её назвать сверхприбылью), получаемую в древности и в средние века, сейчас можно сравнить с доходностью от торговли наркотиками или оружием. Вот почему работорговля была так привлекательна многие сотни лет. Но «злой татарин», везущий на лошадях или верблюдах большие плетёные корзины, доверху набитые детьми, или гонящий по пыльному степному шляху череду понурых пленников, это была только видимая часть айсберга торговых сделок с живым товаром. Есть спрос – будет предложение. Этот постулат не требует объяснений или доказательств.

А спрос на рабов был очень большой, и такими покупателями были не только восточные – турецкие, персидские или арабские купцы. В больших количествах покупали у татар живой товар венецианские и генуэзские негоцианты, для поставки его в Южную Европу. В частности, этим промышляли купцы города Тана, стоявшего в низовьях Дона. Поставляли рабов в Европу греческие и армянские торговцы из приморских городов Крыма, в частности, города Кафа. Существовали целые цепочки перекупщиков, специализировавшихся на том или ином виде живого товара, продававшие и покупавшие его друг у друга в зависимости от конъюнктуры рынка или запросов богатого клиента. Многие купцы ожидали свой товар прямо в орде, заключив с военным руководством или вождями влиятельных татарских кланов своеобразные предварительные договора на поставку пленников. В общем, бизнес – есть бизнес, ничего личного.

---

<sup>136</sup> Маржерет. Стр. 55.

<sup>137</sup> Флетчер. Стр. 68.

<sup>138</sup> Литвин. Стр. 25.

Чтобы прочувствовать ту атмосферу, давайте прочтём небольшой отрывок сделанного тем же Михалонином Литвином описания невольничьего рынка крымского города Кафы (будущей Феодосии): «...когда покупаются там рабы, то не только осматриваются их видимые члены и зубы, которые не должны быть редки и черны, но и сокровенныя части тела, и если окажется какая-нибудь бородавка, шишка, рубец или другой скрытый порок или недостаток, следует тяжба... Они не выводят просто мальчиков и девушек, которых имеют самых лучших в толпе пленников, но сначала откармливают их хорошенько, одевают в шелк, белят и румянят, чтобы подороже продать. Красивыя девушки нашей крови покупаются иногда на вес золота и иногда тут же на месте перепродаются с барышем. Это бывает во всех городах полуострова, особенно в Кафе. Там целыя толпы этих несчастных невольников отводятся с рынка прямо на корабли. Этот город, ненасытная и незаконная пучина, кровь нашу пьющая, лежит на удобном для морской торговли месте пролива».<sup>139</sup>

Именно коммерсанты, разветвлённая сеть посредников, своеобразная корпорация, снимали сливки с операций по работоторговле. Сейчас такую структуру назвали бы «преступным картелем» или «мафиозным кланом», а в те времена купцы, поставлявшие живой товар на рынки Южной Европы, считались уважаемыми людьми, занимающимися достойным делом. На долю татар же выпадала самая грязная работа – захват невольников.

Объективности ради надо сказать, что охотой на рабов на просторах Великой Степи занимались не только татары. Междуречья рек от Волги до Днепра столетиями буквально кишели шайками разбойников, преступного сброда всевозможных национальностей, которые тоже желали отщипнуть свою долю жирного пирога. Волжские, донские, днепровские казачьи ватаги не только грабили торговые караваны, их интерес был направлен в первую очередь на самый прибыльный – живой товар. Рынки сбыта были под боком: Цитрахань (Азиторокань) – Астрахань, Тана-Азак – Азов, Кафа и другие южнобережные города Крыма.

Этот процветающий невольничий бизнес продолжался очень долго, пока уже в XVIII столетии российские полевые армии не поставили на нём окончательную жирную точку.

---

<sup>139</sup> Литвин. Стр. 23–25.

## Глава 6

### Дешт и Кипчак – Большой Хейхат

*Степной травы пучок сухой,  
Он и сухой благоухает!  
И разом степи надо мной  
Всё обаянье воскрешает...*

*Аполлон Майков*

Deşt-i Qırcaq (Дешт и Кипчак, Кипчакская степь), так именовалось в средневековых восточных хрониках всё степное пространство от Дуная на западе до Иртыша на востоке. Это название – по населявшим его племенам кипчаков (половцев), – оказалось очень стойким и сохранилось даже столетия спустя после исчезновения этого народа.

Синонимом Deşt-i Qırcaq в персидском и османском языках является слово – Heyhat (Хейхат). Эвлия Челеби, известный турецкий путешественник XVII века, в своих записках Причерноморские степи неизменно именуется именем Хейхат (видимо, в тот период это слово в восточных странах стало прочно ассоциироваться с пустынными местами). Хейхат означает: «О горе!», «Увы!», от арабского междометия *hayhāt*, заимствованного персидским (*heyhat*) и османским (*heyhat*) языками.<sup>140</sup>

Малый Хейхат – это наши земли, песчаные и чернозёмные пространства бывшей Екатеринославской провинции, Новороссийский край, степи, лежащие к востоку от Днепра, междуречье Днепра, Донца и Дона, и пространства дальше, до Волги. Большой Хейхат охватывал все степи к востоку от Волги, Южное Заволжье и степи между Яиком и Средней Азией.

Как только орда в своём бесконечном движении делала более или менее длительную остановку, дома-шатры снимались с повозок. В степи возникал красочный город:

*«Лишь только Хан изберет место для жительства своего, немедленно приступают к устройению базара, наблюдая при том, чтобы улицы были сколь можно шире. Несмотря однако на таковое распоряжение, они зимою, по причине множества скота, нестерпимо грязны, а летом наполнены ужасною пылью. По устройению базара тот же час начинают делать печи, в которых Татары варят и жарят мясо и готовят лакомства свои из молока, масла и творогу. Сверх того у них всегда бывает в запасе дичь, – преимущественно, оленья», – писал Барбаро.<sup>141</sup>*

Несмотря на пыль летом и грязь зимой, такой кочевой город имел все атрибуты и качество жизни добротного средневекового поселения: «Многие, может быть, заключат из сего, что Татары живут как Цыганы; в опровержение подобнаго заключения скажу, что стан их представляет вид обширнейшаго и красивейшаго города, с тою только разницею, что не огорожен стенами». Кочевники негативно относились к городам, считая такие поселения утопающими в грязи и нечистотах (вероятно, в те времена они были недалеко от истины), и были уверены, что их лёгкие кочевые дома самое подходящее место для жизни. «Что касается до постоянных и прочных зданий, какия строят в других государствах, то, по мнению их, они вредны для здоровья и неудобны», – так описал мнение татар о европейских поселениях в сочинении «О Русском Государстве» Джильс Флетчер, приезжавший

---

<sup>140</sup> Бушаков. Дрогобыч. Стр. 108.

<sup>141</sup> Барбаро. Стр. 31.

в Москву в качестве посланника английской королевы в 1588 году.<sup>142</sup> Татарские жилища, искусно сплетённые из гибких прутьев, крытые теплыми войлоками, сукном или шкурами животных, снятые с повозок, устанавливались на земле с обязательной ориентацией по сторонам света. Это интересное наблюдение сделал во время своего знаменитого путешествия небезызвестный Марко Поло:

*«Марко Поло присовокупляет, что при постановке этих ставок или кибиток на землю строго наблюдают, дабы вход был обращен на юг. То же самое говорит и Рубриквис».*<sup>143</sup> Внешний вид и устройство таких жилищ описал Иоанн де Плано Карпини в своей Истории Монголов:

*«Ставки у них круглыя, изготовленныя наподобие палатки и сделаныя из прутьев и тонких палок. Наверху же, в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей».*<sup>144</sup> Многотысячный кочевой народ нуждался в различных предметах обихода, цивилизация пробивала себе дорогу и в мозгах жителей полевых кочевий. Что ещё более важно, орда постоянно нуждалась в оружии, поэтому в ставке хана, как сообщал Иосафат Барбаро, постоянно работало большое количество мастеров: *«При орде во всякое время неотлучно находятся сукновалы, кузнецы, оружейники и всякаго рода мастеровые».*<sup>145</sup> Странно слышать, что в кочевом сообществе постоянно трудились оружейники, кузнецы, специалисты других профессий, в том числе немало опытных китайских мастеров. Мы-то привыкли считать, что всё имущество кочевники добывали в бою, а это оказывается не так. Кроме того, большинство мастеровых в орде были не пленниками, а свободными людьми.

В татарском стане по уже известным нам причинам было много торговцев разных народностей: *«Упомянув о купцах, я долгом поставляю объяснить здесь, что их всегда очень много при орде; иные нарочно с разных сторон приезжают в оную с товарами; другие же бывают только проездом».*<sup>146</sup> Кроме торговли рабами, сами ордынцы готовили на продажу множество шкур, делали, о чем уже упоминалось, отличные епанчи из тонкого белого войлока, производили много кисломолочной продукции. Хорошей статьёй дохода была продажа живого скота и лошадей.

*«Лошади у Татар пасутся в табунах, как скот. Стоит только пойти в табун и сказать хозяину: мне требуется сто коней, и немедленно он отберет их, сколько нужно, с помощью палки с петлюю (аркан), которую носит при себе. Навык их в этом деле столь удивителен, что покупатель смело может указать на ту или другую лошадь; продавец немедленно набрасывает ей на шею петлю и выводит из табуна... Лошади Татарския – не отличной породы, малорослы, имеют отвислое брюхо и непривычны к овсу. Когда гонят их в Персию, то лучшею похвалою служит им то, коль оне едят овес; ибо без того не могут вынести всех трудностей пути...»* – писал беспокойный венецианский посол Иосафат Барбаро.<sup>147</sup> Во время своих поездок с торговыми делами в город Тану, расположенный в низовьях Дона, и с дипломатическими поручениями в Персию, к персидскому Шаху, у Барбаро была возможность хорошо узнать подробности быта кочевых народов. Особое внимание как представитель торговой республики он, конечно, обращал на прибыльные торговые операции. Так, он

---

<sup>142</sup> Флетчер. Стр. 69.

<sup>143</sup> Барбаро. Примечание переводчика. Стр. 130.

<sup>144</sup> Карпини. Стр. 6–7.

<sup>145</sup> Барбаро. Стр. 31.

<sup>146</sup> Барбаро. Стр. 32.

<sup>147</sup> Барбаро. Стр. 34–35.

описал объёмные и регулярные сделки по продаже татарами лошадей и крупного рогатого скота иноземным купцам: *«Перед отъездом моим из орды отправился оттуда в Персию целый караван, в коем было до 4000 лошадей... Другой род скота составляют быки, рослые и весьма красивые. Их так много, что они снабжают большую часть наших Италианских бойнь. Для сего гонят их обыкновенно чрез Польшу и Валахию в Трансильванию, а потом чрез Германию прямо в Италию»*.<sup>148</sup> То, что скот из волжских, донских и днепровских степей на протяжении столетий обеспечивал мясом Южную и Центральную Европу, кажется фактом необычным, но оснований не верить запискам представителя Венецианской Республики тоже нет причины.

Ещё одним интересным фактом, описываемым Барбаро, было большое количество разводимых ордынцами двугорбых верблюдов. Причём двугорбых «лебедей пустыни» – бактрианов, разводили в наших кипчакских степях, восточные, более теплолюбивые верблюды – дромадеры (дромедары) были одногорбыми:

*«Третий род домашняго скота составляют большие, двугорбые, косматые верблюды. Их отправляют в Персию, где они платятся по 25 дукатов за штуку; ибо восточные верблюды имеют только по одному горбу и весьма малорослы; за то они и стоят не более 10 дукатов»*.<sup>149</sup>

Не надо думать, что содержанием этих экзотических животных занимались исключительно татары. В XVII столетии верблюдов ещё держали в некоторых малороссийских сёлах. В архивах сохранилось письмо запорожского гетмана Ивана Самойловича охочекомонному<sup>150</sup> полковнику Новицкому с просьбой приобрести в некоей Веремеевке двух верблюдов и двух мулов для подарка князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому, который с московскими войсками участвовал в военных операциях по защите Малороссии:

*«Мой ласкавый приятелю, пане полковнику комонный! Дано нам ведати, же некоторые козаки там, в Веремеевце, мають верблюдов двох и мулов двох. Верблюды тые власне нам есть потребны для подарунку князю Каспулату: которых подлуг слушности поторговавши, дай нам о них знати; и мулов, если парыстые суть, заторговати можеш, и чим найскорее нам ознайми. Зычим притом в. м. здоровья доброго. Августа 20, року 1678, з табору»*.<sup>151</sup>

Овцы разводились татарами не только на продажу. Нет необходимости уточнять, что овечья шерсть была нужным сырьём для изготовления войлока, одежды, обуви, головных уборов, баранина являлась постоянной составляющей рациона степняков. Степные овцы были крупнее малорослых европейских животных и это нашло отражение в записках Барбаро: *«Наконец четвертый род скота составляют бараны необыкновенной величины, с высокими ногами, длинною шерстью и толстым хвостом (курдюком), весящим до 12 фунтов»*.<sup>152</sup> Сейчас не все знают, что такое курдюк, а живую курдючную овцу видели, наверное, считанные единицы. Ради любопытства, заглянем в словарь живого Великорусского языка Владимира Ивановича Даля: *«Курдюк – м. татарск. у крымских овец: хвост, в котором бывает до 30 ф. сала; у киргизских: два сальные нароста на ягодицах, по бокам хвостика»*.<sup>153</sup> Когда-то такие овцы с видоизменившимся в результате длительного отбора хвостом, превратившимся в широкую и толстую складку, наполненную жиром, были в южных степях

<sup>148</sup> Барбаро. Стр. 34–35.

<sup>149</sup> Барбаро. Стр. 35.

<sup>150</sup> Примечание. Охочекомонный полк – конный полк добровольного принципа комплектования

<sup>151</sup> АЗР. Т. 5. Стр. 149.

<sup>152</sup> Барбаро. Стр. 35.

<sup>153</sup> Даль. Т. 2. Стр. 569.

самой массовой породой. Овечьи курдюки могли быть настолько большими, что под своей тяжестью ложились на землю. Чтобы такая пластина с жиром не мешала овцам при ходьбе и животные не ранили бы эту часть тела о степные колючки, находчивые азиаты укладывали курдюки на маленькие двухколёсные тележки. Зрелище явно было экзотическое: стада овец, гуляющих по степи, впряжённых в тележки, везущие на них свой собственный хвост. Не разобравшийся в сути дела Иосафат Барбаро считал, что такие устройства делаются для развлечения: *«Мне нередко случалось видеть, как этого рода бараны преспокойно тащат за собою колесо, привязанное для потехи к их хвосту»*.<sup>154</sup> В 1636 году секретарь голштинского посольства в Московию и Персию, Адам Олеарий, написавший по результатам поездки книгу «Описание путешествия в Московию», которая, как и записки Герберштейна, стала популярной в Европе, сделал более детальное описание этой конструкции: *«В области Курдистане, в стороне к Диарбекиру и в Обетованной Земле, эта порода овец возит за собою хвосты свои на двух колесах и палках, укрепляемых у них на шеях...»*.<sup>155</sup> Курдючные овцы разводились степняками целенаправленно. Породы эти возникли в результате отбора, проводимого скотоводами в течение многих столетий для достижения главной цели: максимально возможного выхода овечьего жира. Кое-кто поморщится и пожмёт плечами, ведь наши современные вкусы во многом отличаются от вкусов жителей, например, XV столетия, тем более от вкусов обитателей орды. Овечий жир в обязательном порядке был на столе кочевника, даже больше, он был своеобразным лакомством. Неоднократно пробовавший татарские кушанья, всё тот же Иосафат Барбаро, оставил в записках свои ощущения от употребления бараньего жира: *«Жир, добываемый из них, служит приправою ко всем Татарским кушаньям; ибо употребляется ими вместо масла и имеет то достоинство, что не застывает во рту»*.<sup>156</sup> Переводчик записок Иосафата Барбаро, российский литератор и историкограф Василий Николаевич Семенов, в примечаниях к своему же переводу «Путешествие Иосафата Барбаро в Тану» тоже не прошел мимо бараньего жира и добавил свои комментарии: *«Бараний жир и по сие время употребляется на востоке, как необходимая приправа ко всем кушаньям. Мне самому случалось есть у Шамхала Тарковского пирожное, сделанное из миндаля с шафраном и бараньем жиром. Для Европейца оно покажется весьма невкусным»*.<sup>157</sup>

Татары не были бы татарами, если бы обходились без знаменитого кумыса, хмельного напитка из кобыльего молока. В записках католического проповедника, доминиканского монаха Жана де-Люка, где-то между 1620 и 1640 годами совершавшего поездку в Крым сохранился рецепт приготовления этого напитка:

*«Когда кобыла ожеребится, то в течении месяца сосет её жеребенок, а затем привязывают к его морде деревянные рогатки, которыми он, желая пососать, колет её так, что она не в состоянии переносить, а между тем выдаивают у нея молоко и вливают его в сосуд, в котором было вино (если у них есть такой). Наливая молоко в этот сосуд, процеживают и тщательно затыкают. Потом кладут в него 20 или 30 зерен ячменя, прибавляя ложку кислаго коровьяго молока или немножечко дрожжей. Для того, чтобы молоко стало бродить, необходимо поставить его на некоторое время возле огня или на солнце, а затем дать ему отстояться: все это совершается в две или три недели; если же влить в него немного вина, то напиток будет ещё приятнее. Молоко, прежде чем его пить, процеживают чрез тонкое полотно. То, которое приготавливают весной, лучше приготавливаемого в какое-либо другое время года. Это питье держится долго, потому что, по мере того*

<sup>154</sup> Барбаро. Стр. 36.

<sup>155</sup> Олеарий. ЧИОИДР. 1869. Кн. 3. Стр. 740.

<sup>156</sup> Барбаро. Стр. 34–35.

<sup>157</sup> Барбаро. Стр. 136.

как выливаешь его, можешь и подливать постоянно новаго. Необходимо также заметить, что, если молоко само по себе кажется довольно кислым, то нет нужды прибавлять в него кислаго коровьяго молока или дрозжей, но достаточно ячменных зерен. Для лучшаго вкуса нужно готовить его в различных сосудах. Можно даже в некоторые из них положить мешочек с кореньями фиалки или листьями кишнеца<sup>158</sup>. Кобылу можно доить десять раз в день, но при этом необходимо кормить её хорошею травю».<sup>159</sup>

Не знаю, какой вкус и аромат могли придавать кумысу корни фиалки (желающие вполне могут попробовать воспроизвести этот древний рецепт), но у такого напитка скорее всего был другой аспект, не отмеченный средневековым автором. Современные справочники лекарственных растений отмечают определенное лекарственное (противовоспалительное, отхаркивающее и мочегонное) действие корней и травы фиалки трёхцветной (*Viola*

<sup>158</sup> Что касается загадочного «кишнеца», то по В. И. Далю, это не что иное, как хорошо известный многим дачникам кориандр (*Coriandrum salivum*). (Даль. Т. 2. Стр. 281). В обстоятельном справочнике С. Е. Землинского «Лекарственные растения СССР» упоминается, что кориандр встречается как одичавшее растение в Крыму и в чернозёмной полосе (Л. Р. Стр. 155). Фраза, написанная серьёзным и уважаемым автором в 1958 году – «встречается как одичавшее», свидетельствует о том, что в древности это растение культивировалось в наших степях. Об этом говорит и само ботаническое название растения – кориандр посевной. Видимо, ордынцы выращивали пряные травы, в частности, кориандр, возможно, переняв эту культуру у предыдущих народностей Дикого Поля. Из этого следует, что всем нам знакомое название популярного блюда «корейская морковь», где кориандр является основной пряностью, должно звучать по-другому. Кстати, как сообщают современные справочники лекарственных растений, свежее мясо в жаркое время года хорошо сохраняется при обработке его измельченными семенами кориандра (Нуралиев. Стр. 76.) Для скотоводов при дефиците соли возможность с помощью молотого (дроблёного) кишнеца продлевать сроки хранения или консервировать мясо могла быть решающей причиной культивирования этого растения. Семена кориандра наверняка использовались степняками для приготовления различных блюд, могли применяться и для ароматизации того же кумыса. Но путешествовавший доминиканский монах как ингредиент упоминает именно листья кишнеца – кориандра. Часть жителей средней полосы аромат листьев кинзы воспринимает как отталкивающий. Недаром у кориандра существует другое народное название – клоповник. Хотя многие, в том числе и я сам, с удовольствием используют его листья для приготовления салатов и как приправу к мясу. В этом аромате есть определённая пикантная составляющая. В Средней Азии кориандр – кинза по-прежнему выращивается «*круглый год и широко используется в качестве зелени и приправ к блюдам*» (Нуралиев. Стр. 77). Поэтому нет никаких оснований считать, что у обитателей орды мог быть другой вкус. Кроме того, у хозяйки кочевого дома был ещё один серьёзный аргумент в пользу применения кишнеца – кинзы – кориандра. Издавна это пряное растение родом из южной Европы использовали как средство для улучшения пищеварения. Современные исследования подтверждают, что: «*...трава кинзы оказывает сокогонное действие на желудок, поджелудочную железу, желчные и мочевые пути. Эфирное масло из семян... действует как антисептическое в отношении желудочно-кишечного тракта и желчных путей... Свежий сок и настой из травы кориандра вызывает активное повышение секреции желудочного сока... через 0,5–1 час и держится на достаточно высоком уровне 4–5 часов*» (Нуралиев. Стр. 77). Другими словами, кориандр серьёзно повышает активность желудочно-кишечного тракта, при этом подавляя воспалительные процессы пищеварительной системы. Для татарского воина, который в дальнем походе мог по несколько суток практически не принимать пищи, а затем съесть в один присест немалое количество мяса, вопрос нормального пищеварения был очень важен. Вполне вероятно, что именно для этого уставшие конники и выпивали перед обильным пиром кумыс, настоянный на листьях кишнеца. В древней медицине (Индия, Рим, Греция и Средняя Азия) кориандр широко применялся как лечебное средство. Ибн-Сина сообщал, что сок кориандра «*успокаивает сильную пульсацию, в том числе биение сосудов в глазу, помогает от горячих перебоев сердца, останавливает носовое кровотечение и кровохаркание, помогает при головокружении, падучей (припадки). Жареный кориандр препятствует появлению рвоты и успокаивает кислую отрыжку*». Авиценна рекомендует кориандр «*в сочетании с уксусом, розовым маслом, медом и изюмом от крапивницы и «персидского огня» (сибирской язвы), свежий кориандр с медом и изюмом – при горячих опухолях яичек*» (Нуралиев. Стр. 76). Современные исследования позволяют взглянуть по-новому на свойства кориандра. Доктор медицинских наук, директор международного института изучения наследия Авиценны, Юсуф Нуралиевич Нуралиев, после лабораторных исследований медицинских свойств кориандра и базилика обыкновенного сообщил: «*Нами впервые установлено, что оба эти растения вызывают заметное повышение процесса свертываемости крови. Данный эффект возникает через 30 минут, хорошо развивается на 2–3 часу после приема и держится на довольно высоком уровне в течение 4–5 часов*» (Нуралиев. Стр. 37–38.) «*Кровоостанавливающее действие кориандра превосходит активность известного препарата экстракта лагохилуса и проявляется в сокращении времени реакции и времени образования сгустков*» (Нуралиев. Стр. 78.) Говоря другими словами, современные исследования указывают на то, что, если перед боем татарский воин выпивал приличную порцию настоя кишнеца (например, тот же настоянный кумыс), риск погибнуть от потери крови в случае ранения в бою значительно снижался. Очень интересный аспект, который мог являться самым важным аргументом для выращивания этого пищевого и лекарственного растения. Ну и дополнительной наградой спасенному от потери крови раненому бойцу (или его заботливой супруге, предусмотрительно приготовившей перед битвой такой напиток) являлось потенциальное предотвращение «горячей опухоли яичек».

<sup>159</sup> Люк. Записки ИООИДР. Т. 11. Стр. 478.

tricolor L.) и фиалки полевой (*Viola arvensis* Murr.).<sup>160</sup> Именно эти дикорастущие виды фиалок широко распространены в наших лесах и полях.

Внимание! Передозировка отваров или настоев фиалки трёхцветной или полевой может вызвать понос или рвоту! Ещё один широко растущий у нас вид фиалки – фиалка душистая (*Viola odorata* L.). Она ограниченно применяется в народной медицине как отхаркивающее при легочных заболеваниях, болезнях ротовой полости, почек и мочевого пузыря и других показаниях. Трава растения считается ядовитой.<sup>161</sup> Прочитав эти материалы, становится совершенно очевидно, что отвары, настои травы и корней фиалок обладают определёнными лекарственными свойствами. Но вопрос, могли ли корни перечисленных растений придавать какой-либо вкус или аромат хмельному напитку из молока кобылицы, остался без ответа.

Однако есть ещё одно растение, высушенные корни которого действительно издают сильный запах фиалки, такой же аромат и вкус придают любому напитку. По всей зоне Великой Степи, в том числе и в междуречье Днепра и Дона, его называли «фиалковым корнем» и с глубокой древности применяли в качестве ароматизатора и в лечебных целях. Как водится, это растение не имеет ни малейшего отношения к фиалкам, растёт на болотах и мелководных водоёмах и называется Ирис Болотный или Касатик Водяной (*Iris pseudacorus* L.). Запах сушеных корней болотного Ириса связан с высоким содержанием в них специфических эфирных масел. «Фиалковый корень» до сих пор применяют в народной медицине как достаточно сильнодействующее средство при воспалении легких, бронхитах, ангинах и других воспалительных процессах внутренних органов, в частности, селезёнки и при различных женских болезнях. Применяют это средство и наружно, при лечении ожогов, гнойных ран, язв, свищей, иногда даже в виде ванн. Интересно, что и современные справочники рекомендуют разводить сок корневища ириса на молочной сыворотке: *«Делают смесь из 2–4 столовых ложек сока корневища с 700 г сыворотки молока и пьют по чашке несколько раз в день. Делают также настойку из столовой ложки сухого корня на бутылку белого вина или настой из 15–30 г корня на 150 г кипятка и принимают по 1–2 столовые ложки 3 раза в день»*.<sup>162</sup> Отвар корня применяют при лечении зубной боли, кровоточении десен, для мытья головы при перхоти, а также во многих других случаях. Существуют и необычные сферы применения ириса болотного. Так в Полтавской области этот отвар применяли *«при трихомонадных кольпитах для подмывания и спринцевания»*. А в Средней Азии до сих пор настой или отвар «фиалкового корня» *«употребляют с косметической целью и считают, что, если им умываться, он очищает лицо от веснушек, придает ему свежесть, устраняет морщины»*.<sup>163</sup>

Судя по всему, в татарской кибитке висели мешочки именно с «фиалковым корнем», а не с корнем фиалки. А простодушный доминиканский монах скрупулезно записал то, что было произнесено вслух. Но в любом случае можно не сомневаться, что травы применялись расторопными степными хозяйками не только для ароматизации кумыса. Да и сохранившаяся в Средней Азии до наших дней привычка умываться и мыть голову отваром или настоем «фиалкового корня» в древности, видимо, была распространена на всей территории империи Чингис-Хана. Со школьной скамьи мы представляли себе степных кочевников нечистоплотными варварами. А оказывается, нежная кожа юных дев с раскосыми глазами и волосы цвета воронова крыла опьяняюще пахли фиалкой. В средневековой же Европе запах немь-

<sup>160</sup> ЛРД. Стр. 206.

<sup>161</sup> ЛРД. Стр. 205.

<sup>162</sup> ЛРД. Стр. 100.

<sup>163</sup> ЛРД. Стр. 101.

того тела высшей знати, пробивающийся из под бархата и кружевов, заглушался «колонской водой».

Параллельно с корнем болотного ириса в наших краях в лечебных целях широко применяли в старину и применяют сейчас корневище другого болотного растения – Аира болотного (*Asorus Calamus L.*). Его розовое корневище тоже имеет приятный запах и обладает сильным антибактериальным действием широкого спектра, в том числе подавляет стрептококки. В современной медицине препараты из корня аира применяют при лечении язвенной и других желудочных болезней. А в старину, кроме этого, аир использовали при обмороках, поносах, цинге, заболеваниях ротовой полости и даже при туберкулезе лёгких и при малярии.<sup>164</sup> То, что Аир входил в перечень лекарственных средств древней татарской народной медицины, подтверждает его старинное украинское название – «Татарське зілля».

Вполне вероятно, что «фиалковым корнем», как это часто бывает в разговорной речи, татарские хозяйки называли всю группу болотных лекарственных корней. И такой хмельной пенящийся напиток из молока степной кобылицы, имеющий приятный вкус и запах фиалки, обладающий выраженным лекарственным действием, можно смело назвать эксклюзивным.

Вот какую интересную и содержательную информацию донес до нас через века святой отец, доминиканец Жан де-Люк. Конечно, он видел и описал только внешнюю сторону жизни кочевников, но обстоятельность и точность его записок позволяют нам заглянуть в закулисы жизни народов, населявших в былые времена наши ковыльные степи. Могу добавить ещё одну странную деталь, хотя и не относящуюся к теме. Оказывается, кориандр был популярен и у московских государевых поваров. Цесарский посол Сигизмунд Герберштейн среди блюд, подаваемых на царский стол при приёме посольства в Кремле, называет и варенье из кишнеца:

*«...Когда все разселись по местам, нам прежде всего поставили варенья (как они называют) из кишнеца, аниса и миндалей».*<sup>165</sup> Варенье из кориандра? Не могу себе представить этот вкус, хотя под словом «варенье» мог скрываться кисло-сладкий соус, подаваемый перед началом обеда.

Очень важной сферой жизни орды являлось отправление правосудия. Хотя ордынские суды, на наш взгляд, были очень специфичными и даже, можно сказать, экзотическими, именно они выносили самые справедливые решения:

*«Спорныя дела решаются у Татар весьма скоро и следующим образом. Когда два какая-либо лица поссорятся между собою, то, разменявшись несколькими словами, без всяких впрочем ругательств (подобных тем, которые употребляются у нас), обе враждующия стороны или даже все, замешанные в деле, встанут с мест своих, отправляются куда им заблагоразсудится и, обратившись к первому встретившемуся человеку, какого бы он звания ни был, говорят ему: “Государь! Мы поссорились; рассуди нас!” Тот немедленно останавливается, выслушивает обе стороны и потом произносит приговор по своему разумению, без всяких бумаг. Противу этого решения нет уже никаких отговорок. Если при сем случатся посторонния лица, то произнесший приговор говорит им: будьте свидетелями! Подобнаго рода разбирательства безпрестанно случаются в стане. Даже и во время похода, тяжбы, между Татарами возникающия, решаются первым встретившимся им человеком».*<sup>166</sup> Большинство источников отмечают высокую честность отношений татар между собой. Кражи у своих среди степняков были вопиющим беспределом, хотя наверно тоже случались, на что указывал Марко Поло:

---

<sup>164</sup> ЛРД. Стр. 40.

<sup>165</sup> Герберштейн. Стр. 212.

<sup>166</sup> Барбаро. Стр. 26–27.

*«Если же кто-нибудь украдет лошадь или другую ценную вещь, то его приговаривают к смертной казни и мечом разрезают его пополам; но если провинившийся хочет спасти свою жизнь, то должен вернуть в десять раз больше украденного».*<sup>167</sup> В целом же, атмосфера степного государства, его моральный дух достойны уважения. Такое общество было построено на взаимопомощи и взаимовыручке, где голодному и нуждающемуся предлагалась не милостыня, а место за своим столом. В своих записках уже упоминавшийся монах доминиканского ордена Жан де-Люк сообщал любопытную информацию об отношениях в татарском сообществе: *«Между ними нет бедных. Если кому-нибудь нечего есть, то идет туда, где едят, не стесняясь и ничего не говоря, садится, (ест), затем подымается и без всякой благодарности уходит».*<sup>168</sup> Не правда ли, такие отношения достойны христиан-подвижников, а ведь это татары, «дикари» и «варвары».

В орде не только производили много необходимых товаров для собственных нужд и на продажу. Совершенно нарушает все законы жанра то, что степняки успешно занимались сельским хозяйством. О посевах хлеба в степи нам сообщает всё тот же Иосафат Барбаро:

*«В исходе Февраля месяца по всей орде громогласно возвещают желающим делать посев, дабы они заблаговременно приготовили все для того нужное; ибо в такой-то день Марта предположено отправиться к такому-то месту для посева избранному.*

*Вследствие сего объявления все желающие немедленно делают приготовления свои; насыпают сеянный хлеб на повозкии отправляются с рабочим скотом, женами и детьми, или только с частью своих семейств к назначенному месту, которое обыкновенно бывает не далее двух дней пути от пункта, где находилась орда во время возвещения приказа о посевах. Тут остаются они до тех пор, пока вспашут землю, посеют хлеб и окончат полевые работы, и потом уже возвращаются назад в орду.*

*Между тем Хан, подобно матери семейства, отпустившей детей своих порезвиться и безпрестанно издали наблюдающей за ними, все кружится около засеянного поля, останавливаясь то там, то сям и никогда не удаляясь от онаго далее четырех дней пути. Когда же хлеб созреет, то все желающие, как сеятели, так равно и покупатели, отправляются туда для жатвы с повозками, волами, верблюдами и со всем нужным, как бы на собственную мызу.*

*Почва земли у них весьма плодородна. Пшеница очень крупна зерном и нередко родится сам – пятьдесят, а просо – сам сто. Иногда жатва бывает так обильна, что не знают, куда деваться с хлебом, и часть его по необходимости оставляют на месте».*<sup>169</sup>

---

<sup>167</sup> Марко Поло. Стр. 67.

<sup>168</sup> Люк. Записки ИООИДР. Т. 11. Стр. 486.

<sup>169</sup> Барбаро. Стр. 36–38.

## Глава 7

### Ханская охота

*В родной стране, где по излукам  
Текут Онон и Керулен,  
Он бродит с палицей и луком,  
В цветах и травах до колен.*

*Н. Заболоцкий*

Татары не только пасли скот и готовили блюда из молока. Половецкое поле издавна кишело диким зверем и птицей. Митрополит Никон во время своего «хождения» в Царьград в 1392 году (маршрут пролегал по реке Дон) писал об этих местах:

*«...Бысть же сие путное шествие печально и уныльниво: бяше бо пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничто же, ни града, ни села; аще бо и бываша древле грады красны и нарочито зело видением, места точию, пусто ж все и не населено; нигде бо видети чело- века, точию пустыня велия и зверей множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медведи, бобры, и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая».*<sup>170</sup> Доминиканский монах Жан де-Люк во время своей поездки в Тартарию тоже сообщал о множестве животных, живущих на ковыльных просторах: *«Их равнины представляют обширныя хорошия пастбища. Очень много водится у них скота, диких лошадей, волков, медведей, лисиц, оленей... лосей».*<sup>171</sup>

Большое количество дикого зверя в степи давало возможность устраивать на него массовые охоты, которые у нас принято называть словом «облава». Вот одно из описаний такого досуга татарского Хана (старинный перевод «Родословной истории о татарах» Абул-гази-Баядур-Хана):

*«Татары от всех времен полагали главное свое упражнение в охоте... Хан, или Принц, который хочет ехать на охоту, собирает столько своих подданных, сколько время и случай позволяет, что иногда доходит от 10 до 12 тысяч человек...*

*Сии люди по прибытии на место разделяются по разным местам кругом того места, где будет охота... наблюдая притом сие, чтобы человек от человека стоял на 10 или на 20 шагов; а сие делает совершенный круг около того места, которое назначено в центр охоты. Когда сие так будет расположено, то по данному знаку, все пойдут к центру круга, и что больше круг будет приходить в узкость, то большие люди приближаются друг к другу, пока все не станут весьма тесниться...*

*Звери, которые увидевши людей, бегут сперва к центру; но, видя, что и там место весьма узко, стараются где-нибудь пробежать. Но в которую бы сторону они ни кинулись, то отовсюду слышат крик, стук в бубны и звук в роги и в другие инструменты, каковы употребляются на войне у того народа. Напоследок сие так оглушит зверей, что они уже сами отдаются людям, не делая ни малаго сопротивления. Таким способом ловят они всех зверей будто бы сетями, сколько бы их не могло быть в окружности оной, которая иногда бывает на 4 и на 5 миль в диаметре с самага начала, где они часто ловят многия тысячи всяких зверей».*<sup>172</sup> Таковую же облавную охоту татар наблюдал Иосафат Барбаро в окрестностях Таны:

---

<sup>170</sup> Аристов. Стр. 6.

<sup>171</sup> Люк. Записки ИООИДР. Т. 11. Стр. 486–487.

<sup>172</sup> Барбаро. Примечание. Стр. 136.

*«В подобном порядке, как я уже выше сказал, шли Татары. Дичь, которую они ловили по пути, состояла большею частью из куропаток и так называемых драхв. Птица эта имеет короткий хвост, как у курицы, голову держит прямо как петух, величиною с павлина и походит даже на него цветом перьев, за исключением одного хвоста. Так как Тана окружена холмами и рвом, имеющим до 10 миль в окружности (там где была некогда древняя Тана), то эти холмы и долины, ими образуемая, соделались убежищем всякаго рода птицам, которых слетелось туда такое множество, что вокруг стен и во рву куропатки и драхвы разгуливали целыми стадами, как бы на дворе самых домовитых хозяев. Мальчишки без труда подбирали их с земли и продавали по аспру (т. е. по восьми наших богаттин) пару».*<sup>173</sup> Согласно примечанию переводчика записок Иосафато Барбаро, Василия Николаевича Семенова, 444 аспра города Таны, были равны российскому червонцу образца начала 1800–х годов.<sup>174</sup>

Сейчас дрофа, некогда массовая птица Дикого Поля, – редкий вид, находится на грани исчезновения, хотя и охраняется законом. Эта степная красавица относится к отряду журавлиных, является перелётной птицей, но много и охотно ходит, при опасности быстро бегаёт. Окраска её пестрая, в ней сочетаются рыжий, чёрный, серый и белый цвета. Весной у самцов вырастают по бокам клюва пучки нитевидных перьев, образуя колоритные длинные «усы». Курочки дрофы весят 4–8 килограммов, петухи до 11. Но бывают экземпляры и крупнее. Старые самцы, по сообщению энциклопедии «Животный мир СССР», могут весить до 16–17 килограммов, а рост выпрямившегося самца может достигать 1,5 метра.<sup>175</sup> Такой вот летающий страус наших степей. Кроме собственно дрофы, в подотряд дрофиных входит ещё и стрепет. Птица эта сейчас почти исчезла, хотя, по информации из того же «Животного мира СССР», ещё во второй половине XIX столетия в степях Воронежской губернии наблюдали тысячные перелётные стаи стрепета. Эта птица значительно мельче дрофы, но не уступает ей в красочности оперения. Общий тон тела песочный, с тёмными пестринами, ярким бело-чёрным «воротничком» на шее, серо-голубоватыми сторонами головы и крыльями с контрастным чёрно-белым рисунком. Горло и верх зоба пепельного цвета. Ноги буро-жёлтые и жёлтый клюв. И дрофа, и стрепет уничтожали большое количество вредных насекомых. В желудках дроф также находили и мелких позвоночных.<sup>176</sup>

Небольшие, очень симпатичные птицы из отряда куриных – серая куропатка и перепел, наверное, вам знакомы. Они тоже были массовой добычей во время охотничьих степных облав. Ещё в начале XIX века обычным обитателем причерноморских и приднепровских степей был также тетерев-косач (*Lyrurus tetrix L.*).<sup>177</sup> Эта яркая птица размером немного меньше курицы (вес 0,7–1,5 кг) в нашем представлении является типичным жителем лесов, а оказывается, в леса из степи тетерев ушел вынужденно. Оперение петушка иссиня-чёрное, с отливом. Брови красные. Подхвостье и «зеркальце» на крыле белые. Крайние рулевые перья изогнуты наружу. Курочки буровато-рыжие (рябые) с белым подхвостьем.

На крупную перелётную птицу татары могли охотиться по-другому. Иосафат Барбаро донес до нас экзотическую сценку такой охоты на диких гусей:

*«Иногда над станом тянутся целья вереницы гусей, и Татары пускают в них особенныя кривыя стрелы, толщиною в палец. Стрелы сии, не быв опушены перьями, летят очень*

<sup>173</sup> Барбаро. Стр. 19–20.

<sup>174</sup> Барбаро. Примечание. Стр. 130.

<sup>175</sup> ЖМ. Т. 3. Стр. 104.

<sup>176</sup> ЖМ. Т. 3. Стр. 105.

<sup>177</sup> ЖМ. Т. 3. Стр. 98.

*высоко и потом перевернувшись в воздухе, падают в прямом направлении вниз, раздробляя все, встречающееся им на пути, как то: лапы, шеи и проч.*

*Нередко стада эти бывают так многочисленны, что затемняют горизонт. Тогда Татары поднимают громкий крик, от которого гуси в испуге падают на землю».*<sup>178</sup> Кривые палки толщиной в палец, – вам ничего это не напоминает? Явный аналог австралийского бумеранга был не просто кривой стрелой, а боевой палицей, имеющей специальный аэродинамический профиль. Такие «кривые стрелы» скорее всего вращались с большой скоростью вокруг своей оси во время полета, если они *«раздробляли все, встречающееся им на пути»*. Достаточно интересная и необычная информация.

Массовые охоты татар описывали многие путешественники, хотя это не было в орде повседневным занятием. Такое мероприятие с участием десятков тысяч людей было больше хозяйственной операцией по заготовке мяса, чем охотой в истинном смысле. Другое дело охота великого Хана. От выезда в Кипчакскую Степь со своими великолепными охотничьими птицами и ловчими животными император получал истинное наслаждение, правда, здесь тоже не обходилось без загонщиков. Знаменитый путешественник Марко Поло сообщал о ястребах, мелких соколах, крупных соколах (кречетах) участвовавших в ханской охоте. Каждой такой птице к лапке крепилась серебряная пластинка с именем птицы и её владельца.<sup>179</sup> История охоты с хищными птицами насчитывает тысячи лет. Ею увлекались древние владыки античных времён, индийские раджи, киевские князья и, конечно, монгольские ханы. В более позднее время соколиная охота стала визитной карточкой московских Великих Князей. С соколом и ястребом охотились на перепелов, куропаток, тетеревов, глухарей, уток, гусей и даже на зайцев. Для добычи покрупнее, например лис и волков, нужна была более сильная птица, и она существовала: *«У его величества есть также орлы, приученные нападать на волков; величинаи сила этих птиц такова, что ни один волк не может избежать их когтей»*.<sup>180</sup> Как вы понимаете, степной волк животное далеко не беззащитное. Такая охота, должно быть, была очень величественным и весьма эмоциональным по накалу страстей зрелищем.

О татарской охоте с птицей на крупного зверя упомянул и Иосафат Барбаро, наблюдавший её в окрестностях Таны: *«Татары весьма искусны в стрелянии из лука и любят охотиться с соколами на хамелеонов, которые у нас не употребляют в пищу, на оленей и на других больших зверей. Соколов они носят на одной руке, имея в другой сошку, которую подставляют под руку, когда устанут. Это нисколько не удивительно, ибо их соколы вдвое больше наших орлов»*.<sup>181</sup> Видимо, описанные «соколы», с помощью которых охотились на оленя, были всё-таки орлами-беркутами. А вот какого зверя Барбаро называл именем «хамелеон», остаётся интересной загадкой. Очень часто птичий воздушный поиск с земли сопровождался охотничьими собаками. Такое взаимодействие и сейчас считается весьма эффективным, оно повышает результативность охоты, не говоря уже о её зрелищности. Не перестаю удивляться нашим превратным представлениям об убожестве кочевников. Значит, в орде была развитая система собаководства? Да, была, и о ней также сообщал Марко Поло:

*«Великий хан имеет двух дворян, родных братьев, одного из них зовут Баян, а другого Минган; и должность их на татарском языке называется «цивири», что значит: «распорядители охоты» и им поручен надзор за гончими собаками, меделянками и бульдогами... все охотники, подвластные одному из них, носят красные мундиры, а прочие имеют светло*

---

<sup>178</sup> Барбаро. Стр. 32–33.

<sup>179</sup> Марко Поло. Стр. 105–106.

<sup>180</sup> Марко Поло. Стр. 104.

<sup>181</sup> Барбаро. Стр. 32–33.

голубую форму. Они с детства приучаются к охоте с собаками...».<sup>182</sup> Для чего применялись гончие собаки, объяснять, думаю, не надо. Именно они в паре со стремительными крылатыми партнёрами участвовали в головоломных погонях за стремительной добычей. Бульдоги применялись для жёсткого захвата крупного, но не очень быстрого зверя. А вот что такое загадочные меделянки? Давайте выясним это у авторитетного В. И. Даля: «*Меделянская собака, меделянка ж. одна из самых крупных пород: большеголовая, тупорылая, гладкошорстая; статями напоминает бульдога*».<sup>183</sup> Другой источник, Толковый Словарь Ушакова, уточняет, что эта крупная порода догов происходит из города Mediolanum (Милан) в Италии. С такими Миланскими догами татары охотились на самого крупного зверя, например, на медведя.

Для охоты на крупного зверя степной император использовал не только догов и бульдогов. Марко Поло сообщал, что в качестве охотничьих животных использовались также рыси, леопарды и даже львы: «*Великий хан держит много леопардов и рысей для охоты на оленей и несколько львов, величиною больше вавилонских, которые имеют красивыя шкуры превосходнаго цвета, по которым в длину проходят белыя, чёрныя и красныя полосы; они проворно нападают на кабанов, диких быков, ослов, медведей и других зверей, составляющих предмет охоты. Интересно наблюдать, с какой горячностью и быстротой нападает лев на животное, на которое его спустили. Их везут в клетках, поставленных на повозки; и вместе с ними запирают маленькую собачку, с которой они скоро свыкаются; их запирают потому, что иначе трудно было бы удержать их в то время, когда они при виде добычи делаются очень жадными и свирепыми. Кроме того, их везут всегда против ветра, чтобы звери, почуяв их запах, не разбежались*».<sup>184</sup> «Лев» с красивой шкурой, по которой в длину проходят белые, чёрные и красные полосы, по-видимому, являлся уссурийским (амурским) или туранским (среднеазиатским) тигром. Охотничьи рыси – экзотично, но понятно. А вот дрессированные леопарды, кто они? Амурские леопарды, которых сейчас в природе остались считанные единицы, но в былые века численность этого подвида была достаточно велика, или алтайские снежные барсы – ирбисы? А может быть, для императора дрессировали переднеазиатских или кавказских леопардов, которых сейчас принято объединять в один подвид (персидские), самых крупных животных из этого вида? В прошлые столетия переднеазиатский – кавказский леопард был животным достаточно распространённым. Считается, что и сегодня его можно встретить в горах Кавказа, на территориях Ирана, Азербайджана, Турции и Средней Азии.

Был и ещё один зверь, которого много веков использовали для охоты. В древнерусских летописях часто встречается слово пардус, в частности, в Лаврентьевском списке летописи Нестора, князь Святослав «*легко ходя, аки пардус*». В слове о Полку Игореве звучит фраза – «*пардуже гнездо*». Часть исследователей истории Киевской Руси расшифровывают слово пардус как гепард. Между строк читается, что азиатский гепард, или как его ещё называют «чита», был некогда для степей Приднепровья обычным животным, если летописцы упоминали о его выводках – «гнездах». Доказательством наличия гепардов у русских князей считается изображение сцены охоты с этими гончими животными на древних фресках Софии Киевской.

«*Гепард или охотничий леопард (Synailurus) – род зверей из семейства кошек, – сообщает нам знаменитый энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – Г. общей формой тела и особенно высокими ногами похож скорее на собак, чем на кошек; но голова и хвост кошачьи. Когти не вполне втягивающиеся, от этого стираются и притупляются на кон-*

<sup>182</sup> Марко Поло. Стр. 105.

<sup>183</sup> Даль. Т. 2. Стр. 814.

<sup>184</sup> Марко Поло. Стр. 104.

цах, как когти собак. Г. два вида: азиатский Г. или чита (*Cynailurus jubatus Schreb.*) и африканский или фахгад (*Cynailurus guttatus Hermm.*)...

Пойманный Гепард в короткое время становится очень ручным и отличается кротким, ласковым нравом; по целым дням он мурлычит, как кошка. Ручных Г. употребляют для травли антилоп. Восточные государи в Персии, Монголии и Индии содержали в старину огромное множество Г. в своей охоте; ручные бывали даже при дворах французских королей и немецких императоров». <sup>185</sup> По отрывочной и противоречивой информации азиатский гепард встречался в российской Средней Азии, на Прикаспийской низменности даже в XX веке, почему животное и было внесено в Красную Книгу СССР.

Нынешние электронные ресурсы пестрят информацией о том, что русские князья «охотились с гепардами, как с собаками», сообщают подробности о серебряных ошейниках, поводках, намордниках и наголовниках этих животных. Электронные вопросы и ответы для украинских школьников на вопрос водились ли гепарды в южнорусских степях дают однозначный утвердительный ответ. В монографии «Человек и природа степной зоны, конец X – середина XIX в.» Сергей Васильевич Кириков – советский учёный-биогеограф, длительное время изучавший изменения животного мира в природных зонах СССР от древних времён до XX века, сообщал:

«В ярлыках, выданных ханами Золотой Орды, упоминались пардусники и барсники, волчари и сокольники. В русских письменных источниках пардусниками и барсниками названы лица, ведавшие охотой с гепардами». <sup>186</sup>

Боюсь, что в этом сообщении авторитетного и уважаемого учёного содержится неточность. Барс, это леопард (пантера), по латыни *Panthera pardus* (обратите внимание – пардус!). Барсники явно должны были заниматься содержанием барсов, скорее всего они ухаживали за персидским, переднеазиатским – кавказским (*Panthera pardus saxicolor*) леопардом, самым крупным из его подвидов. Соответственно и охотились с ним. Азиатский же гепард, или чита (*Acinonux jubatus*), являлся другим животным. Путаница очень часто возникает оттого, что отчасти эти кошки похожи, а азиатского гепарда иногда называют ещё «охотничьим леопардом».

В этой же монографии С. В. Кириков, со ссылкой на Рашид-ад-Дина, средневекового персидского учёного-энциклопедиста, написавшего фундаментальный труд по истории монгольской империи, высказал своё предположение относительно существования гепардов у крымских ханов: «У крымских ханов были особые пардусники. Это даёт основание предположить, что на землях Крымского ханства были обычны дикие копытные, на которых охотились с гепардами. Этих зверей крымские ханы, может быть, получали из Закавказья и Ирана, где гепарды были нередки в начале XIV в., когда там правил хан Газан. Для его охоты подданным полагалось в течение года доставлять 300 гепардов и около одной тысячи ловчих птиц». <sup>187</sup>

О гепардах, шкуры которых даже в XIX веке доставлялись на Оренбургскую пограничную линию, упоминал профессор естественной истории императорского Казанского университета Эдуард Эверсманн: «*Felis jubata*. Гепард... Этот вид, уступающий немного в величине рыси, известен на Оренбургской пограничной линии под названием барса, название, под которым в других местах разумеют: *Felis pardus* и *panthera*, Pall. Он обитает по восточным берегам Каспийского и в странах около Аральского моря, и там, вероятно, встречается нередко, потому что Киргизы часто привозят его шкуры на линию для продажи. Этот зверь довольно велик и силен, так что нападает и душит самых больших мле-

---

<sup>185</sup> Брокгауз. Эфрон. Т. VIII. Стр. 436.

<sup>186</sup> Кириков. 1983. Стр. 9.

<sup>187</sup> Кириков. 1983. Стр. 11.

копитающих тех мест, как то: антилоп, диких баранов (аркаров) и даже диких лошадей и ослов...».<sup>188</sup> Очень сильно сомневаюсь, что гепард – не самый сильный хищник из семейства кошачьих, мог легко охотиться на тех же крупных копытных, на которых обычно охотился тигр. После внимательного прочтения «Описания естественной истории Оренбургского края» всё так же неясно, какое животное имел в виду профессор Эверсманн под названием гепарда? Например В. И. Даль под тем же латинским названием *Felis jubata* уверенно описывает нашего среднеазиатского барса:

«Барс м. хищный зверь кошачьяго, львинаго рода, чубарый тигр, *Felis pardus*... у нас в восточных степях Азии водится один только вид барсов: гривчатый, *F. jubata*, приучаемый в Азии к охоте, травле...».<sup>189</sup> Даже у уважаемых авторов налицо явная путаница с хищниками семейства кошачьих, что никак не добавляет ясности в вопрос о гепардах – пардусах киевских князей. Придется изучить этот вопрос более детально. Откроем «Словарь церковнославянского и русского языка», выпущенный вторым отделением Российской академии наук в 1847 году:

*Пардус, пард, м. Felis pardus, барс. (Святослав... легко ходяй, аки пардус. Лавр. Лет.)*

*Пардужий, ья, ье, пр. Принадлежащий пардусу. (Простротася Половцы, аки пардужье гнездо. Слово о полку игореве.)*<sup>190</sup>

Как видим, в церковно-славянском языке пардус, это барс, и ни слова о гепардах. Посмотрим ещё:

*Пардаль, м., то же, что пард.*

*Пардалей, м., Рысь. (Отъ оградъ львовыхъ, отъ горъ пардалеовъ. Песн. Песн. IV. 8.)*<sup>191</sup>

Словарь церковнославянского языка однозначно утверждает, что пард, пардус, пардаль, пардалей – это барс или рысь. Такая информация не расходится с сообщениями Марко Поло о дрессированных рысях и леопардах, участвующих в ханской охоте.

Посмотрим слово пардус в словаре у В. И. Даля:

*– Пард или пардус, м., стар. Зверь кошачьяго рода, барс, Felis pardus? Названье шаткое.*

*– Пардалей, м., вероятно то же, что пард, пардус, но переводят, как и панфирь, рысь.*<sup>192</sup> Час от часу не легче, поищем панфирь: – *Пантера, ж., хищное животное жарких стран, вид барса. Из этого вышло панфирь, что переводят рысью.*<sup>193</sup> Оказывается, слова пантера и рысь в старорусском языке имели одно и то же смысловое значение. Но о гепардах – опять ни слова. В обстоятельном труде профессора Николая Яковлевича Аристова «Промышленность древней Руси», изданном в 1866 году, в разделе, посвященном ловле птиц и зверей, читаем:

---

<sup>188</sup> Эверсманн. Ч. 1. Стр. 8–9.

<sup>189</sup> Даль. Т. 1. Стр. 127.

<sup>190</sup> СЦСРЯ. Т. 3. Стр. 160.

<sup>191</sup> СЦСРЯ. Т. 3. Стр. 159.

<sup>192</sup> Даль. Т. 3. Стр. 37.

<sup>193</sup> Даль. Т. 3. Стр. 30.

«В древних русских памятниках встречаются названия следующих зверей: пардуса или рыси, тура или зубра, буйвола, лося, оленя, серны, дикой козы, вепря или кабана, медведя, волка, белаго волка, лисицы...».<sup>194</sup> Тут же приводится и другое значение слова «пардус»:

«Можно предполагать, что барсы бывали в давнюю пору в Южной России. Замечательно, что в ханских ярлыках в числе различных ловцов упоминаются пардусники. В переводных памятниках словом пард, пардус означает барс или пантера, леопард; иногда пард заменяется словом рысь, рысица – *pardalis, panthera*».<sup>195</sup> Профессор Аристов, не сомневаясь, называл пардуса рысью или барсом (леопардом) и даже предполагал, что леопард мог жить в южнорусских степях. Видимо, у него были для этого основания. Встречается ли информация о барсах в другой древнерусской литературе? Да. Например в былине о Волхе Всеславиче или Волге Буслаевиче (предположительно прототип князя Олега Святославовича) говорится:

Дружина спит, так Волх не спит:  
Он обернется серым волком,  
Бегал, скакал по тёмным лесам,  
А бьет он звери сохатые,  
А и волку, медведю спуску нет,  
А и соболи, барсы – любимый кус,  
Он зайцами, лисами не брезговал.

*(Древн. Рос. Стих.)*<sup>196</sup>

Фраза «соболи и барсы – любимый кус» говорит сама за себя. А может быть, автор древнего литературного произведения под фразой «барсы – любимый кус» имел в виду как раз гепарда?

Давайте порассуждаем. Гепард – животное пустынь и степей, его сила и преимущество – скорость ног, он совершенно не обладает способностью лазить по деревьям и по этой простой причине не смог бы выжить в заснеженном густом лесу. Да и по своей природе животные эти достаточно теплолюбивые. Самое обычное крупное хищное животное зоны лесов, которое часами может ждать удобного случая к нападению из засады – рысь. Для барса – леопарда лес также подходящая среда обитания – ведь живёт же в Амурской тайге его дальневосточный подвид. К тому же барс достаточно морозоустойчив, температурный режим Амурской тайги, хотя это и юг Сибири, достаточно суров. Условия высокогорий горных массивов Азии и Кавказа, в которых жили и живут леопарды, тоже сильно отличаются от курортных (вспомните знаменитого снежного барса). Хочу теперь вернуться к фрескам Софии Киевской. Рассматриваю сцены охоты в репродукции (надеюсь, что она не отличается от оригинала). Пятнистый зверь, которого все считают гепардом, при внимательном рассмотрении этого изображения, на гепарда похож очень мало, вернее, совсем не похож. Сама композиция, не говоря уже о пропорции изображения явно не подтверждает версию охоты с самым быстрым в мире существом. Зверь здесь явно крупный, по пояс охотнику, изображён не в стремительном беге, а в тяжёлом прыжке. Голова по отношению к размерам тела также крупная, а у гепарда должно быть наоборот. На мой взгляд, это изображение больше походит на сцену охоты с крупным персидским барсом.

Конечно, возможно, всё дело в низкой квалификации художника. Но даже если это так, остаётся ещё один вопрос, где охотились с гепардами киевские или другие русские кня-

---

<sup>194</sup> Аристов. Стр. 3.

<sup>195</sup> Аристов. Стр. 4. Примечания.

<sup>196</sup> Аристов. Стр. 4. Примечания

зья? О Киеве летопись замечает: «*Бяше около града (Киева) лес и бор велик и бяху ловяща зверь*», в лесах располагались и другие Русские княжества. Разогнаться здесь с гепардами было особенно негде, для лесной охоты нужны были другие ловчие животные. Степные уголья были собственностью иноплеменных владык, и, вопреки расхожему представлению, эти «ловы» тоже были жёстко разграничены. Как сейчас говорят, «внаглу», кто-либо из русских князей охотиться в ковыльной степи вряд ли бы рискнул. Вспомните, туда, в Дикое поле, ходили не зверя ловить, а «добывать славу ратную». Да, там на ковыльных просторах были не только враги, но и союзники, и друзья, и там тоже могли устраиваться совместные «гоны» или «облавы». Вот тогда для охоты на зайца, мелких степных антилоп нужны были стремительные гепарды, гончие собаки и стаи охотничьих птиц. Могли ли быть азиатские гепарды у русских князей? Вполне могли, учитывая, что они были даже у европейских королей. Но это были подарочные экземпляры, дорогостоящие домашние питомцы. Поэтому вряд ли стоит говорить о массовых княжеских охотах с гепардами, о стаях гепардов, постоянно бегущих у стремени княжеского коня. Всё-таки русские князья – это не индийские Раджи, не те возможности. Восточные владыки могли присылать на Русь этих зверей десятками, но эти живые игрушки всё равно оставались экзотикой, прихотью властителя. И, уж конечно, они не размножались в киевских лесах.

Если древнерусский летописец упомянул «пардужье гнездо», или «лёгкость хода» пардуса, которому уподобился князь Святослав, значит, он был уверен, все потенциальные читатели видели, как ходит пардус и какое оно «пардужье гнездо». Пардус из летописей не мог быть экзотическим гепардом, потому что там был описан зверь, который был бы знаком всем. Самый массовый хищный зверь того времени, размножающийся в наших лесах, которого узнал бы любой тугодум. Кто бы это мог быть? Конечно, рысь. А барсы на Руси действительно водились. В книге военного писателя, генерал-майора Владимира Богдановича Броневского «История Донского войска», изданной в 1834 году, в разделе «Описание Донской земли» приводятся эпизоды жизни казачьего войска. В XIX веке в воспоминаниях стариков-донцев ещё были живы сцены «больших войсковых охот», напоминавших татарские облавные охоты. Желанным трофеем в такой «забаве в азиатском вкусе» был дикий кабан – вепрь и барс, «*который изредка забегал в Задонские степи*»:

*«Троекратный выстрел подавал знак к начатию охоты: громкий крик стоящих на цепи Казаков пробуждал займище, и уstraшенные сею тревогою звери поднимались. Избранные наездники по всем направлениям пускались за ними вскачь, стараясь лучшую добычу согнать к посту занимаемому Атаманом, дабы доставить ему честь убить вепря или барса, который изредка забегал в Задонские степи».*<sup>197</sup> В советской Средней Азии барс был обычным животным вплоть до пятидесятых годов XX века: «*Например в очень снежную зиму 1921 г. зверь поселился недалеко от одного поселка и ежедневно таскал овец (Билькенвич, 1924)... Только за весну 1951 г. в Кызыл-Арватском районе при нападении на скот было убито три барса. Один регулярно нападал на лошадей и убил в 1949 г. – 9, в 1950 г. – 17, а за первые три месяца 1951 г. – 3. Для сохранения лошадей колхоз вынужден был перегнать их в другой район. Барс убил лошадь и в Бадхызском заповеднике (Г. Дементьев, Рустамов, 1956)*».<sup>198</sup> Говоря о более древних временах, нужно сослаться на Н. Я. Аристову, который приводил свидетельства о том, что русские князья иногда делали друг другу редкие, но желанные подарки: пардусов – леопардов.

И ещё одно соображение: долгое время русские княжества были провинциями Монгольской империи и провинциальные князья неизбежно должны были копировать привычки императора. А император охотился на крупную дичь с рысьями, леопардами и тиграми.

<sup>197</sup> В. Броневской. Описание Донской земли, нравов и обычаев жителей. Ч. 3. С.-Петербург. 1834. Стр. 184–185.

<sup>198</sup> Гептнер. Наумов. Т. 2. Ч. 2. Стр. 195.

Подводя итог, можно сказать, что у русских князей могли быть и ручные гепарды, и дрессированные барсы, и охотничьи рыси. Были и охотничьи собаки. С гепардом могли охотиться на мелкую добычу, а скорее всего, содержать его как экзотическое домашнее животное. С рысью, а тем более с леопардом можно было охотиться на более крупного зверя, который был гепардам «не по зубам», например, на оленя, кабана или лося.

## Глава 8 Археология

*Среди развалин, в глине и в пыли,  
Улыбку археологи нашли.  
Из черепков, разбросанных вокруг,  
Прекрасное лицо сложилось вдруг.*

*Улыбкою живой озарено,  
Чудесно отличается оно  
От безупречных, но бездушных лиц  
Торжественных богинь или цариц.*

*Взошла луна. И долго при луне  
Стояли мы на крепостной стене.  
Ушедший мир лежал у наших ног,  
Но я чужим назвать его не мог...*

*Валентин Берестов*

Прекрасные античные статуи, скифское золото, дамасские клинки, кольчуги, изысканные бронзовые изделия – эти музейные артефакты только небольшая видимая и совсем не главная часть того айсберга, которым является будничная, кропотливая и пыльная работа археологической экспедиции. Основными результатами, главной ценностью этой работы является, как вы понимаете, совсем не золото, а вещи гораздо более прозаичные. Битые черепки, фрагменты предметов быта, культовых вещей, снаряжения, оружия, особенности расположения человеческих останков и кости животных. Валентин Дмитриевич Берестов, археолог, ставший поэтом и писателем, написал в далёком 1968-м в своей интересной книге «Государыня Пустыня»: *«И на старых бараньих костях может нарасти мясо истории, а вместо костного мозга из них удаётся извлечь иное лакомство»*. Старые кости из раскопов древних городов, караван-сараев или стоянок кочевников могут рассказать не меньше, чем записки путешественников тех времён. А самое главное, этот материал является не просто свидетельством жизни древнего скотовода или жителя леса, а объективными, материальными фактами жизни наших предков, жителей древней Руси и их соседей степняков.

Чем же питались в былые века жители наших южных степей? Уже упоминавшийся С. В. Кириков, в своей работе «Человек и природа восточно-европейской лесостепи в X – начале XIX в.» сделал обзор костных материалов, собранных разными исследователями, работавшими в поднепровской и центрально-черноземной зонах лесостепи. При раскопках в слоях X–XIII веков наиболее часто археологи находили кости кабана, лося, косули и благородного оленя.

В Вышгородском городище (окрестности Киева) найдены кости 21 лося, 18 оленей, 7 косуль, 6 кабанов. В Воинском городище (городок-крепость Воинь Переяславского княжества при впадении реки Сула в Днепр) – 50 оленей, 29 кабанов, 12 косуль, 10 лосей [Підоплічко, 1956; Сергеев, 1965]. В Воронежских городищах соотношение костей лося, косули и оленя было другим. Лося и косули было больше, а оленя благородного меньше [Громова, 1948; Цалкин, 1963]. Из крупных копытных в Воинском и Вышгородском городищах обнаружены кости 4 туров, по два быка в каждом из городищ и одного тура при раскопках горо-

дища Киева [Підоплічко, 1956; Тимченко, 1972]. На воронежских раскопах кости тура не выявлены [Громова, 1948].<sup>199</sup>

Очень редко встречались останки зубров. В Киевском, Воиномском, Половецком (Богуславский р-н Киевской обл.) городищах по одному быку, два в Вышгороде [Тимченко, 1972]. В Титчихинском городище (высокий правый берег Дона, ниже устья реки Воронеж) кости одного зубра [Цалкин, 1963]. Такими же редкими были находки костных стержней сайгачных рогов в Киевском, Воиномском, Донецком городищах, в Воронежских городищах Борщево I и Титчихинское [Громова, 1948; Шрамко, 1962; Цалкин, 1963; Тимченко, 1972].<sup>200</sup>

По результатам этих исследований видно, что благородный олень до XIII–XIV веков был самым обычным животным даже на границе леса и степи, нередко здесь были косули – изящные маленькие олени. Забегали сюда на тонких высоких ногах и степные антилопы – сайгаки, с примечательной, закругленной, горбатой мордой и нависающим над ртом подвижным хоботком. У самцов сайгака, кроме мяса, ценились полупрозрачные, цвета светлого воска, рога. Иногда заходили даже грозные зубры и первобытные быки – туры, дикие предки нынешних быков и коров.

В «кухонных» слоях X–XIII веков Воиномского городища идентифицированы кости лебедя, журавля, серого гуся, свиязи, кудрявого пеликана, тетерева, глухаря и некоторых других птиц [Сергеев, 1965]. На Райковецком городище (остатки городка-крепости XII–XIII веков у села Райки Житомирской области, разрушенного монголо-татарами) кости глухаря обнаружены в слоях той же хронологии [Підоплічко, 1956]. Идентифицированы кости этой птицы и при раскопках в Полтаве, в слоях VIII–XIV веков (Н. И. Гавриленко). Следовательно, глухарь в X–XIII веках для поднепровской лесостепи был обычной птицей.<sup>201</sup>

Интересно также наличие в «кухонных» слоях городищ среднего Приднепровья и костей кудрявого пеликана. Птица эта считается теплолюбивой и в настоящее время гнездится в дельте Волги и Терека, районах Южного Урала, Узбекистане, Казахстане, Иране и других более южных странах. Кудрявый пеликан крупнее пеликана розового, размах крыльев у него достигает 2 м, длина крыла самцов 75–77 см, самок – 58–77 см. Весит такая птица 9, 12 и даже 13 кг.

Наверное, всем понятно, что накопление костей птиц и животных в раскопанных слоях происходило многие десятки, может быть, даже в течение сотен лет. Количество обнаруженных диких животных во всех, и в более южных, и в более северных раскопанных городищах очень невелико, по несколько десятков, а иногда и в единичных экземплярах. Чуть больше число останков дикой птицы. Зато основная и очень многочисленная масса костей принадлежит домашним животным. Конечно, нельзя утверждать, что простое население Руси охотой вообще не занималось. Охотничьи угодья (ловы) были не только у князей, но и у простого люда. Лаврентьевская летопись, сообщая о злоупотреблениях князя Ярослава, указывает, что новгородцы в 1270 году обвинили его в самовольном «завладении ловлями», принадлежавшими народу: «*Княже, чему еси отъял Волхов гоголиными ловцы, а поле отъял заячими ловци?*».<sup>202</sup> Кроме того, во время сезонных миграций животных, когда они сами большими табунами выходили на общинные поля или луга, сельчане вполне могли устраивать массовые облавы. Но это были частности. В целом, охота на Руси, видимо, не была массовым занятием, а, также, как и сейчас, являлась особым развлечением, скорее даже, способом жизни знати.

---

<sup>199</sup> Кириков. 1979. Стр. 17.

<sup>200</sup> Кириков. 1979. Стр. 18.

<sup>201</sup> Кириков. 1979. Стр. 17.

<sup>202</sup> Аристов. Стр. 16.

Как ни странно, примерно такая же картина наблюдалась и в повседневном быту кочевников. Известный советский учёный-палеозоолог, доктор биологических наук Вениамин Иосифович Цалкин, работавший в Институте археологии АН СССР, пропустил через свои руки не одну тысячу костей животных, доставленных полевыми археологами. Поэтому его мнение является достаточно авторитетным в среде специалистов. По результатам раскопок в Поволжье древнего города Сарай Берке (в XIII–XIV веках бывшего столицей Золотой Орды) он написал монографию «Домашние животные Золотой Орды», где сообщил о полученных результатах. При раскопках Сарай Берке было исследовано более 24 тысяч костей 14 различных видов домашних и диких животных. Дикими животными были сайгак, лисица, перевязка и заяц-русак, то есть самые обычные виды, существующие и сейчас. Ни останков гепардов, ни каких-либо других экзотических животных обнаружено не было.

*«Обращает на себя внимание не только узость видового состава диких животных, но и малочисленность костных остатков их в Сарае Берке. Они составляют менее 0,2 % от общего количества костей из этого археологического памятника и 2,2 % минимального количества особей, которым они принадлежали. При этом большая часть остатков диких животных происходит от зайцев. Представляется достаточно очевидным, таким образом, что в жизни населения столицы Золотой Орды охота не имела сколько-нибудь существенного хозяйственного значения»,* – писал учёный.<sup>203</sup> Это не совсем вяжется с многочисленными публикациями, утверждающими, что охота, наряду со скотоводством, была одним из основных занятий татар. Да и наш знакомый Иосафат Барбаро красочно описывал буйство дикой природы в низовьях Дона, в окрестностях города Тана:

*«Ночью, если окна в домах были отперты, птицы, привлеченные светом огня, влетали даже в самые комнаты. Диких зверей, как то оленей и других, сбежалось также безчисленное множество; но они боялись подходить слишком близко к городу».*<sup>204</sup> В такой ситуации горожане просто обязаны были питаться дармовым мясом зверя и птицы. Чем можно подтвердить эти догадки? Воспользуемся материалами доклада Ю. Я. Кожевниковой «Фауна средневекового Азака» на Азовской научно-практической конференции 1986 года по истории Поволжья и Северного Причерноморья. Город Азак (Тана), будущий Азов, располагался в низовьях Дона. Исследуя кости животных, птиц и рыб, обнаруженные археологами при раскопках культурного слоя XIV века, Ю. Я. Кожевникова приводит интересные данные: *«Из всего обилия животных, только четыре особи были дикими. Найдены кости 1 лося, 2 благородных оленей, и 1 лисицы».*<sup>205</sup>

Другой исследователь, Аида Григорьевна Петренко, для волжского города Великого Болгара также отмечает всего 0,2 % костей диких животных от всего их количества в культурном слое этого древнего поселения.

Значит, справедливо считают исследователи, охота не имела существенного хозяйственного значения для древних степных городов Поволжья и Придонья. А как же быть с описаниями Иосафата Барбаро или Абулгази-Баядур-Хана о массовых облавных охотах, которые устраивали татары? Скорее всего, такие мероприятия численностью в несколько тысяч или десятков тысяч человек не были обыденным явлением, а являлись неким древним ритуалом. Но здесь надо сделать оговорку. Отряды татар или других степных кочевников охотились большей частью на марше в степи, где и оставались останки животных и птицы. И в таких степных походах действительно могли питаться большей частью дичью.

При охоте на пушного зверя тушки животных до городов просто не доходили. Шкурки снимались вблизи мест охоты, а мясо добытых зверьков, скорее всего, употреблялось охот-

---

<sup>203</sup> Цалкин. 1967. Стр. 116.

<sup>204</sup> Барбаро. Стр. 21.

<sup>205</sup> Кожевникова. 1989. Стр. 79.

никами в пищу. (В сибирской тайге охотники-промысловики в советское время охотно использовали в пищу тушки добытых белок, куниц, соболей и совсем не по причине бескормизы. Полевика-«научники» тоже не гнушались такой едой. Суп из лисы, мясо которой у многих вызывает брезгливость, ничем не хуже супа из зайчатины, а мясо белки вообще является деликатесом).

А вот ещё одно сообщение Марко Поло о татарской охоте во времена Кублай-Хана (внука Чингис-Хана): *«Ни одному купцу, ремесленнику и поселянину не дозволяется держать у себя соколов или других птиц, употребляемых для охоты, также и охотничьих собак, а вельможам и дворянам воспрещается охотиться в окрестностях тех мест, где находится его величество... Но в других местах охота им не воспрещается»*.<sup>206</sup> Оказывался, круг лиц, которым разрешалось охотиться с собаками и соколами, был строго ограничен (вполне вероятно, что такая регламентация касалась и населения русских княжеств), да ещё был особый запрет на охоту в любимых угодах Великого Хана:

*«Еще существует закон, запрещающий всем, живущим во владениях его величества, травить зайцев, диких коз, оленей и других подобных животных или больших птиц с марта до октября, потому что они в это время растут и плодятся, и так как за нарушение этого закона полагается строгое наказание, то дичь размножается в неимоверном количестве»*.<sup>207</sup> Очень любопытно, что уже в XIII столетии на территориях, подвластных Орде, действовало природоохранное законодательство. И кто перед кем здесь предстаёт «диким варваром»?

Если учесть всё вышесказанное, получается, что даже в Кипчакских степях охота на дикого зверя и птицу была строго регламентирована и являлась не таким уж массовым и обычным занятием. Окончательно проясняет ситуацию с охотой заметка Марко Поло о пище татар. Он сообщает, что кочевники особенно *«любят мясо и молоко; едят то, что доставляет им охота и в особенности одно маленькое животное, похожее на кролика и называемое в народе фараоновой мышью, которое в летнее время появляется в большом количестве на равнинах; но они не пренебрегают и мясом лошадей, верблюдов и даже собак, если они хорошо откормлены»*.<sup>208</sup> То есть основной пищей кочевников все-таки было мясо не дичи или лошадей, а домашнего скота, в больших количествах использовалось молоко и продукты его переработки. А объектом массовой охоты была некая «фараонова мышь». Толковый словарь Владимира Даля сообщает: *«Фараонова мышь, перевдн. Viverra Ichneumon, зверок в Египте, выедающий яйца крокодила»*.<sup>209</sup> Современная электронная энциклопедия – Википедия, сообщает, что «фараонова мышь» – это египетский мангуст.

Вряд ли в наших степях водились крокодилы и египетские мангустаны. Скорее всего, фараоновой мышью, которая «похожа на кролика», Марко Поло назвал степного сурка (байбака). Эти достаточно крупные животные (весом до 6, отдельные экземпляры до 11 кг) в большом количестве обитали на наших землях в былые времена. Добыча эта вполне съедобная, можно даже сказать деликатесная. По отзывам охотников, мясо сурка напоминает по вкусу молочного поросенка. Его жир считается целебным и тоже очень приятен на вкус. Кстати, в пищу употребляли и более мелких грызунов – степных хомяков и сусликов, которые до сих пор водятся в наших степях. Для охоты на такую дичь – сурков, хомяков и сусликов, разрешение хана точно не требовалось. А эти грызуны, кроме вкусного мяса и жира, давали ещё и шкурки с неплохим мехом.

<sup>206</sup> Марко Поло. Стр. 108–109.

<sup>207</sup> Марко Поло. Стр. 109.

<sup>208</sup> Марко Поло. Стр. 64.

<sup>209</sup> Даль. Т. 2. Стр. 958.

При раскопках в Азаке были обнаружены и дикие птицы: кости одного орла-могильника, одного беркута, одной дрофы и одной вороны. Выявлены также кости четырех гусей, но идентифицировать – были они дикими или домашними – ученые не смогли.<sup>210</sup> Трудно представить, что жители Азака любили питаться мясом орлов. Значит, среди горожан были достаточно знатные граждане, имеющие право держать охотничьих птиц. Ворона, конечно, попала сюда случайно в силу естественных причин.

Рыбы жители этого города ели очень много, в том числе значительное количество осетровых. Особенно впечатляют размеры этой съеденной рыбы. Длина сазанов достигала метра (48–98 см), тарани чуть меньше полуметра (32–43 см), судака от 54 до 70 сантиметров, щуки до 1,3 метра. Очень крупной была стерлядь – от 67 до 97 сантиметров, ненамного меньше осетров, которые достигали длины 1,3 метра. Были и настоящие монстры – белуги длиной около 3,6 метра, сомы от 1,5 до 3,1 метра, севрюга – от 1,4 до 1,75 метра. Результаты раскопок свидетельствовали – лов рыбы играл важную роль в жизни населения низовий Дона. Сомы до трёх метров, белуги до четырёх метров, сейчас это кажется фантастикой. Можно предположить, что такое же видовое разнообразие и обилие ихтиофауны, как в реке Дон, существовало и в других близлежащих реках Черноморского бассейна – в Северском Донце и Днепре.

Но всё же основная масса обнаруженных костей принадлежала не диким животным, не птице или рыбе, а домашнему крупному и мелкому рогатому скоту. За какой-то период XIV века жителями было съедено 597 коз и овец, 173 коровы, быка и вола, 33 лошади, 10 свиней, 3 верблюда. В целом такая структура потребления скота наблюдалась на всей территории Золотой Орды, что видно из таблицы, составленной Ю. Я. Кожевниковой.

**Соотношение между видами домашних животных по числу особей в слоях XIV века, %<sup>211</sup>**

Животные	Кожевникова, 1983–1985 гг.	Цалкин, 1967 г.		Петренко, 1978 г.
	Азак.	Великий Болгар.	Сарай Берке.	Великий Болгар.
Крупный рогатый скот	21,2	13,8	22,5	11,7
Мелкий рогатый скот	73,2	76,4	64,2	80,2
Свиньи	1,2	Единичные	0,5	Единичные
Лошади	4,1	9,2	11,3	7,2
Верблюды	0,3	0,6	1,5	0,9

В мясном рационе жителей Дикого Поля преобладали овцы и козы, их доля колебалась в районе 70–80 %. На втором месте по популярности у татарского населения был крупный рогатый скот (от 12 до 23 %). Вопреки устоявшимся представлениям, конина в Орде не была пищей повседневной, её доля в общем составе съедаемых животных была не более 12 %. Совсем в небольших количествах употреблялись в пищу верблюды и свиньи. Найденные в

<sup>210</sup> Кожевникова. 1989. Стр. 80.

<sup>211</sup> Кожевникова. 1989. Стр. 85.

кухонных остатках кости были сильно разрушены, особенно это касается черепов животных, Вениамин Иосифович Цалкин называл такую картину типичной. Причём разрушены кости и черепа были ещё во времена оно.<sup>212</sup> По результатам исследования становятся совершенно очевидными вкусовые пристрастия кочевников: они предпочитали то, «чего вкуснее нет в мире», – мозговые кости и бараньи мозги.

В Азаке возраст использованного в пищу мелкого рогатого скота был разный, большей частью от двух лет и более (11,9 % забитых особей моложе 3 месяцев, 8,5 % до одного года, 28,9 % до двух лет и 50,8 % старше двух лет). Среди всех животных этой группы овец было около 80 %, меньше было коз – 20 %.<sup>213</sup>

Вениамин Иосифович Цалкин определил существование в XIV веке трёх пород овец и различал их как «золотоордынская», «болгарская», «древнерусская лесная». По результатам раскопок поволжского города Великого Болгара – болгарские из них самые крупные и самые ширококостные, ордынские чуть мельче. Рост золотоордынских овец колебался от 58 до 78 сантиметров, соответственно болгарские были крупнее. Самыми мелкими были «древнерусские лесные». Три эти породы разводились повсеместно по всей территории Восточной Европы. С течением времени «золотоордынская» дала начало современным «каракульским», «романовским», «северным короткохвостым» овцам.<sup>214</sup> Величина домашних коз того времени составляла в среднем 64 сантиметра в холке,<sup>215</sup> это примерно соответствует росту одной из мелких современных пород – ангорской козы (63–66 сантиметров). Кстати, ангорская коза имеет как раз азиатское происхождение и очень древние корни. Ещё мельче ангорской – кашмирская коза, которая дает очень тонкую и мягкую шерсть, тот самый знаменитый «кашемир». Эту породу тоже с глубокой древности разводят на высокогорных плато величественных горных массивов Азии.

Много ли было в древние времена пород крупного рогатого скота на наших землях? По результатам археологических исследований В. И. Цалкин считал, что во II тысячелетии нашей эры на территории Восточной Европы таких пород было две, и они значительно отличались между собой.

Первая порода – это скот кочевников южных степей от Днепра до Волги, более крупный и грубокостный, распространенный и в Среднем Поволжье, и у Волжских Болгар – так называемый «золотоордынский скот». Это тот скот, который исследовала Ю. Я. Кожевникова при раскопках Азака, и сам Цалкин при раскопках Сарай Берке.

Вторая порода – это «древнерусский лесной скот», малорослый и тонкокостный, разводившийся славянскими племенами в лесной зоне нынешних Белоруссии, Украины и России, а также жителями Восточной Прибалтики. Тот же или по крайней мере очень близкий по размерам и структуре костей скот, судя по многочисленным публикациям зарубежных исследователей, разводился жителями Центральной, Западной и Северной Европы. Имеется также установленный факт смешения золотоордынской и древнерусской лесной породы в районе верхней Волги по результатам археологических раскопок Старой Рязани.<sup>216</sup>

В целом, по современным меркам, скот тех веков был не очень крупный, если не сказать наоборот. По измерениям Ю. Я. Кожевниковой, высота быков (из раскопок в Азаке) в холке была в среднем 117,2 см, коров 113,4 см, волов 125 см<sup>2</sup>. В. И. Цалкин также сообщал, что для «золотоордынского» скота обычен рост 115–125 сантиметров, а вот для «древнерусского» характерна высота в холке в пределах 100–115 см. Представьте такую буренку или

---

<sup>212</sup> Цалкин. 1967. Стр. 117.

<sup>213</sup> Кожевникова. 1989. Стр. 85.

<sup>214</sup> Цалкин. 1967. Стр. 124–125.

<sup>215</sup> Кожевникова. 1989. Стр. 82.

<sup>216</sup> Цалкин. 1967. Стр. 121.

быка высотой один метр – впечатляет? И такой домашний скот водился на территории практически всей Европы. Недаром средневековым европейским путешественникам домашний скот татар казался очень рослым.

Среди употреблённого в пищу крупного рогатого скота преобладали быки, причем, старших возрастов (95,5 % старше 24–28 месяцев).<sup>217</sup> В Азаке разводили и свиней, причем, забивались они преимущественно в молодом возрасте (более 75 %).<sup>218</sup> Потребляли свинину и в другом степном городе – Сарай Берке, столице Золотой Орды. Но кочевники в степях от Днепра до Волги свиней вообще не разводили, это не соответствовало их стилю кочевой жизни. В. И. Цалкин наличие свиных костей в средневековом культурном слое Сарай Берке объяснял наличием там общины русских ремесленников, которые и употребляли свинину в пищу. В Азаке свиней разводили, видимо, живущие там венецианцы. В любом случае количество потребляемых в пищу свиней и в Азаке, и в Сарай Берке было очень незначительным. Отдельно стоит отметить факт употребления в пищу горожанами Азака двухгорбых верблюдов, которые в то время в наших степях были самыми обычными домашними животными.<sup>219</sup>

Кости лошадей были немногочисленны. Поэтому можно говорить о том, что лошади, вопреки сложившемуся представлению, не были самым излюбленным блюдом степняков. И забивали их далеко не в молодом возрасте. Костей молодых животных (в возрасте до 4 лет) в раскопанном «культурном» слое было только около 25 %, что, как отмечают исследователи, «в целом типично для золотоордынских городов». Значит, несмотря на обилие лошадей, их берегли и под нож пускали уже престарелых или больных скакунов. В городах Сарай Берке и Великом Болгаре основная масса лошадей была «малорослой», а в Азаке «среднерослой». Кроме того, ученые отметили деление лошадей на тонконогих, среднетонконогих и полутонконогих (надо же, какая удивительная классификация). А были ещё крайнетонконогие, средненогие, полутолстоногие и т. д.<sup>220</sup>

Вениамин Иосифович Цалкин обнаружил в археологическом слое Золотоордынской столицы кости двух лошадиных пород, которых он классифицировал как «золотоордынский конь» и «древнерусская лесная лошадь». Древнерусские лесные лошади были чуть мельче золотоордынских скакунов (средняя высота в холке соответственно 132,5 см, и 135,3 см). Разновидностей их было множество. Кроме классификационного отличия по толщине ног, ученые различали животных и по росту. Очень мелкие (высота в холке 112–120 см), мелкие (120–128 см), малорослые (128–136 см) средние (136–144 см), рослые (144–152 см), крупные (152–160 см).<sup>221</sup>

Как вам «древнерусский лесной» скакун высотой чуть более метра? А теперь представьте дружины киевских князей на этих лошадях. Картина, наверное, была очень зрелищной. Поневолу вспоминается Иван Царевич на Сером Волке.

Основной домашней птицей, жившей в Азаке, были куры. Были обнаружены две разновидности этой птицы – крупная, по размерам соответствующая современным курам, и мелкая, близкая к курам бентамским (порода карликовых кур, которую сейчас разводят как декоративную).<sup>222</sup> Неясно, участвовало ли куриное племя в кочевых степных переходах татарской орды. Однако напрашивается предположение, что именно миниатюрные птицы очень удобны для содержания в некоем сплетенном из лозы мобильном курятнике, располо-

<sup>217</sup> Кожевникова. 1989. Стр. 80.

<sup>218</sup> Кожевникова. 1989. Стр. 83.

<sup>219</sup> Кожевникова. 1989. Стр. 83.

<sup>220</sup> Кожевникова. 1989. Стр. 82.

<sup>221</sup> Цалкин. 1967. Стр. 127.

<sup>222</sup> Кожевникова. 1989. Стр. 80.

женном на скрипучей татарской арбе. В этом случае очень экзотично смотрелся вылет этой стаи малюсеньких курочек и петушков, выпускаемой хозяйкой на прогулку в степь. И наверняка птица сама находила дорогу домой, на арбу?

Стоит упомянуть об обнаруженных в Азаке костях 20 собак и 5 кошек. Собаки были, по крайней мере, двух пород (интересно было бы узнать каких), причем основная часть костей принадлежала щенкам. Ю. Я. Кожевникова считает, что употребление собак в пищу маловероятно. Может быть, щенков забивали ради мягкого и качественного меха? Взрослые псы, видимо, были надежными сторожами, пастухами или умелыми охотниками. А кошка уже тогда была домашней любимицей хозяек, незаменимым борцом с полевыми грызунами.<sup>223</sup>

---

<sup>223</sup> Кожевникова. 1989. Стр. 83.

## Глава 9 Степь

*...Не терплю богатых сеней, мраморных тех  
плит;  
От царьградских от курений голова болит;  
Душно в Киеве, что в скрине, – только киснет  
кровь,  
Государыне-пустыне поклонюся вновь!*

*...Снова веет воли дикой на него простор,  
И смолой и земляникой пахнет тёмный бор.*

*Алексей Толстой*

Как вы помните, в восточных языках степные пространства от Дуная до Иртыша носили название Дешт и Кипчак, Большой или Малый Хейхат. Оседлые народы, славяне называли эти пространства по-другому.

В древнерусских летописях безбрежные ковыльные просторы, куда «добывать славу ратную» уходили княжеские дружины, назывались Диким Полем или просто Полем. Летописец, творец «Задонщины», описывая в XV веке битву воинов Московского князя Дмитрия Донского и отрядов темника Золотой Орды Мамая, упоминал Поле Куликово. В русских былинах, сказаниях, в письменных источниках Кипчакская степь звалась Полем Половецким.

Такое же название существует и в польском языке. На карте французского военного инженера и картографа Г. Л. де Боплана (Carte d'Ukraine) степи названы по-польски Dzikie Pole (Дикое поле). На этой же карте мы видим и латинское название – Loca Deserta «Необитаемые, безлюдные, пустынные места», что в смысловом выражении соответствует персидскому и османскому «heyhat».

В древнерусском языке, кроме термина Дикое Поле, существовал и ещё один – Пустыня. В те времена смысловое выражение этого слова отличалось от нынешнего и в точности соответствовало всё тому же восточному «heyhat». В словаре у Даля: «*Пустыня, ж. необитаемое, обширное место, простор, степи. [Глас вопиющего в пустыне]*».<sup>224</sup> В словаре церковно-славянского языка (выпуск Академии Наук от 1847 года) сказано коротко и просто: «*Пустыня – необитаемое место*».<sup>225</sup> Как дополнение к «Пустыне» существовало и другое название – Пустынь, с ударением на первом слоге, которое обозначало уединённую обитель, одинокое жильё, лачугу отшельника, нештатный монастырь.<sup>226</sup> Помните, знакомые названия Оптиная пустынь, Соловецкая пустынь, Саровская пустынь? Но ни в одном древнем источнике не упоминается привычное нам слово «степь». Откуда же пришло это название, с которым связано множество произведений русской литературы, целый пласт многовековой культуры Руси?

Для того чтобы разобраться с этим, обратимся за помощью к специалистам. Откроем материалы III Международного симпозиума «Степи северной Евразии» от 2003 года доклад

---

<sup>224</sup> Даль. Т. 4. Стр. 1421.

<sup>225</sup> СЦСРЯ. Т. 3. Стр. 580.

<sup>226</sup> Даль. Т. 4. Стр. 1421.

В. А. Бушакова и Н. Е. Дрогобыч «О происхождении ландшафтного термина степь». Существуют правила формирования тех или иных слов, общие для разных языков. Например: от общесемитского корня *'rb* – быть сухим, пустынным, образовано библейско-еврейское *'arābāh* – пустынное плато, степь, от которого происходят арабское название *al-'arabat* – пустыни к югу от Мертвого моря (отсюда греческое *Αραβία* и латинское *Aravia*). А также этноним *'arab* – арабы, бедуины, *'urb* – арабы; бедуины (обитатели степи). Видимо, в ряду этих названий находится и привычное нам – Арабатская стрелка. Образование в языке нового слова для передачи понятия «степь», скорее всего, связано с использованием для этой цели уже слова существующего, отражающего признаки степного ландшафта: пустыньность, плоский рельеф, необозримость пространства, травянистая растительность либо что-то подобное.

Подходящие слова имеются в германской, романской, финно-угорской, греческой группе языков: английское – *steppe*, немецкое – *steppe*, французское – *steppe*, испанское – *estepa*, финское – *steppi*, венгерское – *szyepp* и даже греческое – *Στέππη*. Считается, что впервые слово степь (англ. *steppe*) употребил Уильям Шекспир в пьесе «Сон в летнюю ночь», опубликованной в 1600 г.<sup>227</sup>

Но подобные слова существовали и в славянских языках. Древнерусское слово *стень* – обозначало «хребет, спину, холку быка, коровы, лошади», «спину борзой собаки», сюда же относится *стена* – спина в новгородских говорах. Филологи утверждают, что существует устойчивая семантическая связь «спина» ↔ «возвышенность», и здесь проявляется вторичное значение слова *стень* – «луг, пастбище на возвышенном месте, поляна на возвышенном месте». Отсюда *стень* – безлесная возвышенность, водораздел в мезенском и архангельском говорах, сюда же следует отнести *степ* – непроходимое место на горе, и *стена* – пропасть, в бойковском диалекте (одном из древнейших в украинском языке). А также польское – *step* (м. р.), чешское и словацкое *step* (ж. р.), болгарское – *стен* (ж. р.).<sup>228</sup> Трудно сказать, с какого времени в русском языке просторы Дешт и Кипчак, Дикое Поле, стали именоваться ландшафтным термином «Степь». В «Книге Большому Чертежу», фундаментальном произведении XVI столетия, написанном по приказу царя Иоанна IV Васильевича (Грозного), выполнена топография земель Московского государства, в том числе, и зоны южного пограничья. В книге дана подробная роспись Муравского, Изюмского шляхов, Кальмиусской сакмы до самого Перекопа, но термин *Степь* в этом описании пока ещё не использовался. В современном его значении это слово употребил московский купец Федор Котов, совершивший в 1623 году «хождение в Персию», в записках: «О ходу в Персидское царство и из Персиды в Турскую землю, и в Индию, и в Урмуз, где корабли приходят»:

*«И от Астрахани до Терка и от Терка до Астрахани сухой путь есть же, ходят степию в станицах».*<sup>229</sup> И хотя наверняка в русском разговорном языке этот термин использовался и ранее, с XVII века *Степь* входит в русскую литературу. С этого момента многие русские писатели использовали его в своих бессмертных произведениях. Действительно, невозможно описать степь лучше, чем это сделал русский классик:

*Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывающиеся в них, как в лесу, вытоптывали их.*

<sup>227</sup> Бушаков. Дрогобыч. Стр. 109–111.

<sup>228</sup> Бушаков. Дрогобыч. Стр. 110–111.

<sup>229</sup> Временник. Кн. 15. О ходу в Персидское царство. Стр. 3.

*Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; жёлтый дров выскакивал вверх своєю пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный бог знает, откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи.*

*Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог весть в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною чёрною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем... Черт вас возьми, степи, как вы хороши!..*

*Н. Гоголь. Тарас Бульба*

Степь не была «безжизненными, пустынными местами», она всегда была полна жизни. Как мы знаем из многочисленных записок иностранных путешественников, места наши были очень обильны, в степи водилось множество зверя и птицы, реки были полны рыбой. Вот ещё одна запись, сделанная знакомым нам литовским дворянином Михалоном Литвином, которая касается земель Среднего Приднепровья:

*«Зверей такое множество в лесах и степях, что дикие волю (bisonτες), дикие ослы (opagri) и олени убиваются только для кожи, а мясо бросается, кроме филейных частей; коз и кабанов оставляют без внимания. Газелей такое множество перебегают зимою из степей в леса, а летом в степи, что каждый крестьянин убивает тысячи. На берегах живет множество бобров. Птиц удивительно много, так что мальчики весною наполняют лодки яйцами уток, диких гусей, журавлей, лебедей, и потом их выводками наполняются птичьи дворы. Орлят запирают в клетки для перьев к стрелам».*<sup>230</sup>

Свидетельства о тысячах добываемых крестьянами газелей, о мясе оленей и «диких волов», бросаемом за ненадобностью, скорее всего, являлись полемическим преувеличением. Но описание природы нашего края первой половины XVI столетия, сделанное пером современника, конечно, представляет интерес. Особенно любопытна для меня информация о сборе яиц дикой птицы для её дальнейшего разведения. Эти записи Михалона Литвина заставляют вспоминать давние яркие картинки моей жизни.

Дело в том, что в 80-х годах теперь уже прошлого века, после окончания Днепропетровского университета, мне довелось жить и работать в одном из глухих таёжных сибирских посёлков. Посёлок, населённый малочисленной северной народностью, стоял на берегу большого таёжного озера. Озеро это принимало весной огромные перелетные стаи диких гусей, уток и даже лебедей. После начала гнездования прилетевшей птицы в посёлке начинался праздник весеннего сбора яиц. Именно праздник, потому что к нему готовились заранее всей общиной, ждали решения старейшин. И вот, получив отмашку, в тёплый солнечный июньский день жители посёлка – малые дети, их родители, бабушки с дедушками, с корзинами, вёдрами, тазами, тазиками, кастрюлями, с закусками и напитками устремлялись к берегу озера. Лодки легко скользили по воде, взятые из дому ёмкости быстро наполнялись яйцами дикой птицы из многочисленных прибрежных гнезд.

---

<sup>230</sup> Литвин. Стр. 61–63.

Две недели посёлок питался яичными блюдами всевозможных видов. Яйца варёные и жареные, пироги, кулебяки, расстегаи с яичной начинкой и июньской таёжной зеленью. Салаты, домашние майонезы и множество других яичных блюд, на которые только хватало сил и фантазии хозяек. Стайки девушек мыли волосы самодельным яичным шампунем прямо на берегу таёжной речки. Яичное пиршество!

Кроме того, значительная часть яиц подкладывалась под домашнюю птицу и очень скоро поселок оглашался писком гусиных и утиных выводков (берег озера вблизи поселка издавна был поделён между его жителями и каждый участок прямо в воде огорожен густым частоколом). Каждая такая водная птицеферма принимала, в зависимости от возможностей и потребностей семьи, большую или маленькую стаю диких утят и гусят, которые на хозяйских кормах к осени успевали набрать солидный вес. К заморозкам сельчане получали солидную прибавку в бюджет семьи в виде значительного количества упитанных тушек откормленных водоплавающих.

Уникально в этом действе было то, что оно не наносило вреда диким пернатым, издавна гнездящимся возле посёлка. Поскольку яйца изымались в первые дни гнездования, разочарованные родители через небольшой промежуток времени делали вторую кладку и выводили к осени (времени было достаточно) полноценное потомство. Охотиться на это маточное поголовье было категорически запрещено местными обычаями. Кроме того, жители следили, чтобы поселковые собаки не тревожили без нужды дикие гнездовья, и даже отстреливали лис, которые рискнули промышлять у берега. Вообще-то редкий таёжный зверь будет беспокоить птиц, гнездящихся на этом озере, вблизи людских жилищ.

Такой вот древний обычай, своеобразный симбиоз человека и дикой природы, который наверняка насчитывал многие столетия, а может быть, и тысячи лет. Описания Михалона Литвина являются лучшим тому подтверждением. Оказывается, подобный способ разведения дикой птицы существовал в древности и в наших краях. Какая красочная картина: многочисленные выводки диких гусей, уток, журавлей и лебедей, наполняющих хозяйские птичьи дворы!

Самым крупным животным, обитавшим на наших ковыльных просторах, общепризнанным царём степей с начала исторической эпохи были не мамонт и не шерстистый носорог. Дикие быки – *Туры*, учили мужчин настоящей охоте со времен детства человечества, они и стали одними из первых домашних животных. Туры – это те самые быки, которых Герберштейн называл *дикими волами (bisontes)*. Так же, как неисчислимые стада диких бизонов топтали просторы американских прерий, большие стада туров кочевали по бескрайним просторам Евразии. Какую угрозу представлял этот былинный Тур, видно из рассказа Владимира Мономаха об опасностях, подстерегавших его на княжеских охотах: «*Тура мя два метала на розех с конем, говорит он, олень мя один бол...*».<sup>231</sup> «Метать» седока вместе с конём (даже если конь был высотой чуть более метра) могло только очень сильное и свирепое животное (представляю ощущения незадачливого охотника). О буйстве тура свидетельствует и само его старорусское название буй – тур. Перелистаем справочник-объяснение малоизвестных слов в книге «Славянская хрестоматия или памятники отечественной письменности от XI до XVIII века» издания 1849 года: *Буй или буйи – буйный, глупый: буйи и слипи; буйи и сл#пи; дыкий: буй – туръ (дикий вол)*.<sup>232</sup> Вероятно, от этих старославянских выражений берёт начало ещё одно название грозного быка – буйвол (буй – вол). Часто вместо буй – тур употребляли другое словосочетание яр – тур: *Ярь – ярый, свир#ный: ярь*

<sup>231</sup> Аристов. Стр. 10.

<sup>232</sup> Пеннинский. Стр. 376.

– турь, тоже, что буй – турь.<sup>233</sup> За многие столетия тур стал настолько легендарен, что превратился в эпический образ, который широко использовался в русском устном и письменном творчестве. Летописец в Слове о полку Игореве сравнивает силу князя Всеволода с могучим яр – туром:

Славный яр тур Всеволод! С полками  
В обороне крепко ты стоишь,  
Прыщешь стрелы, острыми клинками  
О шелома ратные гремишь.  
Где ты ни проскачешь, тур, шеломам  
Золотым посвечивая, там  
Шишаки земель аварских с громом  
Падают разбиты пополам.  
И слетают головы с поганых,  
Саблями порублены в бою,  
И тебе ли, тур, скорбеть о ранах,  
Если жизнь не ценишь ты свою!

*(Перевод Н. Заболоцкого)*

Если говорить точнее, таких быков на землях Восточной Европы было два: собственно первобытный бык – тур (*Bos primigenius*), о котором идёт речь, и зубр или европейский бизон (*Bison bonasus*). Как выглядит зубр, знают практически все, после второй мировой войны стараниями советских учёных он стал разводиться в заповеднике Беловежская Пуща. Дикий тур к настоящему времени вымер, считается, что последнее животное погибло в 1627 году в Польше, где в искусственных условиях содержалось несколько его особей. Сигизмунд Герберштейн в «Записках о Московских делах», изданных в 1550 году, оставил описание последнего стада первобытного быка: *«Буйволы водятся в одной только Мазовии, которая погранична с Литвою; на тамошнем языке называют их Турами... Это настоящие лесные быки, ничем не отличающиеся от домашних быков, за исключением того, что они совершенно чёрные и имеют вдоль спины белую полосу наподобие линии. Количество их не велико, и есть определенные деревни, на которых лежит уход за ними и охрана их, и таким образом за ними наблюдают почти не иначе, как в каких нибудь зверинцах»*.<sup>234</sup> В Европе того времени вокруг тура с зубром происходила постоянная путаница, их то считали одним животным, то сообщали совершенно фантастические сведения о том или другом. Наверное, поэтому барон Герберштейн постарался подробно описать обоих тяжеловесов, даже сделал их зарисовки и объяснил различия между ними. Зубр в его описании выглядит так:

*«Германцы неправильно зовут его Ауох или Уох; это имя подобает буйволу, имеющему совершенно вид быка, тогда как бизонты совершенно не похожи на них по виду. Именно у бизонтов есть грива; шея и лопатки мохнаты, а с подбородка спускается нечто вроде бороды... На спине у них возвышается нечто вроде горба, а передняя и задняя части тела ниже спины»*.<sup>235</sup> А вот как выглядит в описании Брокгауза и Эфрона тур:

*«...Древний тур хорошо был известен нашим предкам, был животным массивным, с длинными рогами, гнедой масти, отличался громадной силой и быстротой, любил держаться в местностях болотистых и лесистых, как привольных для корма и уединенных. По былинам, границы обитания тура определяются Приднепровьем, землею Волынской и*

---

<sup>233</sup> Пеннинский. Стр. 427.

<sup>234</sup> Герберштейн. Стр. 174.

<sup>235</sup> Герберштейн. Стр. 173.

пущами литовскими; но народный язык и названия разных урочищ, в которых сохранилось имя тура, расширяет эти границы на восток до верховьев Донца, а на север – до Ладого (где есть Турова пустынь), Грязовца и Галича».<sup>236</sup> Однако путаница с двумя быками продолжалась достаточно долго. Даже профессор Аристов уже в XIX столетии называл зубра туром, а отдельно классифицировал буйвола, помните: «В древних русских памятниках встречаются названия следующих зверей: пардуса или рыси, тура или зубра, буйвола, лося, оленя, серны, дикой козы...».<sup>237</sup> А что уж говорить об остальных.

В действительности, буйволом в Европейской и Азиатской Сарматиях называли именно тура, первобытного быка, возможно, его одомашненных сородичей. Хотя существовал и другой буйвол – азиатский бык, в частности, водяной (индийский) буйвол *Bubalus bubalis*, иногда *Bubalus agnee*, который всем хорошо знаком по сказке-мультфильму Маугли. Этих копытных, прирученных в незапамятные времена, разводили не только в Индии, они были распространены по всей Азии, в частности, в средневековых городах Закавказья. В литературе встречаются сообщения о том, что азиатский буйвол издавна разводился на территориях Румынии и Болгарии. Уже известный нам Адам Олеарий, описывая «Путешествие в Московию» в 1636 году, сообщал о разведении домашних буйволов на Каспийском побережье от закавказского Дербента до персидского Гиляна: «Крестьяне имеют у себя много буйволов, на которых таскают доски, деревья и всякия тягости... Молоко буйволовых самок так жирно, что с него отстаивается слой сливок, толщиною более чем в два пальца, и масло из этого молока чрезвычайно вкусное».<sup>238</sup>

Самки же туров – коровы не могли похвастаться обилием или особыми качествами молока, но если говорить о внешнем сходстве, то отдалённо туры с буйволами были схожи. В частности длинными, широко расставленными рогами. Но самым большим сходством с первобытным быком обладают несколько его ближайших потомков. Один из них испанский боевой бык, тот, которого мы видим на корридах, в захватывающих схватках с торреадором (теперь понятно, почему тура считали таким опасным животным).

Другим ближайшим одомашненным родственником дикого тура являлся так называемый серый степной (татарский) скот – массовая порода крупного рогатого скота стран юга Европы. В Российской империи его называли «черкасский скот», позже «серый степной украинский скот», эта порода копытных с глубокой древности разводилась на ковыльных просторах наших южных степей.

Такие животные не давали много молока, по нежности мяса они уступали свинине или баранине. Но зато превосходили количеством и массой. Именно быки серой степной породы кормили своим мясом целые страны (помните татарских быков Иосафато Барбаро: «Их так много, что они снабжают большую часть наших Италианских бойнь...» Уже в XIX столетии серый степной скот из Екатеринославской, Херсонской, Полтавской и Воронежской губерний обеспечивал мясом столицу империи – Санкт-Петербург: «Для продовольствия столицы пригоняется рогатый скот преимущественно черкасской породы, которая почитается лучшею на убой для мяса. Дальняя доставка Черкасаго скота значительно возвышает его цену: он идет большею частью из отдаленных, южных губерний, от 1500 до 2000 верст и более».<sup>239</sup> А самое главное, такие быки были незаменимы как тягловая сила. Вернее, не сами быки, а их кастрированные сородичи – волы, которые в отличие от быков обладали спокойным нравом и большей выносливостью. Столетие за столетием серые волы невозмутимо тянули по южным шляхам, мягким от пыли, арбы татарских кочевий, повозки

<sup>236</sup> Брокгауз. Эфрон. Т. X<sup>a</sup>. Стр. 944.

<sup>237</sup> Аристов. Стр. 3.

<sup>238</sup> Олеарий. ЧИОИДР. 1869. Кн. 1. Стр. 511

<sup>239</sup> Неболсин. Ч. 1. Стр. 222.

армянских купцов, возы чумаков, груженные рыбой и солью. Эта порода скота практически исчезла с массовым появлением железной дороги, автомобиля и трактора, исчезла вместе с чумаками. Увидеть сегодня такого быка или корову можно, наверное, только в заповеднике Аскания-Нова.

12000–10000 лет назад на планете разыгрывалась очередная природная драма, происходила массовая гибель прежде многочисленных групп животных, современников мамонта, которых нынешние учёные назвали «комплексом мамонтовой фауны». Вместе со стадами мамонта по холодным равнинам Евразии бродили свирепые шерстистые носороги, большерогие олени весом в несколько тонн и размахом рогов до 4 метров, овцебыки, северные олени, первобытные лошади, первобытные бизоны, первобытные туры. Их сопровождали хищники – пещерные львы и медведи, пещерные гиены, волки, песцы. Исчезновение мамонтов для нас осязаемо и очень наглядно, сохранившиеся в вечной мерзлоте туши и скелеты животных и их детёнышей являются гордостью многих палеонтологических музеев. В мире созданы десятки теорий, объясняющих причины этой природной катастрофы.

Но не все знают, что часть видов «мамонтова комплекса» дожила до наших дней. Некоторым животным для этого пришлось изменить среду обитания и даже географические и климатические зоны. Так северные олени, песцы и лемминги, современники мамонта, ушли на крайний север, где стали типичными обитателями тундры. Яки и овцебыки поднялись на заснеженные, низкотемпературные высокогорья, где сейчас являются неотъемлемой частью горных экосистем. Без лосей, волков и росомых трудно представить лесные зоны средне-русской полосы, а ведь они тоже выходцы из пустынных пространств «мамонтовой тундростепи» позднего плейстоцена. Сменила влажную, холодную, но очень обильную тундростепь на южные горячие сухие пространства ещё одна пара реликтовых животных – сайгак и верблюд.

Именно сайгак, древнее «живое ископаемое», сумел не только сохраниться как вид, пройдя многие тысячелетия, но и стал основным, фоновым животным Дикого Поля. Во время своего путешествия Сигизмунд Герберштейн отметил этот факт, хотя барон называл сайгака почему-то «лесной овцой»: *«На степных равнинах около Борисфена, Танаида и Ра водится лесная овца, именуемая Поляками Солгак, а Московитами Сейгак, величиною с козлю (capreolae), но с более короткими ногами; рога у ней приподняты вверх и отмечены круглыми линиями, вроде кружков; Московиты делают из них прозрачныя рукоятки ножей; эти животныя весьма быстры на бегу и могут делать очень высокие скачки»*.<sup>240</sup> Уже цитировавшийся Михалон Литвин также сообщал о множестве антилоп перебежавших из полей в леса: *«Газелей такое множество перебегает зимою из степей в леса, а летом в степи, что каждый крестьянин убивает тысячи»*.<sup>241</sup> Древность сайгака сказалась на его внешнем облике, который очень экзотичен и совершенно не походит на других копытных. Сильно вздутая, «горбатая» морда, нависающая надо ртом, мягкий и подвижный нос с большими, округлыми, близко расположенными ноздрями, которые направлены вниз и образуют что-то вроде хоботка. При беге сайгака этот хоботок раскачивается из стороны в сторону. Рога поставлены почти вертикально, чуть отклонены назад, имеют лирообразный изгиб. Они полупрозрачны, светлого воскового цвета, кончики бывают тёмными, на большей части имеют 12–14 (иногда 18–20), кольцеобразных валиков. Зимой серовато или красновато-жёлтые сайгаки выглядят совершенно по-другому. Они покрываются густой, матово-серой, почти белой шерстью и в этом наряде очень красочны. При отсутствии в степи снега животные кажутся

---

<sup>240</sup> Герберштейн. Стр. 175.

<sup>241</sup> Литвин. Стр. 63.

белоснежными и напоминают стадо сказочных пушистых овец или лёгких белых облачков, несущихся низко над степью.

Сайгак – одно из самых быстроногих копытных, чемпион по скоростному бегу, его полевая скорость достигает 80 км/час.<sup>242</sup> При этом бег его тоже очень своеобразен. Основной тип бега – иноходь, при этом животное низко, почти до земли опускает голову и движется совершенно ровно, без вертикальных колебаний туловища, время от времени совершая высокие обзорные прыжки. Издалека бегущих на большой скорости сайгаков трудно не узнать, стадо как бы планирует над самой землёй. Вот как описывал бег сайгаков Иоасаф Железнов в очерках быта уральских казаков в 1858 году: «*О взрослом сайгаке и говорить нечего: он бежит, как птица летит, как ветер несется. На бегу сайгак делает частые и высокие прыжки, и так легко и свободно, что если б каким ни на есть образом подвернулась к нему собака или он к собаке, то одним таким прыжком он очутится вне опасности*».<sup>243</sup> Штрихи к быстроте сайгаков добавил и профессор Эверсманн: «*...Быстрота бега его невероятна. Если идти против ветра или скрываться за холмами, то иногда близко случается подойти к сайгакам, и тут по истине удивительно видеть, как быстро они разбегаются в одно мгновение, так что чрез несколько секунд уже исчезают за горизонтом. Верховая лошадь не может догнать молодого осьмидневного сайгака*».<sup>244</sup> Брокгауз и Эфрон сообщали о случаях одомашнивания сайгаков степняками, при этом отмечалась лёгкость приручения этих животных: «*Киргизы выслеживают иногда беременных самок и после родов ловят неокрепших ещё детенышей; последние легко выкармливаются домашнею козю и ручнеют*».<sup>245</sup> Учитывая вышесказанное, можно предположить, что в былые века такие прирученные сайгаки не были редкостью в хозяйстве кочевников.

Реликтовое животное, сайгак, был коренным жителем нашей земли, степей Новороссийского края. Как вы помните, по сообщению Герберштейна, в XVI веке сайгак водился в междуречье Днепра, Дона и Волги. В 1950 году энциклопедия «Животный мир СССР» сообщала, что ещё в XIX веке сайгак был распространён от Карпат до юго-западной Сибири: «*Из семейства полорогих (Bovidae) в XVIII в. и отчасти ещё в XIX в. в степной зоне от Карпат до юго-западной Сибири была распространена своеобразная антилопа – сайга (Saiga tatarica L). В настоящее время сайга на территории степной зоны отсутствует и сохранилась лишь в немногих местах зоны полупустынь и пустынь, в частности, в Астраханской области, в полупустынях между низовьями Эмбы и Урала, на полуострове Бузачи, Усть-урте, в северном Приаралье...*».<sup>246</sup> Справочник «Млекопитающие Советского Союза» в 1961 году сообщал: «*Из северо-западных частей ареала, ранее других освоенных человеком, сайга исчезла уже в конце XVIII в. В это время она, как правило, уже не переходила на правый берег Днепра и к северу поднималась до линии Екатеринослав – Вольск – р. Самара – Общий Сырт (Броневицкий, 1834; Черной, 1853; Новицкий, 1907; Левченко, 1892; Сидоров, 1928; и др.)*».<sup>247</sup>

Кроме сайгака на территории Великой Степи обитала ещё одна небольшая степная антилопа – джейран, которую иногда называют «чёрный хвост» (чёрный конец хвоста резко выделяется на фоне белого «зеркала» сзади). Но в наших широтах она по-видимому не встречалась, её территория обитания – пустынные и полупустынные районы Азии.

<sup>242</sup> В. Смирин. Портреты степных зверей Европы и Северной Азии. Москва. 2008. Стр. 40.

<sup>243</sup> И. Железнов. Уральцы, очерки быта уральских казаков. Москва. 1851. Ч. 1. Стр. 175.

<sup>244</sup> Эверсманн. Ч. 1. Стр. 259–260.

<sup>245</sup> Брокгауз. Эфрон. Т. XXVIII<sup>a</sup>. Стр. 75.

<sup>246</sup> ЖМ. Т. 3. Стр. 75.

<sup>247</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 463.

Другое животное, относящееся к мамонтовой фауне, – верблюд, в историческую эпоху в Приднепровских степях встречался уже только в одомашненном виде. Причём из двух его существующих домашних форм, одногорбых (дромадеров) и двухгорбых (бактрианов) на просторах Кипчакской степи разводили только бактрианов (*Camelus bactrianus* L), как верблюдов наиболее неприхотливых и холодостойких. Дикий предок этих животных, дикий двухгорбый верблюд или хабтагай (*Camelus bactrianus ferus* Przewalski), ещё в XIX–XX веках обитал в западном Китае и в Монголии, а в Заалтайской пустыне Гоби и в окрестностях озера Лобнор он сохранился по-видимому до сих пор.<sup>248</sup>

Благородные олени и дикие козы – косули были для нашего края обычными видами. «Животный мир СССР» в 1950 году сообщал: «Из семейства оленей (*Cervidae*) в настоящее время в пределах степной и особенно лесостепной зоны в наибольшем количестве сохранились козули – европейская (*Capreolus capreolus* L) и сибирская (*C. Pygargus* Pall.). Козуля встречается ещё в ряде пунктов Украины, но только в больших лесах, хотя 200–300 лет тому назад (Браунер, 1923) она жила всюду: в степи, в лесах, плавнях, перекочевывая с одного места на другое. Другой представитель семейства оленей – благородный олень (*Cervus elaphus* L.) – местами встречался также на территории степной зоны, в частности на Украине».<sup>249</sup>

Как выглядит благородный олень (*Cervus elaphus* L), знают, наверное, все. Дикая коза или европейская козуля (козуля) (*Capreolus capreolus* L) также очень похожа на маленького изящного оленя, тем более что и она имеет небольшие ветвящиеся рога. Летний мех козули ярко-рыжий или ржаво-красноватый, на хребте более тёмный, насыщенный, в области хвоста выделяется большое белое или жёлтоватое пятно – «зеркало». Зимняя окраска – серая, сзади, по верхней границе «зеркала», имеется тёмная полоса, отделяющая «зеркало» от спины.<sup>250</sup> Молодые особи – рыжие, с характерными яркими пятнами, расположенными в три основных ряда. Пятна верхнего ряда резче и ярче других. Рога слабоветвящиеся, «европейского типа». Длина тела европейской козули 100–136 см, высота в плечах – 75–91 см, масса 20–37 кг. Ходят животные небольшими группами, состоящими из самца и 2–3 самок, это полигамные животные. Случается, они собираются крупными стадами до 100 голов и откочевывают на 100–200 км на летние пастбища.

В 50-е годы XX века граница ареала козули европейской проходила севернее Воронежа (Воронежский заповедник) у устья р. Воронеж, в месте впадения её в р. Дон, затем на Новохоперские и Борисоглебские лесные массивы и низовья реки Вороны. С Хопра граница шла на Валуйки, оттуда круто поворачивала к р. Деркуль, впадающей в Донец около Луганска, затем на Изюм, Новомосковск (к северо-востоку от Днепропетровска), пересекала Днепр и через Кировоградскую область подходила к Первомайску и Котовску. От Котовска ареал обитания козули входил в Молдавию, распространялся до р. Днестр, спускался до Бендер и Каушан, далее до Олонешт и через Прут уходил в Румынию.<sup>251</sup>

У козули сибирской (*Capreolus Pygargus* Pall) рога более крупные, ветвящиеся, и сами животные также имеют большие размеры. Справочник «Млекопитающие Советского Союза» сообщал интересную информацию об ареале обитания этих копытных: «Часто указывается, что сибирская козуля встречается на правом берегу Днепра в Черном лесу Кировоградской области и на левом берегу реки в Самарском лесу в районе Новомосковска Днепропетровской области (Браунер, 1915; Мигулин, 1927, 1929; Шарлемань, 1937; Корнеев, 1952). Одни рассматривают эту форму здесь как ледниковый реликт (Шарлемань, 1937),

<sup>248</sup> Барышников. Тихонов. Ч. 1. Стр. 58–59.

<sup>249</sup> ЖМ. Т. 3. Стр. 75.

<sup>250</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 181.

<sup>251</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 195.

*другие (Мигулин, 1927, 1929) допускают завоз в эти места сибирских или кавказских особей. Вопрос требует специального исследования...».*<sup>252</sup>

---

<sup>252</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 201.

## Глава 10

### Просторен бег гнедого иноходца

*Просторен бег гнедого иноходца.  
Прислушайся! Как мерно сердце бьется  
Степной страны, раскинувшейся тут...*

*Павел Васильев*

От края до края, от Карпат до Монгольских равнин, по всей ковыльной степи вместе со стадами стремительных сайгаков паслись неисчислимые табуны диких лошадей. Об этом писали многие иностранные путешественники, среди них известный нам Гийом Левассер де Боплан, французский военный инженер на службе польского короля, делавший, кроме всего прочего, военно-топографическую съёмку и описание земель южной Украины:

*«Дикие лошади ходят табунами от 50 до 60 голов; нередко оне заставляли нас братья за оружие: издали мы принимали их за Татарскую конницу. Впрочем дикие лошади неспособны ни к какой работе, и хотя жеребята могут сделаться ручными, но также ни к чему не годны, разве только для пищи: мясо их чрезвычайно вкусно и даже нежнее телятины, впрочем на мой вкус не так приятно».*<sup>253</sup> Если говорить более точно, то по просторам Великой Степи бродили разные животные, которых обобщённо называли дикими лошадьми. Это были собственно дикие лошади – тарпаны (*Equus gmelini*), дикие ослы – куланы (онагры, джигетай) (*Equus hemionus*), которые всё-таки были ближе к лошадям, чем к ослам, и дикие джунгарские лошади или лошади Пржевальского (*Equus przewalskii* Polj.).

Затерян след в степи солончаковой,  
Но приглядишься, – на шее скакуна  
В тугой и тонкой кладнице шевровой  
Старинные зашиты письма.

Звенит печаль под острою подковой,  
Резьба стремян узорна и темна...  
Здесь над тобой в пыли многовековой  
Поднимется курганная луна.

Просторен бег гнедого иноходца,  
Прислушайся! Как мерно сердце бьется  
Степной страны, раскинувшейся тут,

Как облака тяжелые плывут  
Над пестрою юртою у колодца.  
Кричит верблюды. И кони воду пьют.

*Павел Васильев*

---

<sup>253</sup> Боплан. 1832. Стр. 93.

Одно из первых описаний южнорусского тарпана сделал доктор С. Г. Гмелин, организовавший в 1768 году по распоряжению императрицы Екатерины II в научных целях отлов диких лошадей в степных окрестностях Воронежа:

*«Самыя большия лошади величиною своею едва могут сравниться с самыми малыми домашними лошадыми. Голова у них, в сравнении с прочими частями тела, весьма толстая. Уши очень острыя и бывают такой величины, как у домашних лошадей, или длинны, как у осла, и наклонены вниз. Глаза их огненные. Грива весьма коротка и курчава. Хвост у одних густ, у других редок; но всегда короче, чем у домашних лошадей. Цветом оне похожи на мышей; но на брюхе он у многих походит на пепельный. Ноги, начиная от колена до копыта, чёрныя. Шерсть на их теле очень длинна и так густа, что при осязании более походит на мех, нежели на лошадиную шерсть. Оне бегают с необыкновенною быстротою, по крайней мере вдвое скорее в сравнении с доброй домашней лошадыю».*<sup>254</sup> Более современный справочник «Млекопитающие Советского Союза» даёт примерно такое же описание южнорусского степного тарпана (*Equus gmelini* Antonius). Это относительно крупная лошадь мышастого цвета с чёрной гривой и хвостом, с всегда хорошо развитым широким чёрным ремнем по всей спине. Ноги до колен чёрные. Окраска молодых с рыжеватым налетом. Зимой мех длинный, густой и волнистый, более светлый (пепельная окраска).<sup>255</sup>

По достоверным материалам, собранным учеными Российской академии наук, существовали два подвида тарпана, степной и лесной: *«Лесные тарпаны обитали с характерными представителями лесных биотопов: бобром, бурым медведем, зубром, лосем, благородным оленем, косулей, кабаном. Для степного тарпана обычными спутниками были зайцы, сурки, волки, лисы, куланы, сайгаки, туры и другие животные».*<sup>256</sup>

Кулан (*Equus hemionus*) по информации справочника «Млекопитающие Советского Союза» выглядел немного по-иному: *«Кулан по общему складу – типичная лошадь: легок, строен, на довольно высоких ногах. Голова, однако, относительно большая и тяжелая, уши сравнительно с лошадиными несколько удлинены, но гораздо короче ослиных, хвост короткий, с кистью (как у зебр и ослов)».*<sup>257</sup> Летом только что перелинявшие куланы имели красивый песчано-жёлтый цвет. У некоторых животных он имел насыщенный абрикосовый или апельсиновый оттенок. Отдельные участки тела куланов были окрашены в белый или кремовый цвета, а от холки до крупа по спине шел «ремень», узкая, резко очерченная чёрно-бурая полоса. Волосы этого ремня были немного удлинены. Брюхо, внутренняя поверхность ног были белыми, от большого белого зеркала на задней стороне крупа по спине вдоль тёмного хребтового «ремня» тянулось узкое белое поле. Уши с внутренней стороны были белые, с наружной светло-жёлтые. От ушей до холки шла невысокая стоячая чёрная или чёрно-бурая грива. Челки не было.<sup>258</sup> В зимний период кулан мог выглядеть, как мохнатая белая лошадь. Об этом сообщала И. Е. Кузьмина в своей монографии «Лошади Северной Евразии от Плиоцена до современности»:

*«...В 60 верстах выше села Казачьего на р. Яне около Дырынг-Аюн... около 1878 г. открыт был хорошо сохранившийся труп белой лошади в условиях, тождественных с такими находками трупов мамонтов и носорога (Черский, 1891). Не исключено, что это были остатки куланов, которые на зиму обрастают длинной, почти белой шерстью».*<sup>259</sup> Не этих ли белых лошадей имел в виду Геродот описывавший в своей знаменитой «Истории» вер-

---

<sup>254</sup> А. Тарачков. Путевые заметки по Орловской и соседним с нею губерниям. Орел. 1861. Стр. 83.

<sup>255</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 721.

<sup>256</sup> Корнеев, 1953; Тимченко, 1972». (Кузьмина. Лошади Северной Евразии. Стр. 107.

<sup>257</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 698.

<sup>258</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 698–699.

<sup>259</sup> Кузьмина. Лошади Северной Евразии. Стр. 149.

ховья южного Буга: *«Третья река, начинающаяся в Скифской земле, Гипанис, вытекает из большого озера, вокруг которого находят себе пастбище дикие белая лошади?..»* Для обоих видов диких лошадей, и для тарпана, и для кулана, наши южнорусские степи были родным домом, они водились тут с глубокой древности, это подтверждается историческими свидетельствами и археологическими находками костного материала.<sup>260</sup>

Страстный зоолог, член-корреспондент Российской академии наук, Фёдор Петрович Кеппен, написавший в январе 1896 года в Журнале министерства народного просвещения полемическую статью «К истории тарпана в России», был уверен, что тарпан водился в южнорусских степях ещё в начале XIX века, и приводил в качестве доказательства свидетельства очевидцев:

*«По словам покойного штутмейстера Стрелецкого государственного конского завода Т. Д. Тимофеева, лет 50 тому назад (след., в начале тридцатых годов) в Донецком округе Донской области, погранично с Воронежской губернией, водились табуны тарпанов. Местность в те времена была покрыта лесами и болотами и мало населена, представляя, таким образом, все удобства для жизни всякого рода диких животных. В табунах тарпанов насчитывалось до 30 голов. Лошади эти были малаго роста, с большой, очень грубой головой. В феврале и марте на тарпанах была очень длинная, грубая шерсть пепельного цвета. Варварское хищническое истребление лесов, распространение запашек, увеличение народонаселения до значительной густоты лишили тарпанов их естественных убежищ и привели к их истреблению и вымиранию».*<sup>261</sup> Другие сведения, приведённые Кеппеном, касались нашей Екатеринославской губернии: *«Примерно около 1830-х годов существовали ещё дикие кони в степях по берегам р. Волчьей Александровского уезда Екатеринославской губернии Нордман и Эйхвальд упоминают также о нахождении тарпанов в Екатеринославской губернии. По показанию гг. Н. Калагеоргии В. Борисова последний представитель тарпанов был пойман не далее как осенью 1874 года около колонии Кичкас, в Александровском уезде той же губернии».*<sup>262</sup> Кроме сообщений очевидцев, в подтверждение своей правоты, член-корреспондент академии наук приводил и географические сведения:

*«...Упомяну ещё о том, что поблизости тех степей, на которых тарпан просуществовал до самого недавнего времени, некоторые географические названия указывают на присутствие диких лошадей. Сюда относится имя реки Конки, разделяющей Екатеринославскую губернию от Таврической; а в Конку впадает с левой стороны река Жеребец».*<sup>263</sup> Следует уточнить, что на многих старинных картах указанная Кеппеном река носит название Конские Воды, хотя суть информации академика от этого не меняется. Говоря о географических названиях, можно ещё упомянуть сообщение инженера Боплана о Конском острове, лежащем ниже острова Монастырского, напротив устья реки Самара (в черте нынешнего г. Днепропетровска).

Один из виднейших русских географов и антропологов Дмитрий Николаевич Анучин дополнил сообщения Кеппена в июньском номере того же Журнала министерства народного просвещения:

*«...В Херсонском уезде дикие лошади долго ещё держались в другом углу, в урочище «Шестерня», близ с. Ново-Воронцовки, в нескольких десятках верст от правого берега Днепра и верстах в 60 от Херсона. Действительно, об этой местности (около с. Заводовки Кн. Кочубея, селения Кауры, или Князь-Григорьевки, бывш. Рахмановой, затем Кн. Оболенской*

---

<sup>260</sup> ЖМ. Т. 3. Стр. 541–542.

<sup>261</sup> Кеппен. К истории тарпана. Стр. 120.

<sup>262</sup> Кеппен. К истории тарпана. Стр. 119–120.

<sup>263</sup> Кеппен. К истории тарпана. Стр. 131.

и др.) упоминают и Ша тилов, и Андреевский, и Зеленкович, и Афанасьев-Чужбинский. По словам последнего (поездка в Южную Россию. Ч. I. Очерки Днепра), не более как лет двадцать назад (то есть, в 40-х годах) у каирских поселян бывали дикие лошади, разумеется, пойманные жеребятами, но они никогда не привыкали к человеку и не годились в упряжь... Об этих диких лошадях рассказывают, что и теперь ещё в глухих степях, где реже население, попадаются в небольшом количестве... Обыкновенно целым табуном кобылиц заводывал жеребец, который, следуя к водопою и обратно, выскакивал всегда на курганы и зорко осматривал местность. При малейшей опасности он угонял табун в степь с невероятной быстротой».<sup>264</sup> Однако академик Анучин, в отличие от Ф. П. Кеппена, считал, что свободно живущие в южнорусских степях лошади возникли в результате вторичного одичания лошадей домашних, по аналогии с мустангами американских прерий. Эта версия заселения просторов Дешт и Кипчак одичавшими лошадьми, отбившимися от армий Дария Великого, скифских отрядов или хазарских полков, не менее впечатляюща, хотя вокруг неё было собрано немало копий. Уже в советское время, известный нам авторитетный палеозоолог В. И. Цалкин на основе исследования большого количества костного материала также присоединился к мнению Д. Н. Анучина: «В результате всех изложенных соображений мы не видим оснований считать костные остатки лошадей, встречающиеся в неолитических и энеолитических поселениях Юго-Восточной Европы, принадлежащими именно диким животным. Возможно, более правильно рассматривать их как происходящие уже от домашних особей».<sup>265</sup>

Спор этот имел и другой аспект, учёные долго не могли прийти к единому мнению, какая из пород диких лошадей – тарпан, кулан или лошадь Пржевальского является родоначальником домашней лошади. Кулан, после тщательных исследований был отвергнут, и многие склонялись к лошади Пржевальского. Однако обстоятельные исследования советского учёного В. И. Громовой, крупного специалиста в области эволюции лошади, позволили установить, что лошадь Пржевальского должна рассматриваться как вид, «резко обособленный, самостоятельно развивавшийся по крайней мере с нижнего плейстоцена». Впоследствии этот вывод подтвердил хромосомный анализ, сделанный С. Фрешкопом: у лошади Пржевальского оказалось 66 пар хромосом, а у домашней – 64. На сегодняшний день наиболее вероятным родоначальником домашней лошади, хотя и во времена весьма отдалённые, считается тарпан, но этот вопрос требует дальнейшего тщательного изучения.

В. И. Цалкин в своей книге «Древнейшие домашние животные Восточной Европы» приводит такую гипотезу:

*«Последняя по времени появления гипотеза о происхождении домашней лошади была недавно предложена В. И. Бибиковой. Изучая костные остатки животных из раскопок энеолитического поселения Деревка (правый берег р. Днепра, в 70 км южнее г. Кременчуга), датирующегося второй половиной 4 тысячелетия, В. И. Бибилова установила огромное преобладание в них остатков лошади (примерно 60 %). Констатировав полное сходство в размерах и строении найденного на поселении черепа лошади с черепами домашних лошадей, В. И. Бибилова рассматривает дереивскую лошадь как уже прирученную. Вместе с тем автор устанавливает известное сходство черепа из поселения Деревка с черепом среднеплейстоценовой *Equus caballus missii* и считает, что на эту последнюю следует обратить внимание как на возможного предка домашней лошади».*<sup>266</sup>

<sup>264</sup> Д. Н. Анучин. К вопросу о диких лошадях и об их приручении в России. Журнал министерства народного просвещения. Июнь. 1896. Стр. 252. Примечания.

<sup>265</sup> Цалкин. 1970. Стр. 201.

<sup>266</sup> Цалкин. 1970. Стр. 203

Одним словом, домашние лошади, разводившиеся на просторах Дешт и Кипчак, были очень похожи на диких тарпанов: «...Между домашними лошадьми степных племен нередко попадаются животныя, очень похожия на тарпана. Таковыя малорослыя лошади, подаренныя калмыками русскому правительству, для возмещения убитых в войну 1877 года, проследовали зимою через Тифлис, и Раdde заметил между ними экземпляры мышастой масти с чёрным ремнем вдоль спины. Все складом своим очень походило на тарпана и отличались необыкновенно длинною и мохнатою зимнею шерстью».<sup>267</sup> Видимо, к этому располагал сам стиль жизни разводимых в степи домашних лошадей, ничем не отличавшийся от жизни лошадей диких (эти татарские лошадки, зимой и летом содержавшиеся в условиях вольного выпаса – «табенёвке», очень походило на другую древнюю породу копытных, шотландских пони).

Как отметил наблюдательный Боплан, татарские лошади были очень выносливы и надёжны: «Так умеют служить своим господам Татарские кони, которые сверх того переносят труды почти невероятные: только сии неуклюжие и некрасивые бакематы<sup>268</sup> (так называют их Татары) в состоянии проскакать без отдыха 20 или 30 миль. Густая грива и хвост их достают до земли».<sup>269</sup> Но «бахматы» служили не только степнякам, они составляли основу московской поместной конницы. По свидетельству подьячего посольского приказа Григория Котошихина, сделавшего в XVII веке описание Московского государства «О России в царствование Алексея Михайловича», ежегодно из Дикого Поля в русскую столицу пригонялись тысячные табуны лошадей:

*«...Присылаются ис Казани и из Астарахани конские табуны, Нагайские и Татарские, к Москве, ежегодно, лошадей тысяч по 30 и по 40, и по 50, и болиши на год, на продажу, и будучи в Астарахани и в Казани, у тех Нагайских людей и Татар ис табунных лошадей выбирают воеводы про царской обиход лошадей тысяч по 5, и по 6, и по 8 и, записав и запятив, присылают к Москве с ними ж табунными людьми; а на Москве, взяв у них тех лошадей, на царском дворе ценят против их тамошней цены и дают денги ис царские казны, а досталные лошади велят им продавать всякого чину служилым людям и иным чином, и собирают с продажи тех лошадей и з записки у купцов записные денги в Конюшенной Приказ; а покупают и продают те табунные лошади рублёв по 5, и по 7, и по 10, и по 15 лошадь...».*<sup>270</sup>

О больших конских табунах, пригонявшихся в Москву, сообщали и иностранцы. Уже упоминавшийся английский посланник Джильс Флетчер в 1588 году так описывал татар: «...Удивительно, что, хотя все они выезжают на войну на лошадях и все едят лошадиное мясо, все-таки сверх того каждый год приводят в Москву для обмена на другия произведения от 30 до 40 тысяч Татарских лошадей, которых называют конями».<sup>271</sup> А командир роты иноземцев в московском войске, французский капитан Маржерет сообщал: «В Россию лошади приводятся наиболее из Татарии Ногайской: их называют конями; оне роста среднего, весьма удобны для работы и бегут без отдыха 7 или 8 часов; но если слишком утомятся или выбьются из сил, то потребно 4 или 5 месяцев для их поправления; весьма дики и пугаются ружейнаго выстрела; обыкновенно бывают неподкованы, как и Русския; многия овса не едят вовсе и приучаются к нему исподволь...».<sup>272</sup>

---

<sup>267</sup> Кеппен. К истории тарпана. Стр. 152.

<sup>268</sup> В переводе 2004 года – «бахматы»

<sup>269</sup> Боплан. 1832. Стр. 44.

<sup>270</sup> Котошихин. Стр. 103.

<sup>271</sup> Флетчер. Стр. 69.

<sup>272</sup> Маржерет. Стр. 58.

Кроме мохнатых животных серого, мышастого цвета у кочевников были и яркие, красочные породы скакунов. Тот же капитан Маржерет отмечал: «У Ногайцев бывают иногда небольшие, весьма красивые лошади белая с чёрными пятнами, как тигры или леопарды, будто бы разрисованные».<sup>273</sup> А академик Петербургской академии наук, Август Христиан Лерберг обращал внимание на то, что татарская орда, жившая по берегам реки Обь, называлась «пегой»<sup>274</sup> по цвету шерсти своих лошадей: «...Пегая орда названа так от шерсти своих лошадей, и что там особенно старались о разводе таких, которым не только Монголы и Татары знали цену, но которые составляют почти единственный товар, принимаемый Индийцами от Бухаров в обмен на свои товары: за пегую лошадь платят они от 30 до 80 Бухарских червонцев».<sup>275</sup>

Оказывается, двухцветные северные скакуны очень дорого продавались на рынках Азии и даже Индии. Хотя сам Восток традиционно славился лучшими, элитными породами лошадей, которых сейчас принято называть «арабская лошадь», или «лошадь восточного типа». Надо думать у северной степной лошади имелись свои преимущества перед красавцами, арабскими жеребцами.

По сообщению упоминавшегося капитана Маржерета на Руси были и свои породы лошадей: «Лошади Русския, называются меринами: оне малорослы, но крепки, особенно из окрестностей Вологды, и гораздо понятливее Ногайских. Татарская лошадь, или Русская, весьма красивая и добрая, купленная за 20 рублей, прослужит долее аргамака, ценою в 50, 60 и 100 рублей».<sup>276</sup>

Я лечу, лечу стрелой, только пыль взметаю;  
Конь несёт меня лихой, а куда? Не знаю!  
Он учёным ездоком не воспитан в холе,  
Он с буранами знаком, вырос в чистом поле;  
И не блещет, как огонь, твой чепрак узорный,  
Конь мой, конь, славянский конь, дикий, непокорный!

*А. К. Толстой*

Очень долго в Московском государстве, так же как и в орде, лошадей не ковали. «Лошади малорослы, но очень быстры на бегу и сносны; на них ездят без подков зимою и летом по всякой дороге», – писал в своём дневнике Джильс Флетчер.<sup>277</sup> Ездить, конечно, ездили, но были и сложности. Неподкованная лошадь хорошо шла по росистой траве, по мягкой от пыли летней дороге, в крайнем случае по свежевывавшему снегу. На ледяных замерзших тропах или на камнях лошадиные копыта разбивались в кровь. Поэтому даже война, набеги или дальние походы и для монгольских туменов, и для русских полков были тесно связаны с погодой и с состоянием дорог. Описание этих неурядиц оставил для нас Гийом Левассер де Боплан:

«Крым лежит под 46 и 47 градусами широты; однакож степи на север от онаго во всю зиму, до Марта месяца, покрыты снегом. Это доставляет Татарам большую выгоду: они смело пускаются в дальний поход с неподкованными лошадьми, которых копыта защищаются снегом; – иначе оне разбили бы их об замершую землю, что и случается во время

---

<sup>273</sup> Маржерет. Стр. 59.

<sup>274</sup> Пегий, арх. сиб. пеганый, пестрый, особ. двуцветный; пятнастый, в светлых пятнах по тёмному полю, или наоборот... о лошадях в белых больших пятнах; в малых пятнах: чубарый, крапчатый... Пежанка ж. пегая лошадь. Пежинка ж. белое или светлое, крупное пятно по тёмной шерсти (Даль. Т. 3. Стр. 1442).

<sup>275</sup> Лерберг. Стр. 34.

<sup>276</sup> Маржерет. Стр. 59.

<sup>277</sup> Флетчер. Стр. 10.

гололедицы. Мурзы и всадники зажиточные прикрепляют ремнями к копытам своих лошадей коровий рог; но такая подкова держится не долго, и конь легко теряет оную. Посему Татары боятся зим безснежных и гололедицы, когда и подкованные их лошади с трудом могут идти».<sup>278</sup> Такие же проблемы были и на Руси. Уже существовали металлические подковы, но численность русской конницы была высока, кузнецов и кузнечного оборудования не хватало. К тому же ковка лошадей была процессом непростым, требовала от мастеров большого опыта, знания строения копыта и даже конской физиологии. Ко всему она была ещё и очень недёшева.

Помимо неприхотливых и работающих татарских и русских лошадей, в Московском государстве существовала ещё одна конская порода, так называемые «аргамаки». Это были элитные, нежные и дорогие азиатские лошади царских конюшен, высших бояр и другой русской знати. В. И. Даль расшифровывал аргамака так:

*«Аргамак. м. встарь, рослая и дорогая азиатская лошадь, под – верх; кабардинские и трухменские аргамаки известны у нас донныне; последние узкогруды, поджары, ходулеваты, почему аргамаком и аргамачихой называют високаго и худощавого, неуклюжего человека...*

*От аргамака и киргизской кобылы рождается карабаир».*<sup>279</sup> Другое авторитетное специализированное издание – «Военный энциклопедический лексикон» от 1852 года сообщало:

*«Аргамак: слово татарское, под которым разумеются особенной породы лошади, водящиеся в Кабарде и у Киргизов и отличающиеся легкостью и скоростью в скачке. Цари и бояре русские обыкновенно езжали на аргамаках.*

*Аргамак есть лошадь отменно високаго роста и весьма поджарая, от чего кажется длинноногою; шея у нея длинная, тонкая, а голова довольно красивая, бег скорый и сильный. Аргамаки не годятся для кавалерии, по неспособности к фронтовой службе, но могут служить под наездниками и под вьюками».*<sup>280</sup> Журнал Русский Вестник, в статье «Осада Ура – Тюбе и Джизага» от 1868 года дал аргамакам достаточно исчерпывающую характеристику:

*«Лошади средней Азии по горячности своего темперамента, по своей впечатлительности, понятливости и легкости весьма пригодны для верховой езды... Аргамаки, чаще всего встречающиеся, имеют весьма оригинальную наружность и обладают даже особенного рода красотой, к которой, конечно, несколько надо привыкнуть. Они все роста выше средняго и даже большаго... У них прекрасная спина: хребет и круп прямые как стрела, высоко поставленный хвост, высокая, длинная и тонкая шея... Конечно, горбатая голова с весьма высоким затылком, длинные ноги, а в особенности узкая грудь и длинные бабки не могут найти почитателей между Европейцами, которым трудно отрешиться от привязанности к статьям европейским...»* Хватало этим скакунам и негативных характеристик: *«Само собой разумеется, что лошади эти не годятся для упряжи. При приготовлении к походу, некоторыя батареи, не ремонтировавшиеся лошадьми по несколько лет, купили по нужде туземных коней. Лошади эти в самом скором времени показали полную свою несостоятельность: оне постоянно затыгивались, несмотря на тщательную пригонку оголовков, обжигали себе плечи и кончали обыкновенно тем, что через два – три перехода переставали есть корм... Надобно, впрочем, заметить, что азиатския лошади, а в особенности аргамаки, весьма нежны и поэтому, а также по своей горячности, чрезвычайно легко простужаются».*<sup>281</sup>

---

<sup>278</sup> Боплан. 1832. Стр. 48.

<sup>279</sup> Даль. Т. 1. Стр. 55.

<sup>280</sup> ВЭЛ. Т. 1. Стр. 480.

<sup>281</sup> Осада Ура – Тюбе и Джизага. Русский Вестник. Т. 74. Апрель 1868. Москва. Стр. 344–346.

Видимо, так уж повелось у нас издревле, русские нравы прихотливы и трудноисправимы. Дорогие нежные аргамаки, «неспособные к фронтовой службе», стали в России массовой конской породой (вспомните повадки нынешней новоявленной элиты). Любой маломальски зажиточный дворянин стремился завести аргамака в своей конюшне, приобрести для него дорогую сбрую, украшения, экипировку. Посол австрийского императора Леопольда I к московскому царю Алексею Михайловичу Августин Майерберг записал в 1661 году свои впечатления от пребывания в Московии: «...Знатные люди не имеют недостатка в Персидских лошадях, да как наденут на них самую нарядную сбрую и выедут на какое-нибудь общественное торжество, то и сами тогда бывают загляденье».<sup>282</sup>

Крайне любопытно, что в Московии лошадей не только украшали, но даже красили, о чем знают немногие. Голландский купец Исаак Масса, находившийся в Москве в начале XVII века, во времена Великой Смуты, описал торжественный выезд московской знати для церемонии встречи небезызвестной Марины Мнишек, невесты Лжедмитрия: «Потом вели трёх коней, столь прекрасных, каких я ещё за всю жизнь не видал, хотя мне довелось видеть много красивых лошадей; и каждого коня вели на длинных золотых поводках... на них были седла, сделанные весьма искусно и унизанные бирюзой. Также многие ехали на лошадях, изящно выкрашенных красной, оранжевой и жёлтой краской, и [эти лошади] были весьма красивы, и даже, если они ехали или плыли в воде, то краска всё же с них никогда не сходила; и эту краску, называемую китайскою, привозят из Персии».<sup>283</sup>

Речь здесь, скорее всего, идёт о хне, привозимой в Московское государство с Востока. Как вы знаете, эту краску до сих пор с удовольствием используют для создания женских причёсок или временных тату. Оказывается некогда была мода и на окраску породистых лошадей.

Родовитые россияне часто устраивали целые представления с участием своих дорогих питомцев, для украшения которых не жалели ни сил, ни средств, своего рода лошадиные танцы. Барон Майерберг писал с возмущением о таких забавах москвитян: «...Красивая или искусная поступь не известна ни лошади, ни кому-либо из всадников, то считают в его для себя славнее вдруг погонять лошадей во всю прыть, или заставлять их делать безобразные и вовсе неискусные скачки, чтобы тряслись и бренчали от их движения серебряныя из больших колец цепочки, украшающия их в виде других уздечек, да и звенели привязанные над копытами у них колокольчики, заставляя думать, что оне звонконогия».<sup>284</sup> Лошади, увешанные звенящими серебряными кольцами, цепями и колокольчиками, совершающие боковые движения и прыжки под мелодичный перезвон, и публика, получающая наслаждение от этого зрелища, явно имеющего древние восточные корни, – такое старинное развлечение имеет и современные аналоги. Эти лошадиные пляски сродни модным ныне экстремальным «танцам» автомобилей, «заряженных звуком», с их современным автотюннингом. А ведь тогда на дворе были XVI–XVII века. Надо думать, Европе того времени «лошадиные танцы со звуком» были в диковинку, раз вызвали такое возмущение пуританина Майерберга.

---

<sup>282</sup> Майерберг. ЧИОИДР 1873. Кн. 3. Стр. 58.

<sup>283</sup> Масса. Стр. 130.

<sup>284</sup> Майерберг. ЧИОИДР 1873. Кн. 3. Стр. 58–59.

## Глава 11

### Лошадь возит воду, возит и воеводу

*«Лошадь возит воду, возит и воеводу» – русская поговорка*  
**В. И. Даль**

Уход за лошадьми в былые века был важной и престижной службой, тем более уход за лошадьми царских конюшен. Много интересного можно почерпнуть, если прочитать своеобразную «должностную инструкцию» царского конюха времён царя Алексея Михайловича Романова:

#### **«Припись Конюхом стремянным.**

*А что пожаловал Государь Царь и великий Князь Алексей Михайлович всея Руси, велел мне, имрак, быти на своей Государеве конюшне в стремянных конюхах, и мне Государева Царева и великого Князя Алексея Михайловича всея Руси здоровья во всем сберегати, и зелья и коренья лихаго в их Государския седла, и в узды, и в войлоки, и в рукавки, и в наузы, и в кутазы, и в возки, и в сани, и в полсть санную, и в ковер, и в попонку, и во всякой их государственной и конской наряд, и в гриву, и в хвост, у аргамака, и у коня, и у мерина, и у иноходца, самому не положити, и мимо себя никому положити не велети, и ни котораго зла и волшебства над Государем своим Царем и великим Князем Алексеем Михайловичем всея Руси не учинити ни которою хитростью, по сему крестному целованью.*

*Також мне государских седел, и морхов, и наузов, и кутазов, и ковров, и попон, и рукавок, и плетей, и возков, и саней, и всякаго конскаго их государскаго наряду конюшеннаго, от сторонних всякаго чину людей во всем беречи накрепко, к конюшенным ко всяким нарядом сторонних людей не припущати, и во всем Государскаго здоровья ото всякаго дурна оберегати безо всякия хитрости, по сему крестному целованью: и во всем мне Государю своему Царю и великому Князю Алексею Михайловичу всея Руси, и Его Царскаго Величества Царице и великой Княгине Марье Ильиничне, и их Государским детям служити и прямити, и добра хотети безо всякия хитрости, по сему крестному целованью.<sup>285</sup>*

Бросается в глаза, какое значение в те времена придавалось защите от «волшебства», «коренья лихаго», «всякаго дурна».

А что такое морхи, наузы, кутазы, другое непонятное снаряжение? У В. И. Даля: «Кутаз... Кутас м. шнур с кистями; подвеска на шнуре, бахромчатое украшение».<sup>286</sup> В словаре русского языка XI–XVII веков, выпущенном АН СССР: «Кутаз и Кутас...

– украшение в виде кисти (из шелка, шерсти, кисти хвоста яка или других животных); 2 коня с седлы, пастелки оксамитны с серебром и снасти серебряны позолочены, да на конех жо кутазы багровы...

---

<sup>285</sup> Ф. И. Миллер. Известие о дворянах Российских. С.-Петербург. 1790. Стр. 262–264.

<sup>286</sup> Даль. Т. 2. Стр. 583.

– Колоколец, колокольчик кутаз, кутас – колокольчик на шнуре, кисти».<sup>287</sup>

Науз у Даля: «Науз м. (на – узд?) часть конской сбруи; кисть, бляха и др. украшения, привешиваемыя на ремне или шнуре под шеей лошади; наузный ремень идет от налобника узды; ныне находим его почти только у азиатцев и турок. Встарину, в наузде хранились обереги от сглазу, призору и порчи, коренья, бумажки с заговорами ипр., почему наузд означал и привеску, ладанку, оберег или талисман».<sup>288</sup>

Ну а морхи – «Морх м., морхи мн., мохра или мохор, мохры; висячие пучки нитей, кисти, бахромы; Морх стар. бархат, аксамит, рытая ткань; плюш, мохровый бархат».<sup>289</sup>

Кроме элементов конской сбруи, для нас не менее интересны градации лошадей, сохранившихся в царской конюшне. Это были те же аргамаки, кони, мерини, иноходцы, такое разнообразие диктовалось их различным предназначением. «Кляча воду возит, лошадь пашет, конь под седлом», – записал В. И. Даль русскую поговорку.<sup>290</sup>

Считается, что слово «лошадь» пришло в русский язык из тюркских языков. У Макса Фасмера: «Лошадь, || Стар, заимствование из тюрк.; ср. чув. *lasa* «лошадь», тур., крым. – тат., тат., карач., балкар, *alasa*.<sup>291</sup> У В. И. Даля: «Лошадь ж., [татар. ], вообще конь; особ. не жеребец и не кобыла, мерин. По употребленью, бывает: упряжная, верховая, вьючная; а первая: коренная, пристяжная, дышельная, выносная (подседельная и подручная). Он работает как лошадь, т. е. усердно».<sup>292</sup>

Слово «конь» предположительно пришло в русский из старославянского языка (старинное комон, комонный), у Даля: «Конь м., стар. комонь, славнс. [?]; лошадь, лошадь добрая, некляча; жеребец или мерин, не кобыла; особ. верховая лошадь. Дикая лошадь, Тарпан».<sup>293</sup> В «Словаре русского языка XI–XVII веков» значится: «Комонь (Кумонь), м. Боевой конь. Сядем на борзых своя комони и посмотрим быстрого Дону. (Задонщина)».<sup>294</sup> Соответственно всадник, наездник определяется как комонник: «Комонник, м. Всадник. И гетман де Сапега готовится скоро до Дубны на комиссию, и войско де коронное комонников рушилось всё с под Дубны» (1658 г.)».

Но при ближайшем рассмотрении связь слов конь – комон (кумон) оказывается не такой уж бесспорной. Коронное войско гетмана Сапеги называется комонным в середине XVII века. К концу XVII века в письмах и документах небезызвестного гетмана Ивана Мазепы по прежнему используется термин комонный.

Лист гетмана Мазепы эсаулу Новицкого полка Рубану от 10 ноября 1690 года: «Мой ласкавый пане асауле комонный полковый. Похваляем тую чулость вашей милости, же, исполняючи наше росказанье... Днепр переправилесь и старались, при помочи Божой, чинити над неприятелями бесурманами военный промысл...».<sup>295</sup> Или другой документ от 29 сентября 1690 года. Универсал гетмана Мазепы о выдаче доставленного из Москвы царского жалованья конным и пехотным полкам:

<sup>287</sup> Словарь АН. Т. 8. Стр. 147.

<sup>288</sup> Даль. Т. 2. Стр. 1271.

<sup>289</sup> Даль. Т. 2. Стр. 911.

<sup>290</sup> Даль. Т. 2. Стр. 393.

<sup>291</sup> Фасмер. Т. 2. Стр. 526.

<sup>292</sup> Даль. Т. 2. Стр. 698.

<sup>293</sup> Даль. Т. 2. Стр. 393.

<sup>294</sup> Словарь АН. Т. 7. Стр. 266.

<sup>295</sup> АЗР. Т. 5. Мазепа. Стр. 244.

*«Их царского пресветлого величества войска Запорозского гетман Иоан Мазепа. Вам паном полковником комонным и пехотным охотницким, обозным, писаром и асаулом полковым, сотником, атаманом куренным и всему старшому и меньшому товариству, доброго от Господа Бога зычачи здоровья, ознаймуем, иж якосмо перед сим писали до вас, обещаючи за службу вашу уконтентовати вас дорочною платою, так исполняючи тую нашу обетницу, посылаем до вас тое уконтентованье, на комонное товариство самые гроши, а на пехоту барву суконную и грошовый придаток»<sup>296</sup>...*

Слово комон в это время явно было всё ещё привычно не только самому гетману, но и «панам комонным полковникам» и «комонному товариству».

Однако параллельно с названием комон в русском языке, в языке северной Руси существовала масса слов в основе своей имеющих корень конь. Термины эти настолько яркие и красочные, что достойны небольшой доли нашего внимания. Откроем фундаментальный «Словарь русского языка XI–XVII вв.» Академии наук СССР»:

*«Коневий, прил. относящийся к коню, конский (988): И повеле [Владимир] кумиры испровреци, а другия огневи предати, Перуна повеле к коневью хвосту привязати и влеци з горы на ручей (Псковская летопись)»<sup>297</sup>*

*«Коневая рать – конница (1471): Коневая рать не пошла к пешей рати на срок в пособие. Новг. IV. лет».<sup>298</sup>*

*«Коневник, м. конный воин (1270 г): И выидоша весь град в оружии от мала и до велика к Городицю, и стояша два дни пеши за Живлотугом, а коневници за Городищем. (Новг. I лет.)».*

*«Коневий мастер – тот, кто ухаживает за лошадьми. Коневью мастеру Никите от монастырских лошадей от стряпни гривна денег (1588 г.)».*

*«Коневий пастух. Коневью пастуху Павлину Щетинину что он пас монастырских коней... дано 8 алтын (1675 г.)».<sup>299</sup>*

*«Конедержитель, м. Слуга, держащий коня, конюх. Иногда же имшу ся мне за узду, по том ч се усше рука... И мучих конедержителя моего, и изведе вину на ня. (XVI–XI в.)».<sup>300</sup>*

*«Конеристание, с. – ипподром; место для зрелищ».<sup>301</sup>*

*«Конокорм, м. Конское пастбище. А что наши люди делены ловчане, и они свои места и ухажай ведают по старине, и городские рыболове, истобники, псары... и бобровники... а конокормы по рубеж, и в то тебе, моему брату, во все не вступатися. (Дух. и дог. гр., 1496 г.)».<sup>302</sup>*

---

<sup>296</sup> АЗР. Т. 5. Мазепа. Стр. 241.

<sup>297</sup> Словарь АН. Т. 7. Стр. 270.

<sup>298</sup> Словарь АН. Т. 7. Стр. 271.

<sup>299</sup> Словарь АН. Т. 7. Стр. 270.

<sup>300</sup> Словарь АН. Т. 7. Стр. 271.

<sup>301</sup> Словарь АН. Т. 7. Стр. 272.

<sup>302</sup> Словарь АН. Т. 7. Стр. 279.

Напомню, что по В. И. Далю: «*Конязь, вершинник [ср. князь]; конник, всадник, конный воин, кавалерист; В ночную конязем ездит; чередовой конязь, ряз. тмб. Чередовой табунщик, стерегущий лошадей*».<sup>303</sup>

Не конница, а коневая рать, не кавалерист или вершник, а коневник, не конюх, а коневий мастер, не табунщик, а коневий пастух, не пастбище, а конокорм, и всё это не только в XVI–XVII веках, но и в XV, XIII и даже в X–XI веках. Скорее всего, название конь является словом исконно северо-русским, в отличие от старославянского или западнорусского слова комон. Даже слово князь, по В. И. Далю, имеет не старославянское, а северорусское происхождение. Со временем конями стали называть неупряжных лошадей, имеющих назначение «под седло», воинских верховых лошадей и вообще жеребцов. В том же «Словаре русского языка XI–XVII веков»: «*Конь, м. жеребец, самец лошади. Боевой конь, верховая воинская лошадь*».<sup>304</sup> У В. И. Даля: «*Конь, скакун, скаковой, для скачки, легкий и скорый на скаку; беговой, у котораго сильная побежка, рысь или иноходь, рысак и иноходец; конь шагистый, с крупным шагом*».<sup>305</sup> Диких степных лошадей в старинной разговорной речи, по Далю, также называли конями (самцов и самок у лошадей, как вы знаете, называли «жеребец» и «кобыла»).

Кроме коня и лошади, в русском языке широко употреблялось и употребляется до сих пор знакомое слово – «мерин». Чем отличается мерин от коня или жеребца, наверное, знают все. Словарь Фасмера сообщает: «*Мерин – «кастрированный жеребец*»».<sup>306</sup> Это сообщение дополняет В. И. Даль: «*Мерин, мерен м., (монгольс.?), смиренный, крощонный жеребец, кладеный, холощонный*».<sup>307</sup> Характеристика «смиренный», применяемая Далем, как раз объясняет целесообразность процесса «холощения». Кастрированные жеребцы (с удалёнными половыми железами – яичками), отличались спокойным нравом, повышенной работоспособностью, выносливостью. Большинство коней на Руси были меринами, за исключением жеребцов дорогих пород, верховых коней знати, части боевых коней. Жеребцы, как правило, холостились в молодом возрасте, и этот процесс был настолько массовым, что известный нам капитан Маржерет даже принял такое название за породу русских лошадей: «*Лошади Русския, называются меринами...*».

Такое сообщение в своём подтексте несёт серьёзную информацию. Холощение (кастрирование) являлось пусть и не самой сложной, но полноценной ветеринарной хирургической операцией. И хотя в Московском государстве ощущался хронический недостаток кузнецов дляковки лошадей, коновалов (так тогда называли ветеринаров) было достаточно. К слову, само название «коновал» говорит о специфике выполняемой работы. Для выполнения операции холощения жеребца нужно было повалить, положить на бок. Коновалы в случае необходимости занимались также лечением лошадей и домашнего скота.

«*Коновал, м. Знахарь, лекарь, занимающийся лечением и холощением лошадей и других домашних животных. Олешку коновалу дал восемь денег» (Кн. расх. Корел. м. 1560 г.). Коновалу дано 6 денег чистил у дву лошадей рты да заволоки (Кн. прих. – расх. Свир. М. 1657 г.). Коновалу Петру Вахрамееву за работу что он лечил три бычка да два борашка маленьких плачено четыре денги*».<sup>308</sup> К середине XVII столетия слово «коновал» постепенно заменялось более привычным для нас «коновалом»: «*И тебе бы выпустить ис кайдал Федо-*

<sup>303</sup> Даль. Т. 2. Стр. 396.

<sup>304</sup> Словарь АН. Т. 7. Стр. 287.

<sup>305</sup> Даль. Т. 2. Стр. 395.

<sup>306</sup> Фасмер. Т. 2. Стр. 604.

<sup>307</sup> Даль. Т. 2. Стр. 836.

<sup>308</sup> Словарь АН. Т. 7. Стр. 270.

сейка коновала и велеть ему всех лошадей пересмотреть, и которая занемогла, и тех велеть лечить» (Хоз. Мор. II, 1652 г.). И тот коновал роспрашиван... а ремесло де за ним конской мастер, он же де и рудомет (Д. Шакловит. II. 1689 г.).<sup>309</sup> Из всех этих записей приходно-расходных церковных книг, других старинных документов следует, что в XVI–XVII веках в Московии уже существовала хорошо поставленная массовая ветеринарная служба. Существовала даже система подготовки ветеринарных кадров: «Учился де он коновалскому промыслу и про травы и про коренья у своей браться коновалов в Новогородицком уезде (Белокур. I. 1692 г.).»

Надо заметить, что холостили лошадей и в Орде. Ещё в 1246 году посланец Папы Римского к монгольскому императору, монах Иоанн де Плано Карпини записал в своём дневнике: «Лошадей своих не подковывают, не кормят их ячменём; оне выучены очень хорошо, сильны и холощёныя, а ноздри разрезаны...».<sup>310</sup> На Руси меринков различали по породе лошади – мерин немецкий, волошский, черемисский...<sup>311</sup> а также по виду выполняемых работ – мерин пахотный, санный (санник), гонный и т. п.<sup>312</sup>...

В царской конюшне вместе с лошадьми, конями, меринами и аргамаками стояли и иноходцы. Слово это часто встречается в русской литературе и явно требует более близкого знакомства. «Иноходь, иноходец. Особый способ хода или бега лошади, при котором она сначала одновременно выносит обе правые ноги, а затем обе левые», – сообщает нам «Словарь русского языка XI–XVII веков».<sup>313</sup> В. И. Даль про иноходца сообщает больше: «Иноходь [забайкал. Виноходь. Опд.] ж. конская побегка, в которой лошадь заносит обе ноги одного бока вместе, тогда как в рыси ноги движутся по две разом, крест – накрест... Иноходец в пути не товарищ. День иноходит, а два со двора не сходит, о щегольской лошади, негодной в работу».<sup>314</sup> Говоря другими словами, иноходец двигается не так, как двигаются обычные лошади, поэтому его, как и нежных, дорогих аргамаков, заводили в качестве диковинки, ради престижа (ох уж эти русские нравы). Ещё в незапамятные времена древняя знать имела иноходцев в своих конюшнях. В одном из сборников XII века есть надзидательное «Слово о Богаче и Лазаре», где упоминается о разукрашенных иноходцах в знатных конюшнях (к богачу в этом произведении автор относится с неприязнью): «...Богато на земли живяше в багъре и в паволоце хожаше... Кони его тоучьни, иноходи, акы ликъствоующе, златыми тварьми оукрашени, седьла его позлащена...».<sup>315</sup> Но в популярности иноходи была и другая, рациональная причина, которая становится ясной при открытии энциклопедии Брокгауза и Эфрона: «Движение иноходью довольно быстро и приятно для всадника: лошадь переваливается с ноги на ногу и совсем не трясёт... Иноходцы часто встречаются среди степных, кавказских и персидских лошадей».<sup>316</sup> Довольно приятно для всадника – согласитесь, эта причина весомая. Писатель-декабрист Александр Александрович Бестужев, участник многих сражений на Кавказе, в литературе известный под псевдонимом Александр Марлинский в своих «Кавказских очерках» ощущения от езды на иноходце образно назвал «колыбельною иноходью»: «Колыбельною иноходью шла моя лошадь, и сердце вздремало, зыблясь на вешних звуках и ароматах».<sup>317</sup>

<sup>309</sup> Словарь АН. Т. 7. Стр. 279.

<sup>310</sup> Карпини. 1825. Стр. 119.

<sup>311</sup> Словарь АН. Т. 9. Стр. 100.

<sup>312</sup> Словарь АН. Т. 9. Стр. 99.

<sup>313</sup> Словарь АН. Т. 6. Стр. 244.

<sup>314</sup> Даль. Т. 2. Стр. 106.

<sup>315</sup> Замечания акад. Срезневского о словаре славянских наречий. Сборник статей читанных в отделении русского языка и словесности. С.-Петербург. 1867. Т. 1. Стр. 21.

<sup>316</sup> Брокгауз. Эфрон. Т. XIII. Стр. 226.

<sup>317</sup> Марлинский. Кавказские очерки. Стр. 44.

Экзотичной иноходью изначально ходили в основном восточные лошади (вспомните у Брокгауза – *Иноходцы часто встречаются среди степных, кавказских и персидских лошадей*), но к XIX веку ситуация с племенным делом в Российской империи изменилась в лучшую сторону. Иноходцев стали в больших количествах разводить в пределах государства и даже продавать их с выгодой на тот же Восток бухарским и хивинским купцам. Об этом сообщал уже упоминавшийся профессор Казанского университета Эдуард Эверсманн: *«Иноходь считается в других краях за порок, у нас, напротив, особенным врождённым достоинством лошади и ценится высоко. Быстрота, с какой бегают наши иноходцы под верхом или в упряжке, достойна удивления. Охотники дорого платят за таких лошадей. Особенно Бухарские и Хивинские купцы покупают иноходцев для своих продолжительных путешествий с караванами. Хотя иноходь не всегда передаётся матери к детям, но есть примеры, что иная кобыла всегда приносит жеребят – иноходцев, которые уже с самого раннего возраста бегут иноходью. Вообще иноходь не есть испорченный бег лошади»*.<sup>318</sup>

Интересно отметить, что иноходью предпочитали двигаться и другие копытные, которые в беге развивали очень большую скорость, например сибирские олени или наши степные сайгаки. Яркая зарисовка сайгачной иноходи сделана в статье «Степная охота» из журнала «Русское слово» от 1861 года: *«Когда несётся сайгак своею плавною иноходью, эта быстрота незаметна, но и так не догонит его никакая собака, а ещё менее лошадь. Но когда он видит, что опасность близка и сделает несколько усиленных прыжков, то всё преследующее его покажется как бы остановившимся на месте, так скоро отделится он на десятки, а если нужно, и на сотни сажень, и понесётся опять своею обыкновенною иноходью»*.<sup>319</sup>

Но, как водится, у повального увлечения иноходцами была и другая сторона медали. Недаром сложена старинная русская поговорка, записанная Далем – «День иноходит, а два со двора не сходит». Такая народная характеристика зачастую значит гораздо больше, чем иные энциклопедические тома. И действительно, обстоятельные Брокгауз и Эфрон приводят негативные последствия модного увлечения: *«Иноходь бывает естественною, врожденною, но в виду большого спроса на иноходцев, иноходь вырабатывается искусственно. Естественная иноходь не утомляет лошади, искусственная же отзывается ускоренным разбиванием ног лошади»*.<sup>320</sup>

Теперь, когда мы с вами сделали небольшой обзор «конской тематики» становится ясно, что выбор лошадей, содержащихся на царских московских конюшнях, был не случаен.

Аргамаки и иноходцы выполняли, как сейчас принято говорить, представительские функции: создавали антураж царских выездов, участвовали в приёме иностранных посольств, решали другие задачи дипломатического протокола.

Лошади и мерины несли на себе всю тяжесть повседневной черновой работы, такой работы во дворце было немало. Доставка хозяйственных грузов, продовольствия, дров, зимние санные и летние упряжные выезды и многое, многое другое ложилось на плечи безотказных лошадок.

Кони в большинстве своём предназначались к военной службе, в этих целях использовались и мерины. Хотя военно-служилые люди по военной развёрстке должны были прибывать в Разрядные полки со своими лошадьми и вооружением, московское правительство содержало на случай войны и большое количество казённых лошадей. О десяти тысячах боевых коней царского военного резерва сообщал посланник английской королевы Джильс

---

<sup>318</sup> Эверсманн. Ч. 2. Стр. 224.

<sup>319</sup> Степная охота. Русское слово. С.-Петербург. 1861, май. Стр. 38.

<sup>320</sup> Брокгауз. Эфрон. Т. XIII. Стр. 226.

Флетчер: *«Лошадей Царских, назначенных для войны (кроме других, употребляемых для обыкновенной работы), до 10 000; все они содержатся в окрестностях Москвы»*.<sup>321</sup> Этот стратегический конный резерв постоянно находился в высокой степени готовности. За здоровье лошадей собственной головой отвечали царские ветеринары, в табунах шли процессы отбраковки больных и слабых животных, специальные воеводы, как мы знаем, следили за ежегодным пополнением военных конюшен свежими степными скакунами.

---

<sup>321</sup> Флетчер. Стр. 107.

## Глава 12

### Герцинский лес

Описывая Московию, Павел Иовий сообщал, что её равнинные пространства от весны до осени представляли собой сплошные непроезжие болота: *«Поверхность ея – большею частью плоская и изобилует лугами, хотя летом во многих местах болотиста. Это происходит от того, что вся Московия пересекается большими реками, которыя, поднимаясь от тающих весною снегов и разрешающагося льда, во многих местах поля превращают в болота, а дороги покрывают стоячей водою и глубокою грязью, непросыхающею до тех пор, пока реки сии при наступлении новой зимы не покроются опять льдом и болота не окрепнут от сильных морозов так, чтобы можно было безопасно ездить по оным»*.<sup>322</sup> Сейчас такого мы не наблюдаем. Было ли это преувеличением автора? Может быть, и нет. Например, по Л. Н. Гумилёву, в определённые периоды истории увлажнение лесной зоны нынешней территории России достигало максимума. В своей известной книге «Древняя Русь и Великая степь» он связывал изменение климата степной и лесной зоны восточной Европы с изменениями путей движения атлантических циклонов: *«Дожди и снега, выпадавшие над просторами Зауралья и на берегах Аральского моря, в IX в. незаметно переместились на север – на берега Оки и Камы. Там множились болота, ручейки превращались в бурные потоки, а Волга каждой весной уносила влагу в Каспийское море, набухавшее до X в.»*.<sup>323</sup> Если такое увлажнение лесной зоны центральной полосы сохранялось до XVI века, то, действительно, пробираться по лесным дорогам «Герцинского леса», так в античное время называли лесное пространство центральной и восточной Европы, было достаточно сложно.

Сам же «Герцинский лес», в представлении древних европейских жителей, был больше, чем просто густой дремучий древостой. Из известной книги по истории религии «Золотая ветвь» Джеймса Джорджа Фрезера, впервые изданной в Англии в 1923 году: *«Поклонение деревьям играло важную роль в Европе, в истории религии арийцев. И это вполне естественно. Ведь на заре истории Европа была покрыта безбрежными первозданными лесами, и разбросанные там и сям расчищенные участки представляли собой островки в океане зелени. Вплоть до I века до нашей эры к востоку от Рейна простирался Герцинский лес; протяжённость его была огромной: германцы, опрошенные Цезарем, путешествовали по нему в течении двух месяцев и не достигали конца. Четыре столетия спустя этот лес посетил император Юлиан, и его уединенность, мрак и молчание произвели глубокое впечатление на чувствительную душу императора. Он объявил, что не видел ничего подобного во всей Римской империи»*.<sup>324</sup> Павел Иовий, описывая Московию не отступал от сложившихся представлений: *«Большую часть Московии занимают Герцинские леса, которыя, будучи уже в некоторых местах заселены и в продолжение времени расчищены трудолюбием жителей, не представляют более тех страшных и непроходимых дебрей, как прежде. Сказывают, что они наполнены множеством диких зверей и тянутся не перерываясь по всей Московии в направлении к Северовостоку до самага Скифскаго океана, так что при всех стараниях никому ещё досель не удалось открыть конца их»*.<sup>325</sup>

Альберт Кампензе описывал этот лес в своём письме к папе Клименту VII «О делах в Московии»: *«Герцинский лес, рассеянный частыми и густыми рощами на всем простран-*

---

<sup>322</sup> Иовий. Стр. 22–23.

<sup>323</sup> Гумилёв. Стр. 50.

<sup>324</sup> Дж. Дж. Фрезер. Золотая ветвь. Москва. Политиздат. 1986. Стр. 110.

<sup>325</sup> Иовий. Стр. 23.

стве Московии, снабжает жителей всякаго рода деревьями... Сосны – величины невероятной, так что одного дерева достаточно на мачту самага большого корабля, а дуб и клен гораздо лучше, чем в наших краях. Эти два дерева, будучи распилены, представляют в разрезе своем удивительную и прелестную смесь цветов, на подобие волнистаго камлота. Купцы наши вывозят их в большом количестве в числе прочих товаров из Московии и продают по весьма дорогой цене, не смотря на то, что у нас самих нет недостатка в лесе».<sup>326</sup> Но какой лес, тем более лес связанный с древними мифами, обойдётся без «множества» свирепых диких зверей, и Павел Иовий сообщал, в той части Герцинского леса: «которая принадлежит Пруссии, водятся огромные и свирепые буйволы, видом похожие на быков и называемые Бизонтами, а также Альцесы (*Alces*), род зверей, сходный с оленями и отличающийся мясистой мордою, высокими ногами и несгибающеюся щёткою. Москвитяне называют их лосями, а Немцы еленями. Животныя сии известны были ещё К. Цезарю. В Герцинских лесах водятся также необыкновенной величины медведи и страшные, большие чёрные волки».<sup>327</sup>

Впечатляет! От края до края священные мрачные дубравы, густые хвойные массивы, поросшие лишайником, хранящие «уединённость, мрак и молчание», многочисленные лоси – «елени», грозные экзотические «бизонты» – зубры.

Мы знаем, что в конце XV – начале XVI столетий численность зубров была достаточно велика, эти быки могли становиться небезопасным охотничьим трофеем. Об этом писал барон Герберштейн: «Желающим охотиться на бизонтов надлежит обладать большою силою, ловкостью и проворством».<sup>328</sup> Зато трофей наверняка был предметом гордости или темой для беседы при дворах иностранных государей.

Темой для обсуждения, скорее всего, становились и «необыкновенной величины медведи, и страшные большие чёрные волки», которые водятся в древнем Герцинском лесу. От этих рассказов европейского путешественника бросало в дрожь. Позже секретарь голштинского посольства Адам Олеарий очень образно описал «бесчинства» этих хищников: «Зимом волки безбоязненно вбегают во дворы, а если скот заперт, то они подкапываются под стены и вытаскивают наружу овец; зачастую уносят они и собак со двора. Во многих местах они ночью делают дороги небезопасными...

В 1634 г., 24 января, в 1 1/2 милях от Нарвы небольшой, без сомнения бешеный волк встретил 12 русских крестьян, которые ехали друг за другом с санями, нагруженными сеном. Волк прежде всего набросился на первого, вскочил на него, захватил за горло и повалил на землю. То же сделал он и ещё с другим. У третьего содрал он шкуру с головы, четвёртому оторвал нос и щёки, пятого и шестого также весьма сильно повредил. Когда задние это увидели, то они сбежались, вступили в бой с волком, одолели его и убили. Одного из пораненных русских я вместе с нашим доктором посетил в Нарве и осмотрел его. Лицо и голова его были в том ужасном состоянии...».<sup>329</sup> Волки в лесах Европейской России действительно отличались величиной. Известный российский и советский зоолог, глава московской школы териологии, Сергей Иванович Огнёв в своей фундаментальной монографии «Звери Восточной Европы и Северной Азии» сообщал: «...Максимальный вес лесных волков наших средних губерний достигает 69–78 кг».<sup>330</sup>

Медведи же, по словам Олеария, вообще творили беспредел: «Как передают, они не щадят и тел покойников, вырывая их из земли, если они не слишком глубоко закопаны, и

---

<sup>326</sup> Кампензе. Стр. 30.

<sup>327</sup> Иовий. Стр. 23.

<sup>328</sup> Герберштейн. Стр. 173.

<sup>329</sup> Олеарий. Стр. 121.

<sup>330</sup> Огнев. Т. 2. Стр. 173.

съедая их. Так, например, осенью 1634 г. они за Гаккегоффом в сторону Нарвы выкопали 13 трупов на кладбище и унесли тела, лежавшие в гробах, вместе с этими последними.

Немного лет тому назад знатная, в этих местах весьма известная женщина во время путешествия застала медведя, несшего в лапах труп, причем саван тащился за ним. Её лошадь при виде этого зрелища зафыркала и забилась и так понеслась вместе с санями, что женщина потерпела немало опасности на рытвинах и камнях». <sup>331</sup> Правда, эти самые медведи, в полном соответствии с традициями русских сказок, иногда совершали и курьёзные поступки. Олеарий описал такое медвежье безобразие, произошедшее в одной из деревень:

*«...Крестьянин поставил перед шинком открытую бочку с сельдями для продажи, а сам вошел в шинок. В это время из лесу пришел большой сильный медведь, присоседился к бочке и поел из неё сколько ему нужно было. После этого он направился во двор к лошадям, а когда крестьяне прибежали спасать их, то он одновременно с лошадьми поранил и некоторых из крестьян, заставив их отступить. После этого он вошел в дом, нашел там чан для варки пива, полный свежесваренного напитка; тут он напился этого пива до отвала. Хозяйка дома, спрятавшаяся с двумя детьми на печку, в страшной боязни молча наблюдала за недобрый гостем. Напившись, медведь направился в лес. Когда крестьяне заметили, что он начал шататься, они последовали за ним. На дороге он свалился, подобно пьяному человеку, и заснул, тут они на него набросились и убили его».* <sup>332</sup> Далее секретарь голштинского посольства скромно добавлял, что про медведей: *«... Рассказывают много других ещё более странных историй... так как всё это должно показаться невероятным читателю, не слышавшему ещё ничего подобного, то я решил в своей книге не приводить подобных подробностей».*

Однако и на коварных мохнатых злодеев находилась управа. Итальянский военный инженер на службе польского короля, комендант города Витебска Александр Гваньини, сообщал во второй половине XVI столетия о жителях Московии: *«Они столь сильны, что без всякого оружия, надеясь на одну силу свою, часто отваживаются сражаться со свирепыми и неукротимыми медведями и, схвативши их за уши, дотоле утомляют их, доколе сии последние не упадут на землю».* <sup>333</sup> (Интересно было бы посмотреть на уши бедного зверя, после такой унижительной процедуры).

Если дальше продолжать тему о легендарных русских ушастых животных, конечно, надо вспомнить зайца. Этот любимый нами с детства персонаж не остался без внимания и иностранных послов. Пытаясь понять, почему в Курляндии зайцы зимой остаются серыми, а в Московии меняют цвет на белый, Адам Олеарий произвел целое научное исследование:

*«Причина такой перемены цвета заключается в темперементе (в сложении), так как цвет волос следует цвету темперамента животного... Эте звери в России, вследствие болотистой, сырой почвы имеют более флегматическую, сырую и холодную природу, чем наши; поэтому, когда настает наружный холод, как зимою... то они белеют; ибо белый цвет происходит от холода («*albus capillus innuit frigidam complexionem*», замечает Аверроес (Averroes) о помянутом сей час месте Авицены), точно так, как чёрный от жара. Когда же летом настает опять тёплый и сухой воздух, как это бывает там обыкновенно, тотчас вместе с тем изменяются и их темперамент (сложение) и цвет».* <sup>334</sup> Другой темперамент у русских зайцев? Надо же, наши зайцы, в отличие от европейских, оказывается, имели: *«более флегматическую, сырую и холодную природу».* Интересно, разгуливали ли эти «флегматические» зайцы в обнимку с медведями по улицам Москвы?

---

<sup>331</sup> Олеарий. Стр. 123–124.

<sup>332</sup> Олеарий. Стр. 122–123.

<sup>333</sup> Гваньини. Стр. 97.

<sup>334</sup> Олеарий. ЧИОИДР. 1868. Кн. 3. Стр. 122.

Закончив обсуждать тему зайцев, Олеарий далее продолжал: «Кроме этих, употребляемых в пищу, в России водится множество хищных, нечистых диких зверей: медведей, волков, рысей, тигров, лисиц, соболей и куниц...».<sup>335</sup> Такая информация о делении зверей на чистых и нечистых требует дополнительного осмысления. Она, конечно, могла просто выражать личные пристрастия обожателя заячьего мяса, секретаря посольства Адама Олеария. Но, очень может быть, эта фраза отражала сложившиеся взгляды населения Голштинии XV–XVI веков или даже общеевропейские религиозные представления того времени (хищные звери – служители Воланда?).

Приложил своё перо к описанию животных «Европейской Сарматии» и Матвей Меховский. Добросовестный польский профессор сообщал, что кроме крупных зверей – туров, зубров и обязательных медведей в этих огромных лесах водятся: «дикие ослы и лесные кони, олени, лани, газели, козы, кабаны, куницы, белки и другие породы зверей». Дикие ослы, лесные кони, олени, лани, газели, козы. Какой богатый перечень, мечта заядлого охотника. И в то же время сколько всего мы потеряли за прошедшие столетия.

Дикие ослы (онагры) или куланы, как мы знаем, в большом количестве водились на просторах Великой Степи, наверняка заходя и в леса. В густом древостое обитал и лесной подвид диких лошадей – тарпанов. Но зачастую западные путешественники допускали смешение понятий. Так Сигизмунд Герберштейн, перечисляя животных, которые водятся в Литовских лесах, упоминал лесных лошадей – онагров: «...В Литве имеются следующие звери: Бизонты, Буйволы, Лоси, по другому названию онагры, то есть лесная лошадь».<sup>336</sup> Значит, онаграми – дикими осликами (они же и дикие лошади), могли называть ещё и лосей.

Настоящий, благородный олень *Cervus elaphus* Linnaeus, животное, знакомое практически всем по многочисленным литературным произведениям, художественным или мультипликационным фильмам. Вспомните описания величественных королевских охот, пиров благородных рыцарей под оленьими рогами у пылающего камина. Юных романтических дам, грацию которых средневековые поэты сравнивали с лёгкой поступью оленухи, и многое другое, что стало частью общеевропейской и мировой культуры. До середины XX века «благородным оленем» было принято называть только его европейскую форму, которая считалась особым видом, в отличие от сибирского марала, дальневосточного изюбря, бухарского оленя, американского вапити и других форм. Исследования советских учёных (Гептнер, 1940; Гептнер и Цалкин, 1947) доказали, что все эти формы являются единым видом, который стали объединять русским названием «настоящий олень».<sup>337</sup> Современные молекулярно-генетические исследования подтвердили единство вида *Cervus elaphus* Linnaeus, а также определили наличие второй азиатско-американской генетической линии этого животного.<sup>338</sup>

Территория обитания европейской линии настоящего оленя очень широка, она покрывает всю Западную и юг Восточной Европы, Британские острова, Корсику, Сардинию, Марокко, Алжир, Тунис, Малую Азию, Кавказ, Среднюю и Центральную Азию, Восточный Китай, Гималаи.<sup>339</sup> Естественно, при таком обширном ареале это животное в разное время и у разных народов называлось по-разному. У нас также существует много народных названий этого красавца: в западных, центральных и южных районах бывшего СССР, на Кавказе, в Средней Азии его называют старинным русским именем олень, в Сибири – марал, на Дальнем Востоке и в Забайкалье – изюбрь.

---

<sup>335</sup> Олеарий. ЧИОИДР. 1868. Кн. 3. Стр. 123.

<sup>336</sup> Герберштейн. Стр. 173.

<sup>337</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 121.

<sup>338</sup> Барышников. Тихонов. Ч. 1. Стр. 155.

<sup>339</sup> Барышников. Тихонов. Ч. 1. Стр. 149.

Дело здесь не просто в народных говорах, у настоящего оленя очень велик разброс признаков, а значит, существует значительное количество форм этого вида. Такое положение дел биологические справочники характеризуют ёмкой фразой – «у оленя очень велика географическая изменчивость». Справочник «Млекопитающие Советского Союза» Гептнера и Наумова от 1961 года по морфологическим признакам выделял 3 группы настоящего оленя: западную, сибирскую и среднеазиатскую, которые отличались друг от друга, кроме других различных признаков, формой рогов.<sup>340</sup>

Справочник «Млекопитающие фауны России» Барышникова и Тихонова от 2009 года делит эти три группы на 5 подвидов:

1) *Cervus elaphus (elaphus) Linnaeus* – европейский благородный олень, среднего размера с яркой летней шерстью рыже-бурого цвета.

2) *Cervus elaphus Maral* – кавказский благородный олень, животное более крупное, в окраске шерсти преобладают жёлтые и серые тона, рога менее ветвистые, чем у европейского подвида.

3) *Cervus elaphus bactrianus* – бухарский олень или хангул. Животные среднего размера со светлой, песчано-серой шерстью.

4) *Cervus elaphus sibiricus* – марал, самые крупные животные, с большими рогами, буровато-коричневого цвета.

5) *Cervus elaphus xanthopygus* – изюбрь. Чуть более мелкие олени, чем маралы, летняя окраска яркая красновато-рыжая. Живёт к востоку от озера Байкал и в Приморье.<sup>341</sup>

Гептнер и Наумов выделяли в пределах европейского подвида настоящего оленя, подвид оленя карпатского (*Cervus elaphus montanus*), хотя и отмечали, что самостоятельность этой формы сомнительна. Отдельным подвидом эти авторы считали также оленя крымского (*Cervus elaphus brauneri*).<sup>342</sup>

Три основных типа рогов, о которых писали Гептнер и Наумов, в основном соответствовали трём упоминавшимся основным группам *Cervus elaphus Linnaeus*.

1) Рога средневропейского типа имеют наиболее сложное строение, количество отростков от ствола очень велико. Сильноветвящиеся отростки располагаются в разных плоскостях и образуют так называемую «крону» или «чашу». Олени с такими рогами жили по всей Европе, в том числе и на пространствах Малого Хейхата, между Волгой, Доном, Северским Донцом и Днепром. Такую же или чуть более простую крону имеют олени Кавказа.

2) Рога маралового типа крупнее европейских, могут достигать, как пишет справочник, «огромных размеров». Очень толстый ствол кроны, как правило, не образуют, отростки располагаются в одной плоскости, рога обычно сильно «раскинуты» в стороны. Такие рога несут олени (маралы) Сибири и Тянь-Шаня, изюбри Дальнего Востока.

3) Хангуловый (центральноазиатский) тип – самый простой тип рога. Массивные, но небольшие хангуловые рога не образуют настоящую крону, поставлены более-менее отвесно, их раскид различен. Такие рога имеют центральноазиатские олени, в частности олени Средней Азии – Бухарские олени.<sup>343</sup>

В древнем Герцинском лесу и на пространствах Великой Степи олени были животными заметными и востребованными, недаром археологические раскопки дают такое большое количество его костей в кухонных слоях древних поселений. Но был сезон, когда их присутствие было особенно ощутимо, оно заставляло волноваться охотничьих псов в княжеских

<sup>340</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 140.

<sup>341</sup> Барышников. Тихонов. Ч. 1. Стр. 156–157.

<sup>342</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 140.

<sup>343</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 124–125.

псарнях, горячих жеребцов в боярских и дворянских конюшнях. Это присутствие заставляло учащённо биться сердца мужчин в великокняжеских теремах и мальчишек в дальних сёлах, провожавших своих отцов-загонщиков в трудные многодневные походы. Это был период оленьего осеннего гона, начинавшегося в конце августа – сентябре, когда могучие красавцы быки сшибались рогами в яростных схватках из-за пугливых оленух. Тогда треск от удара рогов разносился далеко вокруг, а накал страстей достигал такой силы, что схватки могли заканчиваться гибелью одного или обоих соперников, а иногда ломались и сами рога. В отдельных случаях рога соперников так крепко сцеплялись между собой, что животные уже не могли разойтись и погибали от голода и жажды.<sup>344</sup>

Период оленьего гона и турнира быков сопровождался ещё одним ярким событием – так называемым «рёвом». Самцы, ослеплённые страстью, устремлялись на возвышенности, к обрывам рек, к местам, откуда их голос будет наиболее слышен, и оглашали окрестности густым низким звуком, напоминающим рёв трубы. У молодых оленей голос был более высокий и звонкий, у находящихся в расцвете лет – низкий и хриплый. Приходящие в неистовство быки сдирали рогами кору с окрестных деревьев, ломали их нижние ветви, густой трубный звук разносился вокруг на расстояние до нескольких километров. Период рёва продолжался достаточно долго, 1,5–2 месяца, иногда и дольше. Отдельные быки могли реветь ещё в декабре – январе.<sup>345</sup>

В условиях леса и лесостепи, по-видимому, это касается и наших мест, междуречья рек Орели и Самары, для оленей были характерны постоянные участки обитания, причём не только для гаремов во главе с самцами, но и для взрослых самок с оленятами. Некоторые исследователи отмечали, что вожаки оленьего стада маркировали границы своих участков, оставляя в определённых местах «задиры» на коре деревьев и пахучие метки мочи.<sup>346</sup> Могучие быки метили свою территорию так же, как метят её кобели. Не всегда оленьё стадо жило оседло, обычным делом была сезонная миграция, в случае опасности вожак уводил свой гарем в другие, безопасные места.

В прошлые века европейский олень на территориях бывшего СССР заселял леса Литвы и Белоруссии, вероятно, западные части Смоленской области. Не были исключением и степи Новороссийского края, бывшей Екатеринославской провинции. Стада рогатых красавцев обитали в лесах по Орели и Самаре, и южнее, в причерноморских и приазовских степях (даже в таких засушливых местах, как Перекоп). Жил европейский олень под Чугуевым, в Полтавской области, в районах Миргорода, Лубен, Гадяча, к востоку от Чернигова. Обычным видом он был в Курской и Белгородской областях, в Заокских лесах и Тульских Засеках. Восточная граница ареала проходила ориентировочно по Волге до Астрахани. Исследователи установили, что в районе Москвы европейский олень был уничтожен задолго до основания города, по-видимому, эти леса и были северной границей его ареала. В царских охотничьих подмосковных угодьях олень обитал и в более поздние времена, но это были завозные, искусственно разводимые животные.<sup>347</sup>

Существует мнение, что настоящий олень жил севернее Москвы ещё во времена не столь отдалённые, хотя большинство специалистов относятся к этому скептически. Так это или нет, судить не берусь. Но не надо забывать, что в Московском государстве, кроме настоящего, благородного оленя, жил ещё один вид оленя – северный олень (*Rangifer tarandus* Linnaeus). Это не менее благородное животное было одним из самых первых одомашненных диких зверей. Оно многие столетия кормило и одевало своего хозяина, человека древ-

<sup>344</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 157.

<sup>345</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 155.

<sup>346</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 150.

<sup>347</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 127–129.

него мира, средних веков и нового времени. В отличие от оленя настоящего, северный выглядит более приземистым и коротконогим, с низко наклонённой головой, как бы сгорбившимся. Справочник «Млекопитающие Советского Союза» даёт этому животному такую живописную характеристику: «Если общий облик настоящих оленей (*Cervus elaphus*) считать типичным для оленей, то лось с его высокими ногами и коротким туловищем представляет собой крайнее уклонение в одну сторону, а северный олень – в другую; это антипод лосю».<sup>348</sup> Стада северных домашних оленей зимой и летом кочуют по тундре вместе с пастухами оленеводами, это устоявшееся представление знакомо даже детям. Однако северный олень существовал и существует не только в домашнем, но и в диком состоянии и обитал не только в тундре, но и в лесах. На территории России описано более 20 подвидов, рас, гибридов северного оленя, его диких, одичавших, домашних форм, среди них новоземельские, сибирские, охотские тундряные и лесные олени.

В европейской части страны обитает европейский подвид сибирского оленя, *Rangifer t. tarandus* Linnaeus. Крупный специалист в области северного оленеводства, доктор биологических наук Евгений Евгеньевич Сыроечковский в своей монографии «Северный олень» сделал описание границ его ареала на конец XIX века. Южная граница обитания дикого северного оленя в европейской части России проходила от юго-западного берега Ладожского озера к Ильмень-озеру, затем к Осташкову. Далее проходила южнее Углича (у Загорска) к Плещееву озеру, дальше через владимирские и муромские леса к устью Оки. Отсюда ареал охватывал часть правобережья Волги и среднее течение реки Суры. От Буинска граница ареала шла по Каме до устья реки Белой, к Уфе, к южным предгорьям Урала почти до Оренбурга.<sup>349</sup> Если посмотреть на карту, становится ясно – южная граница ареала северного европейского оленя проходила примерно там же, где проходила северная граница обитания европейского настоящего оленя. Вполне возможно, что в XV–XIII веках места их обитания пересекались, настоящие олени заходили севернее, а северные южнее. Народная же память старинные географические названия сохранила, и в южных, и в северных регионах много слов, связанных с именем олень, без деления на научные понятия «северный», «настоящий», «благородный».

Очень вероятно, что северный олень использовался в северной Руси для санных выездов, для перевозки грузов гораздо чаще, чем это представляется нам сейчас. Во всяком случае, в 1636 году секретарь голштинского посольства Адам Олеарий в своём «Описании путешествия в Московию» упоминает об упряжных северных оленях в царских конюшнях Кремля: «Мы несколько штук видели в московском Кремле... Их употребляют вместо лошадей, впрягая их в небольшие легкие сани, которые устроены вроде получелноков или лодок; на них они чрезвычайно быстро ездят».<sup>350</sup> К слову сказать, в ледниковый период северный олень обитал по всей Средней и Западной Европе, включая Англию, Ирландию, Францию, на севере Испании, на территории нынешней Украины и даже в Крыму.<sup>351</sup>

Кроме оленей, в Герцинских лесах были и другие жители. Уже знакомая нам дикая коза или европейская косуля (козуля) (*Capreolus capreolus* L), напоминающая маленького изящного оленя, водилась не только в степи, но и в лесу, о чём сообщал профессор Меховский, а газели, которых он также упоминает, это, видимо, знакомые нам сайгаки. Под дикими козами Герцинского леса понимали и других животных.

<sup>348</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 304.

<sup>349</sup> Е. Е. Сыроечковский. Северный олень. Москва. 1986. Стр. 25.

<sup>350</sup> Олеарий. Стр. 163.

<sup>351</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 302.

В горных областях Центральной и Южной Европы, на Пиренеях, Балканах, Карпатах обитали серны или чёрные козлы (*Rupicapra Rupicapra Linnaeus*). В более древние времена эти животные занимали не только возвышенности, но были распространены на равнинных лесных территориях.<sup>352</sup> Серна, стройное животное весом до 60 килограммов, имеет яркий, запоминающийся вид. Её острые рога в верхней части круто загнуты назад, роговое вещество чисто чёрного цвета. Окраска летнего меха красновато-рыжая, иногда ржавого оттенка, по спине от затылка до хвоста тянется чёрный или бурый «ремень» шириной 3–4 сантиметра из выделяющихся блестящих волос. Такая же тёмно-бурая полоса тянется от основания уха через глаз к углу рта. Нижние боковые части тела на границах с паховой областью также тёмные, пах почти белый, грудь тёмно-бурая. Передние ноги до середины почти чёрные, у копыт часто имеются участки рыжего цвета. Хвост рыжий, на конце с длинными тёмно-рыжими или чёрными волосами. Зимний мех густой, длинный чёрно-бурого цвета, спина чёрная, чёрные волосы часто имеют белые кончики. Грудь снизу светло-бурая, задняя сторона бёдер и живот ярко рыжие.<sup>353</sup>

Ещё одно копытное, о котором упоминал Матвей Меховский, это лань европейская (*Servus Dama Linnaeus*), изящное животное из семейства оленей. И действительно, как и козуля, лань очень напоминает европейского благородного оленя. Цвет её шерсти летом ярко-рыжий с большими белыми пятнами на спине и по бокам. Зимой мех более тёмный, и пятнистость заметна меньше. Лань крупнее европейской козули, но уступает в размерах благородному оленю (высота в холке чуть меньше метра). Рога у самцов большие, ветвистые, с большой лопатой на конце и отростками на задней стороне.<sup>354</sup> Ещё в XVI веке эти животные обитали в лесах Литвы и Белоруссии, в Беловежской Пуще, возможно, водились и в более поздние времена.<sup>355</sup>

Описывая наш животный мир, Меховский попутно оставил для потомков интересное поучительное наставление:

*«Ещё есть в Литве и Московии весьма прожорливое и бесполезное животное, не встречающееся в других местах, под названием росомаха. Величиной она с собаку, с кошачьей мордой, телом и хвостом похожа на лисицу, чёрного цвета; питается трупами. Найдя труп, так наедается, что раздувается и растягивается, как барабан. Тогда она ищет тесное и узкое место между деревьями, входит туда, протискиваясь с усилием, чтобы насильно съеденное насильно и извергнуть. Потоцвав таким образом, снова бежит к трупу и снова до отказа наедается, а потом опять повторяются те же усилия и возвращение к мертвецу, пока, наконец, она не покончит с ним, сожрав его совершенно.*

*Может быть, природа создала в тех странах столь ненасытное животное в укор людям, страдающим такую же прожорливостью.*

*Дело в том, что там, когда знатные и богатые начинают пировать, то сидят с полудня до полуночи, непрерывно наполняя брюхо пищей и питьём; встают из-за стола, когда велит природа, чтобы облегчиться, и затем снова и снова жрут до рвоты, до потери рассудка и чувства, когда уже не могут отличить голову от зада. Таков гибельный обычай в Литве и Московии, а ещё более бесстыдно существует он в Татарии».*<sup>356</sup> Не правда ли, писано 500 лет тому назад, а как актуально? Владетельные любители мертвечины не перевелись до сих пор.

<sup>352</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 501.

<sup>353</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 503.

<sup>354</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 682.

<sup>355</sup> Гептнер. Наумов. Т. 1. Стр. 678.

<sup>356</sup> Меховский. Стр. 112.

Но вернёмся к нашей книге. Тетерева, глухари, рябчики, вся эта группа издавна называется «боровая дичью». Для наших предков эти птицы были желанной и лакомой добычей. Помните у Маяковского: «Ешь ананасы, рябчиков жуй...»? Но, в отличие от времён Маяковского, в XV–XVI веках эта дичь была ещё легко доступна. В наше время вкус тетеревов или тех же рябчиков знает далеко не каждый. *«В Московии, – писал Павел Иовий, – ловят одну черноватую птицу, величиною с гуся, с алыми бровями, коей мясо вкуснее самага фазана. На их языке она именуется тетеревом (tether), Плиний же называет её Erythratao. Птица сия известна жителям Альпов, особенно Ретийцам, обитающим в лесах, близ источников Адды».*<sup>357</sup> Кроме боровой дичи, в те времена промышляли и многих других пернатых. Известный нам капитан Маржерет о птице, добываемой здесь, сообщал: *«... Фазанов, куропаток, дроздов серых и чёрных, перепёлок, жаворонков – весьма много, кроме безчисленного количества другой дичи, исключая бекасов, коих мало видно... из аистов я видел только одного совершенно чёрнаго».*<sup>358</sup>

Вкусы населения того времени и в России, и в Европе отличались от наших. Напомню перевод старинной английской народной песенки, сделанный Самуилом Маршакком: *«Много, много птичек запекли в пирог: семьдесят синичек, сорок семь сорок...».* Эти слова не только аллегория, в средние века певчие птицы в Европе считались деликатесом. Вот и поляк Матвей Меховский, видимо испытывая пристрашие к деликатесному блюду, написал не о фазанах, куропатках или перепёлках, а о именно о дроздах: *«Кроме того, там много птиц, и, между прочим, хотя виноградников там нет, прилетают дрозды, жиреют и бывают вкусны для еды».*<sup>359</sup> Ещё одним пристрастием гурманов были жаворонки. Традиция выпечки жаворонков из теста имеет очень глубокие корни. В древности этих птиц массажи отлавливали и ели по всей Европе (вероятно, такие пиры имели и ритуальный характер). Даже в начале XVII века английский священник, оксфордц Ричард Джемс, волей судьбы зимовавший в Холмогорах, с удовольствием угощался таким блюдом из местной разновидности жаворонка: *«Небольшия птицы величиною почти с жаворонков и с такими-же длинными когтями; спина и брюшко того-же цвета, но по бокам головы у них как бы два коротеньких рожка из чёрных перьев... На вкус они сходны с жаворонками и очень жирны. 4-го октября (т. е. 1619 г.) в Холмогорах мы съели 18 штук, которыя купили за 4 копейки; 6-го числа за 12 таких птиц было заплачено 3 копейки».*<sup>360</sup> Жаворонкам и дроздам, в отличие от глухарей и тетеревов с рябчиками, конечно, повезло больше. Изменившиеся кулинарные пристрастия населения позволили певчим птицам и дальше вольготно нагуливать свой птичий жирок в наших лесах и полях.

В реках и озерах Московии водилось много рыбы. Профессор Меховский сообщал об этом коротко, но восторженно: *«В Литве и Московии много и других крупных рек и озер, куда в бесчисленном множестве впадают малые реки и ручьи. Все они в высшей степени обильны рыбой. В тех странах везде, где есть вода, есть и рыба, притом более вкусная и приятная для еды, чем в наших областях. Рыбных садков и прудов с искусственно разводимой рыбой там не устраивают за ненадобностью».*<sup>361</sup> Язи, лещи, дикие карпы – сазаны, голавли, плотва, ельцы, окуни, много других видов рыбы ловилось в реках «Европейской Сарматии». С севера в Москву привозили русского лосося – сёмгу. Обилие налима, шуки, судака, как в зеркале, отразилось в русском народном фольклоре: уха из налима стала фразой

<sup>357</sup> Иовий. Стр. 49.

<sup>358</sup> Маржерет. Стр. 6.

<sup>359</sup> Меховский. Стр. 112.

<sup>360</sup> И. Гамель. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Статья вторая. С.-Петербург. 1869. Стр. 245.

<sup>361</sup> Меховский. Стр. 111.

нарицательной, щука – сказочным персонажем, а судак – персонажем песенным. Павел Иовий из этого общего «большого количества» рыбы особо выделял сомов: *«В реке Волге, ловят множество рыбы огромной величины и отличного вкуса, в особенности же сомов, известных древним под названием Силуров... Прочие сорта рыб ловятся в большом количестве в упомянутых уже мною Белых озерах»*.<sup>362</sup>

Но основное внимание иностранцев было, конечно, обращено на осетровых. Белуга, осётр, севрюга, стерлядь – они были неотъемлемой частью царского парадного стола, визитной карточкой «Руссии». Копчёные или вяленые осетровые или белужьи балыки часто фигурировали в качестве подарков иностранным посольствам. Осетровые ловились в реках Волга и Дон. Однако основным их источником, как сообщал Сигизмунд Герберштейн, в те времена была река Ока. *«...Эта река особенно знаменита обилием рыбы; ея рыба предпочитается другим рекам Московии и главным образом та, которая ловится около Мурома. Кроме того, она имеет некоторых особенных рыб, которых на их языке носят следующие названия: Белуга, удивительной величины, без плавников, с огромной головой и пастью, Стерлядь, Севрюга (Schevuriga), Осетр – последние три принадлежат к породе Стурионов (осетров?) – и Белорыбица, то есть белая рыбка самага отменнаго вкуса. По их мнению, наибольшая часть этих рыб заходит сюда из Волги»*.<sup>363</sup>

Белорыбица (*Stenodus leucichthys*) – ещё один деликатес, часто упоминавшийся иностранцами. Она имеет нежное, деликатесное мясо, относится к группе сиговых рыб и в реки Московии поднималась из Каспийского моря. Рыбка эта не маленькая, бывает длиной больше метра и весом более 10 килограмм. Подобная рыба под названием нельма водится в Северной Двине, Печоре, Оби и других северных реках и, видимо, является разновидностью белорыбицы. Нельма, выловленная в северных реках, также попадала к царскому столу.

Если говорить о сиговых, то с одним из очень мелких представителей этой группы связано сразу несколько легенд. Речь идёт о сосьвинской или царской сельди (научное название тугун). Это, конечно, совсем не сельдь, а белая (сиговая) рыба – эндемик, с очень нежным мясом, размером с крупную мойву, самое ценное стадо которой водится в реке Северная Сосьва (уральский приток Оби). После установления прочных связей Московии с народами Обского бассейна, была организована специальная ямская линия для доставки свежезасоленной, вернее, залитой специальным маринадом, сосьвинской сельди к царскому столу. Причем, как гласит легенда, время доставки было четко увязано с временем созревания тугуна в пряной засолочной смеси. Таким образом, после стремительной ямской гонки со сменой лошадей и ямщиков, когда груз в повозке подвергался ещё и интенсивному встряхиванию, откупоренные в Кремле бочонки содержали только что приготовленную белую рыбку специального пряного посола. Гораздо позже, во время Второй мировой, когда северные морские конвои под свист авиационных бомб и грохот корабельных орудий прорывались к Мурманску, Иосиф Сталин, отправляя премьеру Черчиллю свои послания, прилагал к ним скромные российские презенты. А именно те, которые сэр Уинстон предпочитал более всего – армянский коньяк и сосьвинскую сельдь.

Эту легенду в конце далеких семидесятых я слушал на лекциях по зоологии в аудиториях родного ДГУ, не подозревая, что через несколько лет окажусь на реке Северная Сосьва полевиком-ихтиологом. Но и там, на Сосьве, старые работники Берёзовского рыбокомбината уверенно утверждали, что специально изготовленные для тех военных английских поставок эксклюзивные трёх- и пятилитровые кедровые бочонки до сих пор хранятся то ли на складе, то ли в заводском музее. Пробовал ли Уинстон Черчилль сосьвинскую сельдь, не знаю. Но могу утверждать с уверенностью, лично мне вкус малосольного или свежемаринованного

<sup>362</sup> Иовий. Стр. 49–50.

<sup>363</sup> Герберштейн. Стр. 107.

тугуна собственного приготовления нравился гораздо больше, чем осетрина или вышеупомянутая малосольная нельма (армянский коньяк, конечно, в тех местах достать было практически невозможно). Тугуна, кстати, в любое время года можно есть и в сыром виде.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.